

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 5 (78)
2016

Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
10 января 2000 г.

Регистрационный номер
ПИ № 77-1448

Главный редактор:

К. А. Плясов, к.ю.н., доцент

Заместители главного
редактора:

Г. С. Працко, д.ю.н., д.ф.н., проф.
С. Н. Болдырев, к.ю.н., доц.

Редакционная коллегия:

П. П. Баранов, д.ю.н., проф.
А. В. Варданян, д.ю.н., проф.
Н. С. Бондарь, д.ю.н., проф.
Н. Л. Бондаренко, д.ю.н., проф.
А. И. Овчинников, д.ю.н., проф.
В. Д. Иванов, д.ю.н., проф.
А. Н. Ильяшенко, д.ю.н., проф.
Ю. А. Кашуба, д.ю.н., проф.
В. Я. Любашиц, д.ю.н., проф.
Н. В. Мамитова, д.ю.н., проф.
А. П. Мясников, д.ю.н., проф.
Г. Г. Небрятенко, д.ю.н., доц.
А. Н. Позднышов, д.ю.н., проф.
С. П. Поцелуев, д.полит.н., доц.
Е. А. Пушкарев, д.полит.н.
Л. П. Рассказов, д.ю.н., д.и.н.,
проф.
В. И. Третьяков, д.ю.н., проф.

Учредитель:

ФГКОУ ВО

«Ростовский юридический
институт МВД России»

Адрес редакции:

344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83;
тел.: (863) 207-86-31

Электронная почта:
ruiperiodika@mail.ru

© Юрист-Правовец, 2016
© РЮИ МВД России

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

- Шатковская Т. В., Науменко Ю. А.** Становление понятия
«субъект права» в международном уголовном праве
(к 70-летию юбилею Нюрнбергского процесса) 5
- Рыбак С. В.** Государственно-правовая деятельность
по преодолению беспризорности, безнадзорности
и преступности несовершеннолетних в советской России
в 20–30-е годы XX века 10
- Кириченко С. В., Шумилина А. Б.** Безработица как
глобальная проблема современной России 16
- Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П.**
Детерминанты, структура и содержание конфликта между
криминальной оппозицией тюремных авторитетов
и администрацией мест лишения свободы 21
- Коваленко В. И.** Понятие и виды криминальной эксплуатации
труда человека 27
- Гайдуков А. А.** О некоторых вопросах правового регулирования
профилактического учета лиц, допускающих правонарушения
в сфере семейно-бытовых отношений 33
- Алтухов С. А., Сасиков А. И.** Конфискация имущества:
неотъемлемое средство противодействия коррупции
или очередная профанация? 40
- Федулов А. В., Стукалова Т. В.** Начало уголовного
преследования и право лица на юридическую помощь 47
- ### УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ
- Кириллова Н. П.** Уголовно-процессуальная политика
государства и упрощение процессуальных форм 53
- Рогов А. В., Михин А. В.** Правовая основа деятельности
подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции по борьбе с преступлениями,
посягающими на законный оборот земель лесного фонда
Российской Федерации 59
- Соловьев В. С.** Криминологическое исследование
экстремистских проявлений в социальных сетях Интернета
(по материалам интернет-опроса пользователей) 63
- Тарнаков О. Г.** Актуальные вопросы прокурорского надзора
за предварительным расследованием 70

Выпускающий редактор:

А. А. Тарареева

Над выпуском работали:

Е. Е. Пелехатая,
А. А. Тарареева

Подписка на наше издание
осуществляется через подписное
агентство «Книга-Сервис»
(www.akc.ru).

Вопросы по оформлению
подписки можно задавать
по номерам телефонов:
8 (495) 680-90-88,
8 (495) 680-89-87 или
e-mail: public@akc.ru

Подписной индекс: 80032

Сдано в набор 27.09.2016

Подписано в печать
28.10.2016

Выход в свет
31.10.2016

Формат 60x84/8
Объем 15,9 п.л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 14,76.
Тираж 300 экз.
Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России
340015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Курсаев А. В. Признаки потерпевшего в составе необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (статья 145 Уголовного кодекса Российской Федерации) 75

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

Пролетенкова С. Е., Беликов А. П. Проект модельного закона Содружества Независимых Государств «Об обеспечении безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий»: основания разработки, перспективы и предложения 82

Безотецкая И. П. Особенности возникновения трудовых правоотношений у педагогических работников 86

Гуде С. В., Петрищева Е. Н. Актуальные проблемы и направления правового регулирования защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет 93

Трибуна Молодого Ученого

Медведева М. О. Информационные технологии в уголовном процессе: некоторые нормативные определения 99

Гасанов А. К. Деятельность по страхованию автотранспортных средств как объект уголовно-правовой охраны в Российской Федерации 103

Кутовой Д. А. Концепция сервисного государства в контексте модернизации государственного управления и противодействия коррупции: теоретико-правовые аспекты 109

Нистратова И. С. Проблемы медицинского обеспечения осужденных к лишению свободы, больных социально значимыми заболеваниями 114

Иванова О. М. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм о мошенничестве 120

Дудниченко А. Н. Общие теоретико-методологические положения использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 124

CONTENTS

Scientific and theoretical section

Shatkovskaya T. V., Naumenko Yu. A. Formation of the concept of «subject of law» in international criminal law (to the 70th anniversary of the Nuremberg trials)	5
Rybak S. V. State-legal activity to overcome homelessness, child neglect and juvenile delinquency in Soviet Russia in the 20–30-ies of XX century	10
Kirichenko S. V., Shumilina A. B. Unemployment as a global problem of modern Russia	16
Bilous E. N., Kutyakin S. A., Napkhanenko I. P. Determinants, structure and content of the conflict between criminal opposition of the prison authorities and the administration of places of deprivation of liberty	21
Kovalenko V. I. The concept and types of criminal exploitation of human labor	27
Gaidukov A. A. On some issues of legal regulation of preventive registration of perpetrators of offenses in the sphere of family-domestic relations	33
Altukhov S. A., Sasikov A. I. Confiscation of property: an essential tool against corruption or another profanity?	40
Fedulov A. V., Stukalova T. V. The beginning of criminal prosecution and the right of a person to legal aid	47

Criminal procedure, criminal law and criminology

Kirillova N. P. Criminal procedure policy of the state and the simplification of procedural forms	53
Rogov A. V., Mikhin A. V. Legal framework of divisions of EBiPK to combat crimes that infringe on the legal circulation of lands of the forest Fund of the Russian Federation	59
Solovev V. S. Criminological study of extremism in social networks of the Internet (Internet user survey)	63
Tarnakop O. G. Current issues of prosecutorial supervision over the preliminary investigation	70
Kursaev A. V. Characteristics of the victim consisting of unreasonable refusal in employment or unreasonable dismissal of the pregnant women or women with children under the age of three (article 145 of the Criminal code of the Russian Federation)	75

Civil analytics

Proletenkova S. E., Belikov A. P. Draft of model law of the Commonwealth of Independent States «On ensuring the security of major international and mass sports events»: the base of development, prospects and proposals	82
Bezotetskaya I. P. Features of emergence of labor legal relations of teaching staff	86
Gude S. V., Petrishcheva E. N. Actual problems and directions of legal regulation of copyright protection in information-telecommunication network Internet	93

Tribune of young scientist

Medvedeva M. O. Information technology in the criminal process: some normative definition	99
Gasnov A. K. Activity in motor insurance as an object of criminal legal protection in the Russian Federation	103
Kutovoy D. A. The concept of service state in the context of modernization of public administration and combating corruption: theoretical and legal aspects	109
Nistratova I. S. Problems of medical support of persons sentenced to deprivation of liberty, patients with socially significant diseases	114
Ivanova O. M. The issue of improving the criminal law of fraud	120
Dudnichenko A. N. General theoretical and methodological status of use of special knowledge in investigation of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles	124

Правила для авторов

1. Для опубликования рукописи статьи можно передать в редакцию с помощью следующих видов связи:
 - почтовой (в этом случае присылается 1 экземпляр принтерной распечатки статьи и дискета или диск с идентичным текстом в редакторе «WORD-7»);
 - Интернет (с последующей передачей в редакцию оригиналов рецензий на статью).
2. Текст рукописи должен быть набран 14 кеглем, шрифт – Times New Roman Cyr, межстрочный интервал – 1,5. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Файл именуется по фамилии автора (авторов).
3. Статья обязательно подписывается автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Согласен на публикацию моей статьи в свободном электронном доступе». Далее ставятся дата и подпись. Для соискателей степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – Ф.И.О. руководителя, дата, подпись.
4. К статье прилагаются: внешняя и внутренняя рецензии (кроме статей докторов наук и членов редколлегии журнала «Юрист-Правоведь»), подписанные рецензентами и со штампами печатей; сведения об авторе, в которых указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, номер телефона/факса. Контактная информация об авторах будет опубликована в журнале.
5. Объем статьи должен составлять 10–15 страниц (включая таблицы, рисунки и список литературы).
6. К статье должны прилагаться: аннотация (5–6 строк), ключевые слова (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой); индексы УДК и ББК; информация на английском языке: Ф.И.О. автора (полностью), место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, название статьи, аннотация, ключевые слова, список литературы.
7. Список литературы приводится в конце статьи. В тексте должны быть ссылки (в квадратных скобках) на использованные источники.
8. Рукопись должна быть вычитана автором. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи.
9. Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.
10. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
11. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку; рукописи не рецензируются и не возвращаются.
12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
13. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
14. Редакция не вступает в электронную переписку с авторами, в связи с этим просим все возникающие вопросы задавать ответственному секретарю по указанному в журнале номеру телефона.
15. Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

В случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!

© 2016 г. **Т. В. Шатковская,**

профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук.
E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Ю. А. Науменко,

аспирант Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: pla20088@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТ ПРАВА» В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА)

Статья посвящена одному из важнейших событий XX века – Нюрнбергскому трибуналу, ставшему первым в мировой истории судом над военными преступниками. Авторы проанализировали деятельность Международного военного трибунала с точки зрения правового обеспечения и реализации принципа уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений, ставшего впоследствии одним из основных принципов международного уголовного права.

Ключевые слова: субъект права, международное уголовное право, юридическая ответственность, международные преступления, Международный военный трибунал.

T. V. Shatkovskaya – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Southern-Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law.

Yu. A. Naumenko – Graduate Student, South-Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

FORMATION OF THE CONCEPT OF «SUBJECT OF LAW» IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW (TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE NUREMBERG TRIALS)

This article is dedicated to one of the most important events of the twentieth century – The Nuremberg Tribunal, which became the first in world history, the trial of war criminals. The authors analyzed the activities of the International Military Tribunal in terms of the enforcement and implementation of the principle of the criminal responsibility of individuals for international crimes, who later became one of the basic principles of international criminal law.

Key words: subject of law, international criminal law, legal responsibility, international crime, the International Military Tribunal.

В мировой истории существуют даты и события, оказавшие влияние на ход развития современной цивилизации и формирование системы правовых ценностей на международном уровне. К их числу в полной мере относится Нюрнбергский трибунал, проходивший 70 лет назад и ставший явлением мирового масштаба и значения. Человечество, не только наблюдавшее, но и испытывавшее на себе последствия преступных деяний нацистов гитлеровской Германии, лицезревшее истинное лицо фашизма, дождалось возмездия. Впервые в мировой истории преступники против человечества несли персональную юридическую ответственность перед Между-

народным уголовным судом за уничтожение миллионов невинных людей, разрушение культурных ценностей, причинение невиданных бедствий и страданий целым народам.

Государства – инициаторы и активные участники международного уголовного процесса (СССР, США, Великобритания и Франция) – не стали расправляться с высшим руководством фашистской Германии по принципу «око за око», а организовали полноценный судебный международный процесс, проведя колоссальную правовую работу, не имевшую аналогов в истории. Подготовка и проведение процесса опирались на нормы международного права, принципы гуманизма и справедливости.

СССР уже на первом этапе войны начал предпринимать действия по привлечению немецко-фашистских захватчиков к юридической ответственности. Советское правительство 27 апреля 1942 года вручило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» [4, с. 10]. Президиум Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 года издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [2].

В заявлении Правительства СССР от 14 октября 1942 года «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы» впервые прозвучало требование о создании и проведении Международного военного трибунала [4, с. 14]. Таким образом, Советский союз выступал за формирование международной правовой системы послевоенного периода, что предопределялось «...необходимостью координации национальных интересов во избежание военных конфликтов» [6, с. 263].

В рамках Лондонской конференции, проводившейся с 26 июня по 8 августа 1945 года, СССР, США, Великобритания и Франция подготовили Соглашение о создании Международного военного трибунала (Нюрнбергского трибунала), был принят Устав Международного трибунала, закрепивший согласованную позицию всех 23 стран – участниц конференции [1]. Нормы, содержащиеся в Уставе, представляли собой совокупность принципов международного права и уголовного законодательства всех цивилизованных государств и закрепляли уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия и грабежи, совершенные нацистами в ходе Второй мировой войны.

Деятельность стран – организаторов Международного военного трибунала – свидетельствует о понимании значимости создания нормативной базы международного судопроизводства. Это не только залог справедливого уголовного разбирательства, но и гарантия всестороннего, полного и беспристраст-

ного изучения доказательств при вынесении судебного приговора.

Важнейшей новацией Нюрнбергского процесса считаем правовое обеспечение и реализацию принципа уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений, которые впоследствии вошли в число основных принципов международного уголовного права. Руководствуясь идеями гуманизма, страны – участницы Международного трибунала – дополнили понятие правосубъектности лица в контексте его ответственности за совершение международных уголовных преступлений. Закрепление данного принципа было обусловлено необходимостью осуществления гласного суда истории, восстановления справедливости, а именно для этого и существует правосудие.

Важно понимать, что в условиях проведения конкретным государством агрессивной преступной политики его нельзя рассматривать в качестве некоего абстрактного субъекта права. Конечно, политика фашистской Германии демонстрирует реализацию преступной государственной доктрины. При ее осуществлении наблюдалось систематическое обращение к одинаковым преступным приемам в виде коллективного наказания населения, захвата заложников, пыток и зверств. Однако управление государственным аппаратом и армией, разработку преступных планов и принятие решений осуществляли конкретные лица. В данном случае речь шла об организации, созданной с целью воплощения преступного заговора и захватившей власть в Германии. В любой преступной организации именно отдельные участники выполняют преступные акты, предусмотренные общим планом заговора, и, следовательно, они несут уголовную ответственность за совершение этих деяний.

Кроме того, реализация принципа уголовной ответственности лиц, совершивших международные преступления, являлась дополнительным рычагом ограничения суверенитета Германии для применения в отношении этого государства различных санкций, таких как демилитаризация, деление на сферы влияния и выплата контрибуции. Сам факт вынесения судебного приговора об уголовной ответственности отдельных лиц за совершение международных преступлений за пределами государства, гражданином которого является обвиняемый, подразумевает изменение сущности понятия государственного суверенитета и его ограничения.

Таким образом, новым явлением правовой реальности становится признание конструкции «субъект права» не только в рамках национальной правовой системы, но и на международном (международно-правовом) уровне. Так, в российской правовой системе субъект права является обладателем определенных правовых качеств – это правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, из них традиционно и складывается понятие правосубъектности. В зависимости от типа правовых отношений, в которые вступает их участник или субъект права, варьируются и его правовые характеристики. Например, согласно ст. 19, 20 Уголовного кодекса РФ [3] уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, а в исключительных случаях – четырнадцатилетнего. То есть важны, прежде всего, возраст и вменяемость лица на момент совершения преступления, являющегося основанием для того, чтобы лицо могло предстать перед законом в качестве субъекта уголовного права и также субъекта преступления.

Правовые качества международно-правового субъекта права определяются международными договорами. В них могут содержаться вопросы регулирования общественных отношений в различных правовых сферах, в том числе и уголовно-правовой (порядок признания лица субъектом уголовной ответственности, вопросы процессуального характера, взаимодействия национальных правоохранительных органов с соответствующими компетентными органами иностранных государств и т. п.).

Нарушение государством как субъектом международного права принятых норм и обязательств влечет за собой правовые санкции международного характера, но не уголовную ответственность. Должностные лица осуществляют деятельность от имени государства в международно-правовой сфере, в процессе которой они могут совершать различные правонарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера. За деяния, содержащие состав преступления, эти лица несут уголовную ответственность по законам и перед судом государства (в зависимости от обстоятельств – своего или чужого).

В ходе Второй мировой войны не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего стало применение мер в отношении этого государства, но и отдельные лица совершили уголовные преступления, за которые в со-

ответствии с Уставом подлежали уголовной ответственности перед Международным военным трибуналом.

В рамках Нюрнбергского процесса было создано несколько прецедентов уголовно-правового характера, важность которых трудно переоценить. Во-первых, в результате долгой и кропотливой работы выработаны правовые основания понятия «международное преступление» – преступления против мира и безопасности человечества, в том числе военные действия, повлекшие за собой гибель сотен тысяч людей. Во-вторых, определены границы вмешательства иностранных государств в национальный суверенитет других стран. В-третьих, преодолены различия в понимании правовых явлений и процедур отдельных национальных правовых систем.

Вопрос о статусе участников процесса – обвиняемых, судей и других участников судебного разбирательства – был нормативно закреплён в Уставе Нюрнбергского трибунала. Однако нормы материального права, в том числе вопросы о вменяемости подсудимых, требования к необходимой квалификации судей, обвинителей и т. п., содержались не в конкретных международных актах, а в законодательстве стран-участниц. Таким образом, статус субъектов права, прежде всего, определялся на национальном уровне, а затем приобретал международный характер.

Обособляя каждого участника Нюрнбергского трибунала как отдельного субъекта права, необходимо обязательно учитывать особенности исторического момента. В послевоенные годы только формировались и находились в процессе апробации международные организации, создавались основополагающие международные акты по защите естественных прав человека. По сути, именно окончание военных действий и возможность привлечения к ответственности преступников международным сообществом дали импульс прогрессивному развитию международных отношений в сфере защиты естественных прав и свобод граждан, физических лиц. В данных условиях предстояло ответить на главный вопрос о возможности считать полноценными субъектами права, обладающими правами, тех, кто совершил преступления против мира и безопасности человечества, против человеческой природы.

Составители Устава Нюрнбергского трибунала дали однозначный ответ на этот вопрос и юридически оформили его. Несмотря

на все злодеяния и бесчеловечное отношение к другим, обвиняемым следовало вынести вердикт только с точки зрения гуманности и нравственности, в жестких процессуальных рамках. В Уставе закреплено, что Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации», совершили любое из преступлений, перечисленных в ст. 6.

Перед началом слушаний все члены Трибунала в обязательном порядке поочередно приняли присягу. Так, в кратком вступительном слове председательствующий лорд Лоренс подчеркнул, что процесс является единственным в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона [4, с. 28].

Стоит отметить, что доказательств, представленных сторонами обвинения, с лихвой хватило бы для многократного вынесения приговора «о высшей мере» каждому из обвиняемых. Участники Трибунала, признав субъектами права обвиняемых лидеров немецко-фашистской верхушки, тем самым возвысили начала судопроизводства – его беспристрастность, справедливость и неотвратимость наказания за совершенные преступления – и не позволили произволу возобладать над правом. В речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Вместе с тем обвиняемым не только был сохранен статус субъекта права со всем комплексом правомочий и обязанностей, предусмотренных международным правом, они также выступали полноценными участниками уголовно-правовых отношений. При этом в понятии «субъект права» сосредоточивалось представление о лице, прежде всего, потенциально имеющем возможность стать участником правоотношений.

В соответствии со ст. 16 и 23 Устава Международного военного трибунала обвиняемые могли осуществлять защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять обязанности перед судом в своей стране, или же через специального защитника, назначенного Трибуналом. Если кто-либо из обвиняемых выбирал защитника, который был не в состоянии выполнять

свои обязанности, то Трибунал назначал ему защитника. В отношении сбора и предъявления доказательств также четко соблюдались принятые процессуальные нормы.

Тот факт, что организованные подсудимыми преступления совершались в превосходящих человеческое воображение размерах и формах жестокости, многократно усиливал ответственность преступников. Преступления нацистов на территории и в отношении граждан стран – организаторов Трибунала в соответствии с Декларацией глав правительств СССР, Великобритании и США от 2 ноября 1943 года и общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права служили основанием для привлечения их к уголовной ответственности по законодательству данных стран. В частности, Декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы» [4, с. 614, 615]. Однако обвиняемые были военными преступниками, чьи деяния не ограничивались определенными географическими границами (ст. 1 Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 года), и, следовательно, их преступная деятельность подсудна Международному военному трибуналу.

Нюрнбергский трибунал вынес приговор 30 сентября – 1 октября 1946 года. Подсудимые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двадцать преступников приговорили к смертной казни через повешение, другим – предстояло отбыть длительное тюремное заключение. Только трое обвиняемых были оправданы.

Таким образом, международные преступники в рамках Нюрнбергского трибунала выступали полноценными субъектами права и субъектами уголовной ответственности. Несмотря на то, что возникало большое количество процессуальных и материально-правовых сложностей ввиду существования различий в правовых системах, странам – участникам Трибунала удалось максимально объективно рассмотреть имеющиеся доказательства и вынести приговор, соразмерный тяжести совершенных деяний.

Понимание субъекта права в данном процессе связывается с наделением индивида

качествами активности, самостоятельности, способностью осуществления специфических форм жизнедеятельности. Субъективность выражает сущность внутреннего мира человека и олицетворяет его способность быть хозяином своей жизни и управлять своими действиями, планировать и реализовывать намеченные программы [5, с. 89].

В заключение отметим, что интеграционные процессы, наблюдаемые в развитии современных государств, имеют двойные последствия. Государства неизбежно вовлекаются в процесс глобализации и формирования единого мирового пространства. Сегодня можно констатировать факт подчинения юридического порядка отдельного государства, в том числе и Российской Федерации, праву наднационального уровня, опирающемуся на общечеловеческие принципы. Развитие общества идет по пути дальнейшего его усложнения и дифференциации. А чем больше социальная дифференциация, тем выше опасность деструктивных социальных столкновений. Вот почему роль и значение механизмов, которые содействуют выработке соглашений, социаль-

ных компромиссов, возрастают и будут возрастать в перспективе. Право можно и должно рассматривать как средство обеспечения порядка, в первую очередь, через общественные компромиссы и согласие людей.

Считаем, что изучение опыта Нюрнбергского процесса необходимо для извлечения серьезных выводов, их воплощения в мирных инициативах и действиях всех государств современного мира. Последние должны стать прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на общечеловеческих принципах гуманизма, невмешательства во внутренние дела других государств и народов, а также на приоритете и уважении прав личности. Прецедент Нюрнбергского уголовного-правового трибунала сам по себе является не только горьким напоминанием о трагических событиях, но и подтверждением тому, что естественные принципы международного права, особенно в уголовно-правовой сфере, всегда должны оставаться краеугольным камнем государственной деятельности, строго соблюдаться и защищаться законодательством всех стран.

Литература

1. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят в г. Лондоне 08.08.1945). URL: <http://consultant.ru>
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Российская газета. 1996. 18 июня; 1996. 19 июня; 1996. 20 июня; 1996. 25 июня.
4. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010.
5. Шатковская Т. В. Понятие «субъект» в обычном праве российских крестьян второй половины XIX – начала XX веков // Юристы-Правоведь. 2009. № 4.
6. Небрatenko Г. Г. Обычно-правовая система традиционного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

Bibliography

1. The Charter of the International military Tribunal for the trial and punishment of the major war criminals of the European axis countries (Adopted g. Londone 08.08.1945). URL: <http://consultant.ru>
2. Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet dated 2 November 1945 «On education Extraordinary State Commission and their accomplices and the damage caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR» // Vedomosti Armed Forces of the USSR». 1942. № 40.
3. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 6-FZ (ed. by 30.12.2005) // Russian newspaper. 1996. 18 Jun; 1996. 19 Jun; 1996. 20 Jun; 1996. 25 Jun.
4. Zvyagintsev A. G. Nuremberg Trials. No marked «Top Secret». Moscow, 2010.
5. Shatkovskaya T. V. The term «subject» in the normal rights of Russian peasants of the second half of XIX – early XX centuries // Jurist-Pravoved. 2009. № 4.
6. Nebratenko G. G. Custom the legal system of traditional society: dis. ... Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2011.

© 2016 г. С. В. Рыбак,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (928)153-66-25.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ БЕСПРИЗОРНОСТИ, БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье раскрывается природа явлений беспризорности и безнадзорности детей и подростков, традиционно являвшихся наиболее страшными последствиями войн, революций и иных социальных потрясений. В 20–30-е годы XX века перед Советским государством встала проблема спасения осиротевших и оставшихся без присмотра детей и подростков. Автор анализирует деятельность органов государственной власти, которые при содействии общественных организаций осуществляли активные действия по преодолению не только беспризорности и безнадзорности, но и порождаемой данными явлениями преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: права человека, права ребенка, беспризорность и безнадзорность, преступность несовершеннолетних.

S. V. Rybak – Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, associate Professor.

STATE-LEGAL ACTIVITY TO OVERCOME HOMELESSNESS, CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY IN SOVIET RUSSIA IN THE 20-30-ies OF XX CENTURY

The article reveals the nature of the phenomena of abandonment and neglect of children and adolescents, which have traditionally been the most terrible consequences of wars, revolutions and other social upheavals. In the 20–30-ies of XXth the Soviet state faced a problem of rescue of orphaned and neglected children and adolescents. The author analyzes the activity of state power bodies, which with the assistance of public organizations carried out active measures to overcome not only abandonment and neglect, but also juvenile delinquency produced by these factors.

Key words: human rights, children's rights, abandonment and neglect, juvenile delinquency.

Ухудшение экономического положения во всем мире, обнищание населения, обострение национальных конфликтов, терроризм, локальные вооруженные конфликты, вынужденная миграция, рост наркомании и алкоголизма – вот далеко не полный перечень причин роста беспризорности и безнадзорности детей и подростков в XXI веке. Сложное социально-экономическое положение, сложившееся в современных условиях в российском обществе и государстве, тяжело отражается прежде всего на детях и подростках. Сегодня, к великому сожалению, приходится говорить о «взрыве» детской безнадзорности. Ежегодно огромное количество детей и подростков либо остаются без попечения родителей, либо без должного внимания и контроля с их стороны.

В России официальная статистика численности беспризорных и безнадзорных детей и подростков отсутствует, однако, согласно

различным источникам, по состоянию на начало 2000-х годов их количество составляло от одного до четырех миллионов человек [1, с. 3], а в 2010 году – 2,17 % от общей доли детей в Российской Федерации (по данным МВД России). При этом в качестве основной причины данного негативного явления называется отсутствие должной государственной заботы и особенно безответственное отношение семьи к воспитанию несовершеннолетних [2, с. 123]. Несмотря на обилие федеральных и региональных программ, действующих в области охраны прав несовершеннолетних, внушительное законодательство, развитую систему специализированных учреждений и должностных лиц (детский омбудсмен), государственную систему профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, этого очевидно недостаточно. Необходима продуманная, взвешенная государственная

политика в данном вопросе, выработанная с участием общественных институтов, с жестким, тотальным контролем в отношении реализации ее положений.

Беспризорность и безнадзорность традиционно создавали питательную среду для всевозможного вида преступлений. Это ставит общество в трудное положение и в ряде случаев влечет за собой угрозу его будущему. Уже давно детская преступность по своим масштабам превратилась в одну из серьезных проблем для многих государств мира, а международное сообщество ставит вопрос о необходимости международного сотрудничества в деле предотвращения преступлений среди детей, их воспитания, обеспечения прав и защиты. Именно поэтому еще в 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция по правам ребенка (вступила в силу для Российской Федерации с 13 июля 1990 года), завершившая длительный путь поиска решения в данном вопросе со времени принятия Лигой Наций Женевской декларации прав ребенка. Главная цель Конвенции состояла во всеобъемлющей защите прав и интересов ребенка, а ее основные положения сводились к следующим требованиям: выживание, развитие, защита и обеспечение активного участия в жизни общества.

При этом крайне важно изучать не только современную национальную и международную практику (в число основных направлений, по которым Страсбургский суд до сих пор осуществляет защиту прав ребенка, входит и безнадзорность (ст. 8 Европейской конвенции о правах человека) решения данного вопроса, но и извлекать бесценный опыт из предшествующего исторического развития собственного государства.

Меняются времена, терминология, но суть явления остается неизменной: непризорность и безнадзорность – это болезнь, которая глубоко затрагивает основу отношений в обществе и государственной политике. В современных условиях может быть крайне полезным опыт 20–30-х годов XX века, когда советская Россия была вынуждена решать проблему детской непризорности и безнадзорности в чрезвычайно сложных условиях.

Беспризорные дети, или непризорники, – каждый знаком с ними по многочисленным художественным фильмам и литературе, журнальным и газетным публикациям, историческим очеркам. Беспризорничество 20-х го-

дов прошлого века рассматривалось за границей как «советская экзотика». Замечательный писатель, публицист, полемист Е. И. Замятин рассказывал, что на вопрос о том, кто такие советские дети, иностранцы отвечали: «Советские дети? Да, конечно, знаем: это – *besprizorniki*...».

Но непризорничество, и в особенности безнадзорность, не только в прошлом. Сегодня мы вновь видим на улицах непризорных и безнадзорных детей. Основное различие между указанными явлениями заключается в следующем: непризорность традиционно считалась явлением, вызванным крупными социальными бедствиями (война, голод и т. д.), а безнадзорность порождалась в основном дефектами семейного и школьного воспитания [3, с. 58]. Беспризорные и безнадзорные дети – это одна из наиболее актуальных проблем современности. Традиционно она была характерна для стран третьего мира, однако и в современных развитых странах (к примеру, в США, Германии и др.) количество непризорных и безнадзорных детей и подростков неуклонно растет.

Педагоги 20-х годов наивно полагали, что непризорность есть порождение капитализма. Ведь XX век в России, три четверти которого пришлось на годы социализма, прошел под позорным знаменем непризорщины. Новая власть, некогда клеймившая царскую Россию, старый режим и положение детей при нем, сама стала источником появления целой армии сирот и обездоленных. Партия большевиков, взявшая на вооружение идею создания из непризорников «нового человека» (идея «*tabula rasa*»), строителя светлого будущего, направляла все свои усилия на воплощение данной идеи в реальность. Для этого была создана принципиально новая система детских учреждений, нити управления которых находились в руках большевистской партии и государства.

Откуда брались в советской России непризорники? Помимо общепринятых причин (войны, эпидемии, массовый голод) в 20 – начале 30-х годов получила распространение идеологическая (мировоззренческая) классовая причина непризорности. В 1924 году Н. К. Крупская, выступая с речью на открытии Московской конференции по борьбе с детской непризорностью, отмечала: «...Корни непризорности ясны. Мы переживаем громадные, колоссальные разрушения общественных свя-

зей, вызванные войной. И не только войной. Надо сказать прямо, что пережитая нами революция тоже является одной из причин беспризорности» [4, с. 73]. О причинах появления массовой беспризорности и безнадзорности писали А. Л. Луначарский, А. С. Макаренко, П. П. Блонский и многие другие.

Декрет о создании Всероссийского совета защиты детей был издан 4 февраля 1919 года. Возглавил его народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. В январе 1921 года на основе Всероссийского совета была создана специальная комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, основной задачей которой являлась организация помощи в получении детьми продовольствия и жилища, а также учреждений, ведающих вопросами охраны жизни и здоровья беспризорных детей. В стране развернулась широкая агитационная кампания, направленная на сбор средств голодающим детям, открытие новых детских домов, периодически проводимые с 1920 года «недели ребенка».

Забота о детях, оставшихся без попечения родителей, была разнообразной: организация питания в столовых, размещение в детских стационарных учреждениях, больницах, создание детских городков (Северный Кавказ), школы-коммуны (к примеру, с начала 20-х годов стали функционировать школы-коммуны С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко). В местах наибольшего скопления беспризорных организовывались ночлежки-столовые, ночлежки-клубы. Они обеспечивали первую санитарно-гигиеническую помощь, питание и ночлег беспризорным детям и подросткам. Огромное значение подобных заведений заключалось и в том, что многие из них проводили просветительскую и воспитательную работу с детьми и подростками, разъясняя необходимость идти в детские дома и школы.

Но партийное и государственное руководство страны понимало, что усилий одного государства оказалось недостаточно, поэтому делался ряд попыток вовлечения в дело «перековки» беспризорников широкой общественности. С этой целью создавались такие общества, как «Долой преступность», «Друг детей», которые должны были выполнить столь благородную миссию. Однако изначально деятельность данных обществ попала под жесткий контроль и стала направляться различными государственными и партийны-

ми структурами, что привело к постепенному отходу от главной цели – преодоления детской беспризорности и безнадзорности.

В марте 1926 года правительством РСФСР было принято Положение о борьбе с беспризорностью, а с сентября вступил в силу 3-летний план по искоренению данного явления. В циркуляре Наркомпроса от 19 марта 1928 года поставленная задача по ликвидации уличной беспризорности напоминала крупномасштабную боевую операцию: предусматривались подготовка и сосредоточение основных сил и средств, направление главного «удара» (традиционно в это время года – крупные города южного направления), строжайшая секретность подготовки, одновременность совместных действий. С задержанными, как правило, обращались как с заключенными. Таким образом, в конце 20-х годов борьба с беспризорностью как с социальным явлением переросла в войну непосредственно с беспризорниками.

В изданном постановлении ВЦИК и СНК СССР «Борьба с детской беспризорностью» от 20 ноября 1930 года были определены пути и средства улучшения положения системы детских учреждений: органам снабжения поручалось организовать бесперебойную поставку всего необходимого для детдомов; органам труда – своевременно трудоустроить детей и подростков на производство; органам просвещения – усилить воспитательные мероприятия; органам здравоохранения – обеспечить санитарный надзор и своевременное изъятие заболевших детей из общих детских учреждений и помещение их в специализированные учреждения; жилищным органам предписывалось предоставить жилье работающим на производстве детям и подросткам. В зоне особого внимания органов народного образования находились трудновоспитуемые дети и подростки, а также несовершеннолетние правонарушители.

Беспризорность и безнадзорность – благодатная почва для развития детской преступности. Достаточно часто 14–16-летние беспризорники образовывали воровские шайки, которые являлись привычным зрелищем и нередко рассматривались как неизбежная часть городского быта. Беспризорники – малолетние правонарушители – владели различными «криминальными профессиями». «Спокари» «специализировались» на кражах со взломом квартир или магазинов. Их «выруч-

ка» составляла от двух до десяти рублей в день, которые тут же тратились на самые разнообразные нужды. «Ширмачи» «исследовали» карманы советских граждан, что приносило им от одного до трех рублей в день; «чемоданщики» – соответственно, чемоданы, содержимое которых и было их своеобразным вознаграждением. Подавляющее же большинство беспризорников именовались «сявками», по факту являющимися мелкими воришками.

Воровской промысел требовал четкой организации и распределения обязанностей. Шайки насчитывали от двух до десяти и более подростков. Вся добыча делилась строго поровну между участниками кражи.

К элите беспризорных преступников относились «жулики», или, как их еще называли, «стопы», поскольку они занимались «гоп-стопом» – налетами и вооруженными налетами. Они привлекали детей-беспризорников, поскольку те могли залезть в форточку, слуховое окно на чердаке, пробраться в квартиру по водосточной трубе. Беспризорники, не жившие постоянно с жуликами, оказывали им разовые услуги: торговцы разносили кокаин, сбывали краденое; певцы и фокусники собирали толпу для ограбления; попрошайки вели слежку за объектом.

Актуальность указанной проблемы наглядно демонстрируют следующие данные: к 1920 году преступность среди несовершеннолетних возросла более чем в два раза по сравнению с 1913 годом [5, с. 28], а в 1927 году молодежь в возрасте от 16 до 24 лет составляла 48 % от всех заключенных советских лагерей. В дальнейшем эта цифра продолжала расти в связи с введенным в 1935 году Уголовным кодексом. Осуждение следовало даже за побег из школы ФЗО, не говоря уже о бродяжничестве и печально известных «пяты колосках». Криминализация преступности несовершеннолетних представляла собой резкий поворот во внутренней политике СССР с середины 30-х годов в сторону консерватизма.

Эти изменения означали по сути дела частичную реставрацию царской уголовной политики, так как еще в Уложении о наказаниях 1885 года предусматривалось наказание для детей от 10 до 14 лет (впрочем, как и в возрасте от 14 до 17 лет) в том случае, если они действовали без «разумения». Указанная система вызывала серьезные возражения у специалистов в области юриспруденции, по-

скольку молодые правонарушители должны были отбывать более существенные сроки заключения по сравнению с царской эпохой. Кроме того, постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» был снижен возраст уголовной ответственности за совершенные преступления с 14 (16) до 12 лет.

Среди преступлений, по которым снижался возраст уголовной ответственности, назывались кражи, причинение насилия, телесных повреждений, нанесение увечий, убийство или попытка убийства. Законодатель настаивал, чтобы все несовершеннолетние за обозначенные преступления наказывались наравне со взрослыми, тем самым делая шаг назад от либеральной политики большевиков по отношению к несовершеннолетним правонарушителям (17 лет, а с 1922 года – 14 лет для отдельных преступлений и 16 лет для всех остальных) [6, с. 198–199]. В качестве сравнения следует отметить, что в царском законодательстве (Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовном уложении 1903 года) минимальный возраст уголовной ответственности составлял 10 лет с оговоркой о наличии в действиях правонарушителя «разумения». При этом советский Уголовный кодекс 1922 года устанавливал вариативно срок заключения в отношении возраста правонарушителя: 14–15-летним – половина срока тюремного заключения, которая полагалась бы за то же преступление несовершеннолетним, и одну треть срока – 16–17-летним.

Установлением 14-летнего возраста наступления уголовной ответственности Советская Россия поставила себя в один ряд с иными европейскими странами. Так, в 1908 году в Англии был принят специальный закон о детях «Children Act», повысивший минимальный возраст до 14 лет и названный современниками «первым детским кодексом».

В течение 20-х и начале 30-х годов дела молодых правонарушителей рассматривались не судами, а на заседаниях комиссий по делам о несовершеннолетних, в случае же совершения правонарушения 14–15-летними указанная комиссия давала соответствующее направление для рассмотрения дела в суде. Однако уже с 1929 года комиссия по делам несовершеннолетних получила право самостоятельно решать судьбу молодых правона-

рушителей, направляя их в колонии для малолетних преступников для отбытия срока наказания.

Следует отметить, что для особой группы детей с элементами девиантного поведения в системе Министерства просвещения РСФСР существовали такие воспитательные учреждения, как детский дом № 1 для детей, склонных к антиобщественным поступкам (Свердловская область, г. Нижний Тагил) и единственный в СССР институт трудового воспитания «Новая жизнь» для сексуально развращенных девочек (Московская область, г. Чехов), созданный в 1927 году.

Несовершеннолетние правонарушители и беспризорники «со стажем» преимущественно распределялись в детские колонии двух видов: трудовые, где содержались осужденные несовершеннолетние правонарушители, и воспитательные – для детей и подростков, которые либо длительное время вели беспризорный образ жизни, либо совершили незначительные проступки. В специализированные же учреждения Министерства социального обеспечения (начиная с 1947 года) направляли детей-инвалидов и умственно отсталых детей.

Кроме того, широко практиковалась высылка и изъятие из Москвы и других городов (Петрограда, Краснодара, Ростова-на-Дону и др.) [7, с. 62] вожаков несовершеннолетних правонарушителей, после чего, как правило, прекращалась преступная деятельность остальных. Данный суровый закон означал отказ от прогрессивного подхода, однако он являлся отражением динамики роста численности преступлений среди несовершеннолетних, что, безусловно, пагубно сказывалось на состоянии правопорядка в стране. В связи с этим уже в марте 1935 года была ужесточена уголовная ответственность за злостное хулиганство, а уже с апреля 1935 года с принятием закона «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» они привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания [8, с. 381–382].

При этом редакция журнала «Советская юстиция» (1935 года) в качестве «оправдания» давала комментарий относительно создания в стране всех предпосылок для полной ликвидации детской беспризорности и преступности, а также «аномальности» самого факта существования несовершеннолетних правонарушителей и сохранения тех условий,

которые позволяют отдельным несовершеннолетним и молодым правонарушителям переходить грань от случайного правонарушителя к «настоящему уголовному преступнику-рецидивисту» [9, с. 10–11].

В изданном 20 апреля 1935 года циркуляре Верховного Суда и Прокуратуры давалось пояснение относительно утраты силы ст. 22 УК, вводившей в свое время запрет на применение высшей меры наказания для несовершеннолетних, хотя и отмечалось, что в исключительных случаях к несовершеннолетнему преступнику может быть применена смертная казнь на основании решений областных судов, утвержденных Верховным Судом СССР и Прокуратурой [6, с. 200–201]. Однако на практике вынесение смертного приговора несовершеннолетним являлось маловероятным и практически не имело места.

На протяжении 30-х годов в СССР практиковались разнообразные формы для молодых правонарушителей: различные сроки тюремного заключения, исправительные работы, условное осуждение, а также меры воспитательного воздействия. Тем не менее проблема беспризорности и связанной с ней преступности несовершеннолетних так и не была решена.

С принятием в 1941 году указа Президиума Верховного Совета СССР ответственность распространялась на несовершеннолетних правонарушителей не только за совершение последними умышленных преступлений, но и совершенных по неосторожности, в связи с чем указ 1935 года был подвергнут критике за излишнюю лояльность. Подобное законодательное решение вопроса оставалось в силе вплоть до конца 1950-х годов, и только с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 года возраст уголовной ответственности повышался до 16 лет. Лица, достигшие 14-летнего возраста, подлежали уголовной ответственности лишь за отдельные преступления. Последнее обстоятельство является крайне важным ввиду внесения изменений в действующий Уголовный кодекс РФ относительно понижения возраста уголовной ответственности до 14 лет за терроризм (здесь вполне уместна аналогия с последней новеллой отечественного законодателя).

Таким образом, определяющая роль подрастающего поколения в последующем обеспечении жизнеспособности общества детерминирует особый интерес к исследуемой про-

блеме во всем мире. Вместе с тем следует констатировать, что в решении данной проблемы еще ни одно из современных государств не стало образцом для подражания. Даже для наиболее привлекательных с точки зрения политической и экономической составляющих государств остаются нерешенными проблемы, связанные с ростом преступности несовершеннолетних, численности беспризорных и безнадзорных детей и подростков,

особенно в контексте тех потенциальных вызовов и угроз, с которыми столкнулись абсолютно все страны мира в условиях глобализации. Все вышеуказанное доказывает, что решать исследуемую проблему невозможно лишь узконациональными средствами. Необходимо широкое сотрудничество государств в сфере борьбы не только с беспризорностью и безнадзорностью, но и порождаемой ими преступностью несовершеннолетних.

Литература

1. Ермаков Е. Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1945–1950 годы) (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. Преступность и дети (международная конференция) // Государство и право. 1990. № 5.
3. Павлова Е. С. Беспризорность несовершеннолетних и меры борьбы с ней (1921–1926) // Вестн. Моск. ун-та. 1975. № 5.
4. Крупская Н. К. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1974. Т. 2.
5. Сафин Ф. Ю. Из истории развития законодательства России об уголовной ответственности несовершеннолетних // История государства и права. 2009. № 1.
6. Соломон П. Советская юстиция при Сталине: пер. с англ. М., 1998.
7. Народное просвещение. 1924. № 9–10.
8. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». URL: <http://consultana.ru>
9. Авербах И., Булатов С. Закон 7 апреля 1935 года // Советская юстиция. 1937. № 10–11.

Bibliography

1. Ermakov E.G. Organizational legal foundations of bodies of interior affairs activity to struggle against children abandonment and neglect in the years of the World War II and postwar period (1945–1950) (historical legal aspect): abstract dis. ... PhD in Law. Moscow, 2002.
2. Crime and children (International conference) // The state and the law. 1990. № 5.
3. Pavlova E. S. Homelessness of juveniles and measures of struggle against it // Messenger of Moscow University. 1975. № 5.
4. Krupskaya N. K. The complete collected works: in 10 volumes. Moscow, 1974. Vol. 2.
5. Saphin Ph. U. From the history of law development of Russia on criminal liability of juveniles // History of State and Law. 2009. № 1.
6. Solomon P. The Soviet justice during Stalin: translation from English. Moscow, 1998.
7. Public education. 1994. № 9–10.
8. The resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR and Russian Soviet Federative Socialist Republic from 7 April 1935 № 3/598 «About measures of struggling with juvenile delinquency». URL: <http://consultana.ru>
9. Averbakh I., Bulatov S., The law of 7th of April 1935 // Soviet justice. 1937. № 10–11.

© 2016 г. С. В. Кириченко,

доцент кафедры процессуального права Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (908) 513-85-53.

А. Б. Шумилина,

доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного
технического университета кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (904) 448-84-82.

БЕЗРАБОТИЦА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию одной из главных проблем в развитии экономики всего мира – безработицы, в непосредственной зависимости от фактического уровня которой находится уровень эмиграции населения, преступности, а также в целом уровень жизни населения. Авторы отмечают, что, несмотря на возрастающий интерес к изучению проблемы безработицы со стороны широких слоев общественности и государственных органов, данные вопросы до настоящего времени остаются малоизученными.

Ключевые слова: занятость, безработица, квалификация, рынок труда, уровень безработицы, трудоустройство.

Kirichenko S. V. – Associate Professor, Department of Procedural Law, Don State Technical University, PhD in Law.

Shumilina A. B. – Associate Professor, Department of Commercial and Business Law, Don State Technical University, PhD in Law.

UNEMPLOYMENT AS A GLOBAL PROBLEM OF MODERN RUSSIA

The article is devoted to the study of one of the main problems in the development of the economy of the whole world – the problem of unemployment, because close depending on the actual rate of unemployment is the level of emigration, crime rates, and the General standard of living of the population. The authors note that despite the growing interest in studying the problem of unemployment by the general public and government bodies, these issues remain undetermined to date.

Key words: employment, unemployment, qualifications, the labour market, unemployment rate, employment.

Конституция РФ, занимая главенствующее место среди источников трудового права, провозглашает основные принципы и права в сфере труда. Конституционные основы трудового права составляют нормы ст. 2, 7 и 37. Так, в ст. 7 Основного закона установлено, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. В свою очередь, социальный характер нашего государства, в обязанности которого в соответствии со ст. 2 Конституции РФ входит «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина», и предопределяет необходимость создания системы прав и гарантий в сфере труда и социального обеспечения. Кроме того, п. 2 ст. 7 Конституции РФ закреплено: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер опла-

ты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1].

Эти положения соответствуют современной политике Международной организации труда, заключающейся в продвижении Концепции достойного труда, впервые представленной в 1999 году на 87-й сессии Международной конференции труда. Согласно Концепции достойным называется производительный труд, который одновременно является свободным, безопасным, справедливо оплачиваемым, не принижающим достоинство человека. Концепция достойного труда содержит четыре ключевых элемента, устанавливающих основные права в сфере труда, такие как социальный диалог, социальная защита и, что самое важное, достойная оплата труда и занятость.

По нашему мнению, защита от безработицы на сегодняшний день является важнейшим компонентом систем социальной защиты населения развитых и развивающихся государств. Часть 3 ст. 37 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [1]. Таким образом, принцип защиты от безработицы и содействия в трудоустройстве соответствует закрепленному в Конституции РФ праву на защиту от безработицы. Кроме того, данный принцип нашел свое выражение в Законе РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», которым установлены направления государственной политики в области занятости, полномочия органов государственной службы занятости, включая разработку и реализацию целевых программ и государственной политики в области занятости.

Рядом ученых принцип защиты от безработицы рассматривается в качестве основополагающего и непосредственно устанавливающего базу правотворчества в сфере трудовых отношений. Полагаем, что в конечном счете под принципом защиты от безработицы понимается возможность гражданина рассчитывать на получение работы, однако в условиях настоящего экономического кризиса это далеко не всегда представляется возможным.

Так, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, безработица в России в декабре 2015 года составила 5,8 % экономически активного населения, при этом в апреле 2016 года она увеличилась на 0,2 %. В то же время набирает обороты и скрытая безработица, увеличивающая реальную как минимум в два раза.

По нашему мнению, это объясняется тем, что данные официальной статистики формируются исходя из численности безработных граждан, официально зарегистрированных в органах службы занятости населения. При этом в связи с тем, что адекватная вероятность подбора работы, соответствующей уровню образования и квалификации безработного крайне мала, многие граждане, потерявшие работу, на учет в органы службы занятости не

встают, а предпочитают самостоятельный поиск работы. Кроме того, как показывает действительность, работодатель предпочитает не увольнять сотрудников, а оптимизировать свои расходы путем снижения их заработной платы.

Безработица является одним из итогов изменения социально-экономических отношений и органической составной частью формирующегося рынка труда. По сути, это неизбежный спутник экономики, где господствует несовершенная конкуренция. Как следствие, безработица оказывает крайне негативное влияние на все стороны жизни общества, в том числе социальную сферу, политику и экономику. В частности, она приводит к углублению социальной дифференциации в обществе, сокращению материального достатка граждан, росту количества людей с девиантным поведением и преступности.

В трудах современных ученых данное явление рассматривается как долгосрочная и постоянная проблема, наносящая значительный экономический, социальный, психологический ущерб. Так, например, зарубежные экономисты определяют безработицу как несоответствие спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. Несмотря на то, что безработица имеет больше отрицательных моментов, нежели положительных, по мнению многих специалистов, она даже необходима, поскольку увеличивает производительность труда, стимулирует заинтересованность в качественном его выполнении, повышении квалификации работников.

Само понятие «безработица» действующим российским законодательством не регламентировано, а установлено определение «безработные». Так, ч. 1 ст. 3 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 установлено, что «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней» [2].

В настоящее время многообразие видов безработицы усложняет задачу ее сокращения. При этом единого мнения о классификации безработицы не существует. Так, например, выделяют естественную и вынужденную безработицу. Естественная безработица – это отражение равновесного состояния на рынке труда при совершенной занятости. В данном

случае количество людей, находящихся в поиске работы, приравнивается к числу вакансий. Однако естественная безработица имеет важную особенность, состоящую в том, что естественный уровень безработицы не является постоянным, поскольку подвергается пересмотру ввиду институциональных изменений. Нормой естественной безработицы считается ее уровень, составляющий 1,5–3 % от экономически активного населения. При этом применительно к Российской Федерации невозможно установить какой-либо допустимый уровень безработицы по причине низкого уровня жизни населения. Что касается вынужденной безработицы, то довольно емкое ее определение предложил В. И. Плакся: «...потеря работы лицами наемного труда по независящим от них экономическим причинам, выталкивающим наемных работников из сферы занятости, лишаящим их возможности трудиться вопреки воле и желанию самих работников» [4, с. 176]. Таким образом, причинами вынужденной безработицы являются изменения в социально-хозяйственной жизни общества, приводящие к сокращению рабочих мест. В целом же вынужденная безработица выступает показателем реакции рынка труда на конъюнктуры процессов.

При этом единого способа борьбы с безработицей не существует. В числе наиболее распространенных методов решения данной проблемы во многих странах можно выделить социальную поддержку безработных, разработку способов переподготовки безработного населения, а также содействие в создании дополнительных рабочих мест.

Несмотря на то, что Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 предоставляет достаточно широкий спектр механизмов содействия занятости населению, первое место по-прежнему занимает материальная поддержка, выраженная в выплате пособия по безработице. Несомненно, размер пособия по безработице, как, впрочем, и минимальной заработной платы, невысок. Так, минимальный размер пособия по безработице в 2016 году составляет 850,00 рублей, а максимальный – 4900,00 рублей (постановление Правительства РФ от 12.11.2015 № 1223).

В настоящее время в Министерстве труда и соцзащиты РФ осуществляется подготовка проекта закона о расширении пакета выплат по безработице на 70 %. Глава ведомства счи-

тает, что именно такой должна быть поддержка государства тем людям, которые сейчас находятся действительно в тяжелых жизненных условиях.

В теории права существует два пути решения проблемы безработицы – прямой и косвенный. Первый – предполагает организацию новых рабочих мест, а также восстановление отечественного производства. Второй путь основан на законодательном регулировании занятости посредством усиления гарантий в сфере труда, развития института страхования от безработицы, нормативной проработки и обеспечения механизмов правовой защищенности наемных работников.

В России реализуется большое количество программ, способствующих сокращению безработицы в стране. Правительством РФ предпринимаются усилия по снижению ее уровня. Так, в целях создания правовых, экономических и институциональных условий, способствующих предотвращению роста напряженности на рынке труда, эффективному его развитию распоряжением Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 298 утверждена государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения» со сроком реализации – 2013–2020 годы [3]. В числе основных мероприятий, направленных на реализацию государственной программы, можно выделить: рост занятости населения и повышение эффективности использования труда; улучшение качества рабочей силы; создание условий труда, позволяющих сохранить трудоспособность работающего населения на всем протяжении профессиональной карьеры; создание условий для привлечения иностранной рабочей силы с учетом перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах и принципа приоритетного использования национальных кадров.

Реализация плана осуществляется Министерством труда и социальной защиты РФ, Федеральной миграционной службой. Сложно не согласиться с тем, что ведущую роль в создании необходимого рынка труда должно играть государство, создавая благоприятные условия для инвестирования, в том числе в новые технологии, внедряя различные программы переобучения работников, оказывая реальную поддержку малому и среднему бизнесу. Ввиду того, что Россия находится в состоянии затяжного экономического кризиса,

данные меры должны быть реализованы в ближайшее время.

Указанные положения корреспондируют с международными актами, где под правом на труд понимается именно обязанность государства содействовать занятости и право на свободу труда. К примеру, в ст. 6 Международного пакта от 16 декабря 1966 года «Об экономических, социальных и культурных правах» установлено, что государства признают право на труд, включающее в себя право каждого человека на наличие возможности зарабатывать тем трудом, который он свободно выбирает, тем самым акцент делается именно на свободе труда.

Важно осознавать, что в целом реализация программ по содействию населению способствует существенному сокращению безработицы, но не может ликвидировать ее в корне. Это возможно лишь на фоне улучшения экономической ситуации в стране. Очевидно, что при всем многообразии типов и форм безработицы нельзя выделить один метод борьбы с ней, каждому такому виду будет соответствовать своя политика борьбы.

Исходя из вышесказанного считаем целесообразным обозначить основные пути решения проблемы безработицы:

- бюджетное субсидирование рабочей силы на действующих предприятиях, в том числе путем кредитования государством заработной платы дополнительно нанятых рабочих;

- установление и работа системы профессиональной подготовки с учетом имеющейся базовой квалификации с целью адаптации работника к изменяющимся требованиям рынка труда;

- упрощение процедуры регистрации безработных в службах занятости;

- использование в трудовых отношениях страховых принципов, при которых в формировании фонда участвует как работодатель, так и непосредственно сам работник;

- стимулирование перехода предприятий на неполный рабочий день в целях перераспределения спроса на труд.

Для недопущения роста безработицы среди молодежи и оказания помощи ей в дальнейшем трудоустройстве могут использоваться следующие методы:

- финансовое поощрение молодежной занятости, в том числе путем предоставления налоговых льгот предприятиям, в штате ко-

торых молодые работники занимают оговоренную долю;

- создание специализированных организаций, предлагающих работу исключительно молодежи;

- создание центров обучения молодежи наиболее востребованным профессиям.

Как отмечалось выше, в рамках реализации прав граждан на полную и свободно выбранную занятость государством разрабатываются целевые программы с определенным сроком действия на рынке труда в Российской Федерации. Основную работу по их реализации осуществляет Государственная служба занятости населения, в обязанности которой входит создание условий для повышения качества рабочей силы, ее конкурентоспособности, обеспечения отраслей экономики работниками, а также содействие возвращению безработного в экономику, развитию форм социального партнерства, формированию региональных рынков труда и т. д.

В то же время при детальном рассмотрении деятельности всей системы можно заключить, что она в основном направлена на устранение уже существующей безработицы, ликвидацию последствий неравномерного распределения производственных сил и прав человека на труд, и такое положение необходимо изменить. Службам занятости необходимо работать на опережение безработицы.

Несмотря на существование множества программ по сокращению безработицы, все они не могут полностью ликвидировать данное явление. Для этого необходимо улучшение экономической ситуации в стране в целом, когда начинает расти спрос на товары, а значит, и на рабочую силу для их производства. В нынешней ситуации именно такой путь и нужен России, результатом которого должно стать сокращение безработных до уровня, соответствующего только фрикционной и структурной безработице.

Безработица носит ярко выраженную социально-экономическую окраску. С развитием экономики происходят изменения и в социальной сфере. Государство ищет способы, если не ликвидировать безработицу, то хотя бы найти рычаги ее снижения и методы поддержки безработных граждан.

При этом последствия безработицы как сложного социально-экономического явления нельзя оценить однозначно. В настоящее время американские специалисты признают, что

Научно-теоретический раздел

безработица – это нечто большее, чем экономическое бедствие или социальная катастрофа, она ведет к депрессии населения, бездеятельности, утрате квалификации, потере самоуважения, упадку моральных устоев. Однако существует и иная точка зрения, сторонники которой считают, что в результате безработицы происходит перераспределение кадров путем сосредоточения их в

видах деятельности, пользующихся наибольшим спросом.

В настоящее время безработица является одной из острейших проблем современного общества и неоспоримым показателем нестабильности экономики России. Добиться ее эффективного функционирования возможно только путем решения проблемы безработицы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2015) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Содействие занятости населения”» // Собр. законодательства РФ. 2014. № 18. Ст. 2147.
4. Плакся В. И. Безработица: теория и современная российская практика (социально-экономический аспект). М., 2005.

Bibliography

1. The Constitution Of The Russian Federation // Code of laws of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. The law of the Russian Federation from April 19, 1991 № 1032-1 «On employment in the Russian Federation» (ed. by 29.12.2015) // Code of laws of the Russian Federation. 1996. № 17. Art. 1915.
3. The Decree of the Government of the Russian Federation from April 15, 2014 № 298 «On approval of the State program of the Russian Federation “To promote employment”» // Code of laws of the Russian Federation. 2014. № 18. Art. 2147.
4. Plaksa V. I. Unemployment: theory and modern Russian practice (socio-economic aspect). Moscow, 2005.

© 2016 г. Е. Н. Билоус,

заместитель начальника Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя по учебной и научной работе кандидат юридических наук, профессор.
E-mail: nip1966@yandex.ru

С. А. Кутякин,

профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Kutiakin@yandex.ru

И. П. Напханенко,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского юридического университета МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: nip1966@yandex.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ КРИМИНАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ ТЮРЕМНЫХ АВТОРИТЕТОВ И АДМИНИСТРАЦИЕЙ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье исследуются факторы, обуславливающие существование конфликтных отношений между администрацией мест лишения свободы и неформальной организацией криминальных лидеров и примыкающих к ним осужденных – «криминальной оппозицией». Рассматривается структура такого конфликта, его особенности и внутреннее содержание. Делается вывод о том, что неформальное по своей природе противодействие со стороны криминальной оппозиции сталкивается с формальным противодействием со стороны ФСИН России и подчиненных ей органов и учреждений. Разрешить существующую дилемму, по мнению авторов, можно только при помощи трансформации формальных методов противодействия преступности в неформальные, воздействующие прежде всего на нравственную природу человека.

Ключевые слова: «воры в законе», исправительные учреждения, конфликт, криминальная оппозиция, оперативно-розыскная деятельность, осужденные, противодействие преступности, «смотрящие».

E. N. Bilous – Deputy Chief on Educational and Scientific work, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD in Law, Professor.

S. A. Kutyaikin – Professor, Department of Operational-Investigative Activity, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD in Law, Associate Professor.

I. P. Napkhanenko – Associate Professor, Department of Operative-Investigative Activities in authorities of internal Affairs Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

DETERMINANTS, STRUCTURE AND CONTENT OF THE CONFLICT BETWEEN CRIMINAL OPPOSITION OF THE PRISON AUTHORITIES AND THE ADMINISTRATION OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

This article examines the factors contributing to the existence of conflicting relations between the administration of the prison and the informal organization of criminal leaders and the adjoining convicted criminal «opposition». Describes the structure of such a conflict, its characteristics and inner content. The conclusion is that the informal nature of the opposition from the criminal opposition is facing formal opposition from the Russian Federal Penitentiary Service and subordinate agencies and institutions. To resolve the existing dilemma, according to the authors, only by means of the transformation of formal methods of fighting crime in the informal acting primarily on the moral nature of man.

Key words: «thieves in law», correctional institutions, conflict, criminal opposition, operatively-search activity convicts, combating crime, «looking».

Присущий местам лишения свободы антагонизм между осужденными и администрацией выступил основой формирования в этих условиях такого феномена, как «криминальная оппозиция» [5]. Она представляет собой

организованное в местах лишения свободы сообщество осужденных, во главе которого находятся профессиональные преступники, стоящие на высшей ступени криминальной иерархии. Криминальная оппозиция выдвигает

гает свои требования и противодействует администрации от имени тюремного сообщества, маскируя свою преступную сущность под видом заботы об общем благе для всех осужденных. Проявляясь в виде криминальной оппозиции, противоречие, свойственное наказанию в виде лишения свободы, «материализуется», а конфликт, с помощью которого это противоречие разрешается, «персонифицируется».

Конфликт между криминальной оппозицией и администрацией исправительного учреждения представляет собой предельно обостренную форму социального противоречия, существующего в местах лишения свободы [1, с. 82–87]. Криминальная оппозиция, равно как и администрация исправительного учреждения, имеет определенные интересы, потребности и цели. Посягательство одной из сторон на какую-либо потребность другой стороны создает социально-психологическую основу конфликта. Это и есть структура противоречия, предшествующего конфликту, – конфликтная ситуация [7, с. 458–459]. Конфликтная ситуация между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы включает в свою структуру следующие элементы: стороны (участники) конфликта; социальная среда, в которой развивается конфликтная ситуация; субъективные качества участников конфликта; предмет конфликта (несовпадающие интересы, потребности и цели сторон) [4, с. 78–82].

Сторонами (участниками) рассматриваемого нами конфликта выступают формальная организация уголовно-исполнительной системы и неформальная организация криминальной оппозиции. Представителями уголовно-исполнительной системы являются ее сотрудники, в первую очередь сотрудники администрации мест лишения свободы, вступающие в непосредственные отношения с осужденными и заключенными под стражу. К представителям криминальной оппозиции относятся осужденные, являющиеся участниками этой организации и выполняющие в ней определенные функции. В первую очередь, сюда следует отнести «воров», «положенцев», «смотрящих» и действующих под их руководством «блатных» и других входящих в состав криминальной оппозиции осужденных. Необходимо отметить, что социальный конфликт обладает свойством структурирования вокруг себя более широкого социального

окружения, «втягивания» в конфликт новых участников. В связи с этим в конфликт между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы могут быть вовлечены родственники осужденных, входящих в криминальную оппозицию; другие осужденные и их родственники; организованные преступные сообщества и их лидеры («воры», «положенцы», «смотрящие»), находящиеся в других местах лишения свободы и на воле; должностные лица УФСИН – ГУФСИН и центрального аппарата ФСИН России, уполномоченные на решение конфликта; представители правозащитных организаций, иные социальные общности, для которых продолжительность, формы и методы разрешения конфликтной ситуации имеют чрезвычайно важное значение. В отдельных случаях конфликты между криминальной оппозицией и осужденными могут приводить к тяжким последствиям (убийствам, тяжким телесным повреждениям, поджогам, массовым беспорядкам, захватам заложников, групповым побегам, погромам и т. п.), что придает им широкий общественно-политический резонанс и негативно сказывается на имидже ФСИН России и ее сотрудников.

Социальная среда мест лишения свободы, в которой развивается конфликтная ситуация, характеризуется тем, что общение осужденных между собой и сотрудниками администрации происходит в условиях существующей в местах лишения свободы субкультуры. Основу субкультуры составляют социально-психологические явления: традиции, обычаи, групповые мнения и настроения, слухи, манипуляция и др. Несмотря на то, что не все социально-психологические явления осознаются осужденными и сотрудниками, их основная функция – управление поведением и отношениями. Негативные социально-психологические явления ведут к конфликту как среди осужденных, так и между осужденными и представителями администрации. Преступная субкультура не только не предполагает, но и категорически отрицает равенство людей по отношению друг к другу. Она антидемократична по своей сути. В связи с этим противоречия внутри сообщества осужденных и заключенных под стражу обусловлены различиями их неформального социального статуса в местах лишения свободы. Чем выше неформальный статус, тем больше неформальных прав и свобод предоставлено его об-

ладателю по отношению к другим членам тюремной общины. Осужденные и заключенные под стражу, входящие в криминальную оппозицию, и в особенности являющиеся ее лидерами, обладают наивысшим неформальным статусом в местах лишения свободы. По «тюремным законам» лидер вправе потребовать для себя лучшее спальное место в жилой секции (камере), лучшее место в столовой, право на помывку в бане до того, как туда войдут другие осужденные, выбрать лучшую «шайку» во время раздачи пищи и т. п. Таким образом, возникает противоречие между криминальной оппозицией и остальными осужденными и заключенными под стражу. Нередко это противоречие перерастает в конфликт, в результате которого страдают законные права и интересы осужденных и заключенных под стражу.

В то же время социальная среда мест лишения свободы предполагает взаимодействие двух различных социальных групп, включающих в себя преступников и подозреваемых в совершении преступления (осужденных и заключенных под стражу) и сотрудников администрации мест лишения свободы. Сотрудники администрации наделены законом правами, реализация которых позволяет в значительной степени ущемлять неформальные права и свободы осужденных и заключенных под стражу, в том числе лидеров и членов криминальной оппозиции. Это приводит к противоречию между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы.

Важное значение для возникновения конфликтной ситуации имеют субъективные качества участников конфликта. Изучение этих качеств предполагает раскрытие типологических психических особенностей поведения личностей и групп осужденных, входящих в криминальную оппозицию, которые вызывают повышенную конфликтность. «Среди такого рода особенностей следует, прежде всего, назвать завышенный уровень притязаний, самооценки, недисциплинированность, высокую доминантность, сверхвысокую чувствительность к замечаниям в свой адрес, потребность в почтении и восхищении со стороны окружающих, обидчивость и т. д.» [3, с. 113]. Аналогичным образом влияют на создание конфликтной ситуации субъективные качества сотрудников администрации мест лишения свободы. Осужденные легче

идут на контакт, уважают и ценят тех сотрудников, которые обладают профессиональной компетентностью, отличаются последовательностью и справедливостью в своих оценках. Они быстрее устанавливают доверительные отношения с теми, кто понимает их проблемы, кому присущи чуткость и педагогический такт. Лидеры и члены криминальной оппозиции в большей степени, чем другие осужденные, чувствительны к содержанию и стилю отношений к ним со стороны администрации, постоянно ожидая от сотрудников предъявления повышенной требовательности, даже предвзятости. Это нередко ведет к совершению ими поступков, сопряженных с нарушением норм взаимоотношений. Другими словами, они провоцируют ошибки, сбои в деятельности администрации, чтобы использовать данные обстоятельства для достижения своих интересов [6, с. 37–38].

Особенности предмета конфликта между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы заключаются в следующем. В местах лишения свободы конфликтная ситуация между криминальной оппозицией и администрацией складывается объективно, помимо воли и желания противоборствующих сторон. Это обусловлено тем, что интересы, потребности и цели указанных субъектов не только диаметрально противоположны, но и взаимно исключают друг друга. Потребности криминальной оппозиции детерминированы противоправной и преступной сущностью этой неформальной организации. Как известно, сущность проявляется в цели. Целями деятельности криминальной оппозиции являются: установление власти над тюремной общиной (подчинение себе других осужденных и заключенных под стражу); ослабление или нейтрализация уголовно-исполнительного воздействия на членов криминальной оппозиции; получение доходов от организации криминального бизнеса в исправительном учреждении. Они определены нормами неформального права и закреплены в «воровских» и тюремных «законах». В писаном виде такие «законь» излагаются в «воровских прогонах», постановочных письмах, «ксивах», «маяях» и других неформальных инструктивных документах, составленных от имени ее лидеров. В этих документах за внешней и зачастую декларативной заботой об общем благе для всей тюремной общины скрывается главная цель

деятельности данной преступной организации. Она заключается в обеспечении собственного паразитического существования как за счет ресурсов содержащихся в местах лишения свободы лиц, так и за счет ресурсов исправительных учреждений и следственных изоляторов. Так, например, в одном из «воровских прогонов» говорится о том, что в настоящее время в местах лишения свободы находится большое количество коммерсантов и предпринимателей, которых многие «горе-знаюки» арестантских законов пытаются унизить, приравняв их к неформальной категории «барыг». «Воры» указывают на недопустимость такого обращения с ними. В действительности криминальная оппозиция опекает эту категорию осужденных, преследуя исключительно собственные корыстные интересы, и рассматривает их в качестве источника финансового и материального обеспечения деятельности данной организации.

В отличие от целей криминальной оппозиции, цели администрации мест лишения свободы формализованы и детерминированы положениями действующего уголовно-исполнительного законодательства. В соответствии с этим администрация мест лишения свободы обязана осуществлять меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. Деятельность каждого сотрудника должна быть направлена на исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [2].

Неформальные цели деятельности криминальной оппозиции обуславливают и неформальные способы их достижения. Формальная по своей природе уголовно-исполнительная система, напротив, преимущественно использует формальные способы решения поставленных перед ней задач. Это приводит к тому, что неформальное по своей природе противодействие со стороны криминальной оппозиции сталкивается с формальным противодействием со стороны ФСИН России и подчиненных ей органов и учреждений. Разрешить существующую дилемму сотрудники ФСИН России могут только при помощи трансформации формального в неформальное. Механизмы этой трансформации существуют в практике привлечения для воспитательной

работы с осужденными родственников, представителей религиозных и других общественных организаций. При этом необходимо отметить, что методы противодействия, применяемые администрацией, могут носить скрытый, конспиративный характер и выражаться в форме оперативно-разыскных мероприятий. Оперативно-разыскная деятельность также позволяет оперативным работникам ФСИН России реализовывать на практике механизмы трансформации формального в неформальное. В основном это достигается путем привлечения к негласному сотрудничеству осужденных, входящих в криминальную оппозицию. Причем чем выше неформальный статус данных лиц среди осужденных, тем легче и быстрее они достигают решения поставленных перед ними оперативными работниками формальных задач противодействия преступности. Следует отметить, что вышеуказанные неформальные методы противодействия криминальной оппозиции со стороны сотрудников ФСИН России не только не противоречат закону, но и являются следствием его предписаний. Вместе с тем противодействие криминальной оппозиции и входящим в ее состав осужденным со стороны отдельных сотрудников администрации может находиться за пределами официальных требований закона и принимать характер субъективного конфликта. Результаты проведенных нами исследований свидетельствуют о том, что в основе таких конфликтов лежит неподчинение законным требованиям администрации (91,28 %) и личная неприязнь (8,72 %) опрошенных сотрудников ФСИН России. В этом случае сотрудники мест лишения свободы применяют неформальные противозаконные методы противодействия. При этом свои противоправные действия сотрудники осуществляют под видом исполнения требований действующего законодательства, правил внутреннего распорядка и т. д.

Формально сотрудники управляют осужденными, основываясь на предписаниях норм позитивного права. Выполнение данных предписаний противоречит неформальным нормам бытия осужденных. Это приводит к тому, что формальный конфликт между сотрудниками и осужденными усугубляется отношениями неформального противодействия. Таким образом, неформальное противодействие берет свое начало в формальном конфликте

те. Впоследствии оно выходит за рамки формального конфликта и начинает жить самостоятельной жизнью. Как правило, это касается лидеров и активных членов криминальной оппозиции, у которых даже после завершения формального конфликта и освобождения из мест лишения свободы продолжают существовать отношения противодействия к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. В свою очередь, сотрудники относятся с недоверием и настороженностью к бывшим осужденным, особенно если они принадлежат к числу «блатных». По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с конфликтом, возникающим при соприкосновении двух различных субкультур – преступников и сотрудников исправительных учреждений. Несмотря на неформальный характер противодействия, оно по силе воздействия на общественные отношения и уровню требований не только не уступает, но и превосходит уровень требований норм позитивного права. Это объясняется тем, что уровень требований морали превосходит уровень требований позитивного права. Мораль в большей степени обеспечивается силой внутреннего убеждения, а позитивное право силой государственного принуждения. Подтверждение этому мы находим в структуре самого правосознания, где немаловажную роль играют мотивационные и установочные компоненты, ориентирующие личность на определенный стиль социального поведения.

Что касается потребностей криминальной оппозиции как организации, то они носят внешний и внутренний характер. Внешние потребности криминальной оппозиции обусловлены противоправными целями ее деятельности. Они реализуются путем взаимодействия с администрацией, тюремной общиной и другими преступными организациями как в местах лишения свободы, так и за их пределами. В некоторых случаях результатом такого взаимодействия является совершение преступлений и нарушение режима отбывания наказания и содержания под стражей. Внутренние потребности организации криминальной оппозиции продиктованы необходимостью ее самосохранения и развития. Они удовлетворяются путем сбора «общака», вовлечения в организацию новых членов, выявления, нейтрализации или перевербовки внедренных в организацию конфиденциальных сотрудников оперативных аппаратов,

подчинения своей воле других, не входящих в состав криминальной оппозиции осужденных и заключенных под стражу, устранения или нейтрализации противоречий внутри самой организации и т. п. Реализуя свои внутренние потребности, организация криминальной оппозиции также вступает в конфликт с законом, администрацией мест лишения свободы и сотрудничающими с ней осужденными и заключенными под стражу. Это позволяет сделать вывод о том, что предметом конфликта между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы выступают обусловленные нормами неформального права и вступающие в противоречие с действующим законодательством внутренние и внешние потребности данной организации.

В конфликте между администрацией и криминальной оппозицией можно выделить следующие ключевые моменты:

- предельное обострение социальных противоречий между администрацией и осужденными, входящими в криминальную оппозицию;
- открытое или тайное противодействие администрации со стороны криминальной оппозиции;
- различный социальный и правовой статус противодействующих сторон;
- противоречащие или взаимоисключающие цели, интересы и потребности конфликтующих сторон.

Вышеизложенное позволяет нам сформулировать следующее определение конфликта между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы: конфликт между криминальной оппозицией и администрацией мест лишения свободы представляет собой предельное обострение социальных противоречий, возникающих в связи с реализацией потребностей этой организации, и проявляется в открытом или тайном противодействии указанных субъектов по отношению друг к другу.

При этом под противодействием криминальной оппозиции осужденных со стороны уголовно-исполнительной системы России, на наш взгляд, следует понимать деятельность структурных подразделений ФСИН России по предупреждению создания в местах лишения свободы криминальной оппозиции осужденных, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и усло-

Научно-теоретический раздел

вий, способствующих возникновению данной организации; выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и оказанию содействия в расследовании ее противоправной

деятельности; восстановлению нарушенных прав лиц, пострадавших от деятельности такой организации.

Литература

1. Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм («понятий») в среде осужденных к лишению свободы // Философия права. 2016. № 1 (74).

2. Гришин Д. А., Кутякин С. А. Государственное регулирование противодействия проявлениям организованной преступности в уголовно-исполнительной системе России: моногр. Рязань, 2013.

3. Дмитриев А. В. Конфликтология: учеб. пособие. М., 2000.

4. Кутякин С. А., Гришин Д. А. Структура, содержание и особенности конфликта между криминальной организацией осужденных к лишению свободы и администрацией исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы России // Вестн. Рос. нов. ун-та. 2015. № 7.

5. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: моногр. Рязань, 2012.

6. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них / под общ. ред. Ю. М. Антоныяна. М., 1989.

7. Столяренко Л. Д. Психология управления: учеб. пособие. 3-е изд. Ростов н/Д, 2006.

Bibliography

1. Bilous E. N., Kutyakin S. A., Naphanenko I. P. The antagonistic nature of the factors contributing to the emergence of informal prison norms («concepts») among the convicts // Philosophy of Law. 2016. № 74.

2. Grishin D. A., Kutyakin S. A. State regulation of countering manifestations of organized crime in the penal system of Russia: monograph. Ryazan, 2013.

3. Dmitriev A. V. Conflictology: textbook. Moscow, 2000.

4. Kutyakin S. A., Grishin D. A. Struktura content and features of the conflict between the criminal organization of convicts and the prison administration penal system of Russia // Bulletin of the Russian New University. 2015. № 7.

5. Kutyakin S. A. Organizing Opposition countering criminal in the penal system of Russia: monograph. Ryazan, 2012.

6. Particularly dangerous leaders in the IUT and educational influence on them / ed. by Yu. M. Antonyan. Moscow, 1989.

7. Stolyarenko L. D. Psychology of Management: textbook. 3-e ed. Rostov-on-Don, 2006.

© 2016 г. В. И. Коваленко,

докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: verafem@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются существующие подходы к определению понятия криминальной эксплуатации труда человека, различные формы и виды, проблемы их дифференцирования и криминологической оценки. Автор рассматриваются международные и национальные нормы о запрете различных форм криминальной эксплуатации труда человека, обсуждаются дискуссионные вопросы криминализации в России некоторых форм трудовой эксплуатации человека, в частности принудительного труда. На основе анализа проблем имплементации международных норм о запрете различных форм криминальной эксплуатации труда человека в национальное законодательство делается вывод о необходимости приведения этих норм в соответствие с международными императивами.

Ключевые слова: криминальная эксплуатация труда человека, трудовая эксплуатация, экономическая эксплуатация.

V. I. Kovalenko – Doctoral Student, all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

THE CONCEPT AND TYPES OF CRIMINAL EXPLOITATION OF HUMAN LABOR

The article considers existing approaches to the definition of criminal exploitation of human labour, the different forms and types, problems of their differentiation and criminological assessment. The author discusses international and national regulations banning various forms of criminal exploitation of human labour, examines controversial issues in the criminalization of certain forms of labour exploitation, in particular forced labour. From the analysis of the problems of implementing international norms on the prohibition of various forms of criminal exploitation of human labour in national legislation, the conclusion about the need to bring reporting standards into line with international imperatives.

Key words: criminal exploitation of human labor, labor exploitation, economic exploitation.

Эксплуатация труда – одна из самых древних, традиционных, примитивных и распространенных форм использования физических умений и профессиональных навыков человека. Всеобщей декларацией прав человека провозглашено, что «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы» (п. 1 ст. 23), «каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд» (п. 2 ст. 23), «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения» (ст. 23) [1].

Основополагающие принципы свободы труда и запрета всех форм эксплуатации и принуждения в сфере труда (принудительного, обязательного, рабского труда) установлены международно-правовыми актами [2; 3;

4; 6; 7; 8; 9; 11; 12]. Вместе с тем одной из ведущих тенденций в мире и в нашей стране, характеризующих состояние дел в сфере трудовых отношений, является увеличение доли нарушений, связанных, в частности, с уровнем оплаты и условиями труда, продолжительностью рабочего времени, характером трудовой деятельности.

Правозащитники фиксируют рост числа обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации в связи с фактами нарушения трудового законодательства: из общего числа нарушений социально-экономических прав трудящихся около трети составляют факты несоблюдения законодательства о труде, когда работодателями игнорируются требования законодательства при оформлении трудовых правоотношений с работниками, их увольнении, обеспечении права на отдых и безопасные условия труда, фиксируются многочисленные нарушения, связанные с невыплатой или несвоевременной выплатой заработной платы [10, с. 3; 13].

Так, в ходе исследования нами были опрошены жители Краснодарского, Приморского и Ставропольского краев, Московской и Ростовской областей, городов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя. На вопрос: «Нарушались ли Ваши права в сфере трудовой деятельности за последние 5 лет?» – более 57,3 % опрошенных ответили: «Да, нарушались», 24,1 % – ответили: «Нет, не нарушались», 19,6 % – затруднились ответить. При этом мужчины (62,0 %) и лица (мужчины и женщины) средней возрастной группы – 30–45 лет (58,2 %) – почти в два раза реже сталкивались с нарушениями своих трудовых прав.

Многочисленные факты нарушения трудовых прав работников в сфере легальной деятельности, с одной стороны, свидетельствуют о состоянии дел в производственно-экономической сфере между работодателем и работником, косвенно отражают существующие перекосы, пробелы, уязвимые места в системе трудовых правоотношений, а с другой – являются одной из предпосылок формирования и процветания наихудших форм противоправной эксплуатации труда, в том числе криминального характера.

Основанием разграничения противоправных форм трудовых правоотношений и легальных служит наличие (совокупность) таких признаков, которые свидетельствуют о незаконной (криминальной) эксплуатации труда человека, а именно использование физических и профессиональных качеств работника, извлечение выгоды, присвоение результатов чужого труда (и услуг) осуществляются незаконно, с нарушением международных принципов и норм национального законодательства в области трудовых прав человека.

Такой качественный признак, как «незаконность», может проявляться в различных комбинациях (вариациях): в виде незаконного, запрещенного вида деятельности, подпольного труда в нелегальной сфере, например в теневой экономике, в качестве противоправного, незаконного способа обеспечения трудовой занятости или условий труда – в обход или в нарушение (полного, частичного) норм трудо-

вого, гражданского, миграционного, административного, уголовного законодательства.

В отличие от других форм противоправных антиобщественных деяний в сфере трудовых отношений, влекущих, например, административную ответственность (административное выдворение работающего незаконно нелегального мигранта), говорить о криминальной эксплуатации человека (преступной эксплуатации его труда) можно в тех случаях, когда использование труда (услуг) человека характеризуется высокой степенью общественной опасности, наличием в ее структуре таких обязательных качественных признаков, элементов преступления, как: 1) корыстная цель – получение прибыли, иных выгод другим лицом – эксплуататором-«работодателем»; 2) принуждение (насилие, давление) – инструмент обеспечения эксплуатации; 3) состояние несвободы жертвы (в том числе отсутствие свободы выбора) – необходимое условие эксплуатации. То есть получение эксплуататором прибыли, иных выгод (корыстная цель) инструментально достигается путем принуждения (насилия, давления) в условиях состояния несвободы жертвы, в результате которых последняя не может избежать эксплуатации (или «добровольно» соглашается).

Анализ противоправных фактов использования труда человека показал, что в настоящее время криминальная трудовая эксплуатация человека является одной из наиболее «распространенных форм преступной деятельности, связанной с торговлей людьми» [14]. И это подтверждается данными многолетнего мониторинга зарубежных и российских экспертов, а также результатами нашего исследования.

По данным Международной организации труда*, с 2002 по 2011 год трудовой эксплуатации в мире подверглись 20,9 млн человек, среди которых 4,5 млн (22 %) являлись жертвами сексуальной эксплуатации, 14,2 млн (68 %) – жертвами принудительного труда в различных сферах экономики (строительстве, сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности), 2,2 млн (10 %) были принудительно заняты в государственном секторе [15].

* Международная организация труда (МОТ) – специализированное учреждение ООН, занимающееся вопросами регулирования трудовых отношений, созданное в 1919 году на основании Версальского мирного договора в качестве структурного подразделения Лиги Наций. На 2012 год участниками МОТ являются 185 государств. Штаб-квартира организации находится в Женеве.

Проведенный нами экспертный опрос 605 сотрудников правоохранительных органов* показал следующие результаты. На вопрос: «Какова, на Ваш взгляд, степень распространённости на территории Российской Федерации нижеперечисленных явлений?» – ответы респондентов распределились следующим образом: каждый второй эксперт признал высокую степень распространённости трудовой (экономической) эксплуатации (50,6 %), немногим менее половины (42,7 %) – высокую степень распространённости сексуальной эксплуатации, более трети (36,7 %) – высокую степень распространённости рабского труда.

По результатам исследования правоприменительной практики, различные формы противоправной эксплуатации труда человека на территории нашей страны зафиксированы в следующих отраслях (в порядке убывания): 34,2 % – в сфере услуг и торговли, 24,3 % – в области строительства, 19,6 % – в сельскохозяйственном (аграрном) секторе, 16,4 % – в подпольном производстве контрафактной продукции (вещей, продуктов питания, медицинских препаратов и т. п.), 5,4 % – в домашнем, подсобном хозяйстве и др.

Вместе с тем следует признать тот факт, что приведенные данные лишь отчасти отражают реальное положение дел, поскольку они получены по выявленным и расследованным органами внутренних дел преступлениям. Очевидно, что вне поля деятельности правоохранителей остался огромный пласт преступлений рассматриваемой категории как в вышеуказанных секторах экономики (строительство, сельское хозяйство, производство, сфера услуг), традиционных околокриминальных сферах (эксплуатация попрошайничества женщин с детьми, инвалидов, детей, пожилых людей), так и в относительно новых, стремительно развивающихся отраслях – в медицинской (нелегальная трансплантация органов и тканей, репродуктивные технологии, суррогатное материнство, пластическая хирургия и косметология), религиозно-сектантской деятельности (эксплуатация «послушников», «последователей веры»), в том числе в крайних радикальных формах (экстремистская и террористическая деятельность). Все эти высоколатентные пре-

ступления косвенно свидетельствуют о новом витке развития транснациональной, организованной индустрии (преступного бизнеса) по криминальному использованию трудовых навыков и профессиональных умений человека.

Возможности учета и регистрации фактов незаконной эксплуатации труда, общего мониторинга преступности в сфере нелегальных форм труда, на наш взгляд, обусловлены и другими обстоятельствами. Это связано и с пробелами в отечественном законодательстве, небезупречной имплементацией базовых международных норм, регулирующих ответственность за противоправные виды и формы труда, а также с проблемами понятийного аппарата, отсутствием четких дефиниций в уголовно-правовой и криминологической доктрине, отражающих содержание используемых понятий: трудовой эксплуатации человека, экономической эксплуатации, криминальной эксплуатации труда, принудительного труда, рабского труда, подневольного состояния.

Прежде всего, следует отметить, что в специальной литературе трудовую эксплуатацию человека иногда определяют как экономическую эксплуатацию [16]. И это, на наш взгляд, вполне обоснованно, поскольку эксплуатация труда, как правило, осуществляется в различных сферах экономики (легальных и нелегальных) в целях получения конечного продукта, прибыли, иных выгод, действует по экономическим правилам (законам), базируется на экономических закономерностях (например, себестоимость продукта зависит от стоимости труда эксплуатируемого и определяет размер прибыли), оценивается экономическими категориями (параметрами).

Отсюда полагаем возможным термины «трудовая эксплуатация человека» и «экономическая эксплуатация человека» признать тождественными, в контексте нашего исследования отражающими именно принудительный, криминальный характер экономических отношений в сфере использования (эксплуатации) труда человека (его услуг).

Многообразие незаконных способов использования физического труда и услуг человека отражает значительную вариабельность противоправных форм эксплуатации труда в

* В экспертном опросе приняли участие сотрудники органов внутренних дел, ФСБ, органов правосудия, прокуратуры, миграционной и пограничной служб из 16 регионов страны.

мировой и отечественной трудовой практике, характеризующихся различной степенью их криминальной пораженности. В этой связи протоколом Организации Объединенных Наций «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказаниями за нее, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» 2000 года к эксплуатации человека (наряду с эксплуатацией проституции, сексуальной эксплуатацией, извлечением органов) отнесены: «принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние» (ст. 3) [5, с. 104].

Таким образом, в международном праве выделены следующие криминальные формы трудовой эксплуатации человека: принудительный труд и услуги, рабский труд как одна из крайних форм эксплуатации труда, рабство или обычаи, сходные с рабством. Подневольное состояние потерпевшего также не исключает возможного использования его труда (подневольный труд). Выражение «как минимум» указывает на то, что представленный в протоколе перечень деяний, относимых к эксплуатации человека, вышеперечисленным не исчерпывается.

Кроме того, указание на одну из форм эксплуатации человека – «подневольное состояние» – также может свидетельствовать о том, что в данном случае как минимум могут использоваться трудовые навыки и профессиональные, физические умения человека, находящегося в подневольном состоянии (в основном это жертвы долговой кабалы, крепостничества, иной трудовой повинности), таким образом, налицо принудительный труд подневольного человека. Но также не исключаются (исходя из смысла международных норм) такие формы подневольного состояния, как принуждение к замужеству, «наследование жены», эксплуатация ребенка (и его труда), то есть противозаконное «пользование» другими полезными качествами личности подневольного (сексуальная эксплуатация), физиологическими свойствами организма (репродуктивные функции, суррогатное материнство, трансплантация органов или тканей).

Российские специалисты рассматривают более широкий круг общественно опасных деяний, фиксируемых в сфере трудовых отношений. Так, по мнению В. М. Тринчука, «современными формами криминальных трудовых отношений являются рабство, торгов-

ля людьми (в том числе детьми) и человеческими органами, принудительный труд, трудовая дискриминация, долговая кабала, подневольное состояние» [13, с. 5].

Если признать, что криминальная эксплуатация труда человека включает в себя все нелегальные разновидности трудовой деятельности, возникающей в ходе взаимодействия между работодателем и работником (и это соответствует действительности), то, бесспорно, купля-продажа человека (детей), иные сделки в отношении них, предоставление за плату сексуальных услуг эксплуатируемых, торговля органами и тканями человека, крайние формы трудовой дискриминации (например, невыплата зарплаты, обусловленная полом, национальной или религиозной принадлежностью, статусом мигранта, беженца и т. п.) наравне с долговой кабалой, подневольным трудом, рабством и рабским трудом являются видами криминальной трудовой эксплуатации человека.

Однако, несмотря на возросший в последние годы интерес отечественных специалистов к исследуемой проблематике, до настоящего времени не разрешен ряд общетеоретических и практических вопросов, касающихся понятия, сущности, общих признаков, свойств, характеризующих различные формы криминальной эксплуатации труда, а также дифференцирующих критериев их классификации. Это обусловлено в некоторой степени неизбежными трудностями перевода, толкования, трактовки основных терминов в ходе реализации международных положений о запрете эксплуатации, рабства, принудительного, рабского труда.

Рассматриваемые международные нормы были имплементированы в российское уголовное законодательство, в котором к эксплуатации человека отнесены «рабский труд (услуги)», «подневольное состояние» (ст. 127.1 УК РФ), норма об «использовании рабского труда» выделена отдельно (ст. 127.2 УК РФ). Но вопреки императивам международного права в сфере труда в России уголовная ответственность предусмотрена лишь за использование рабского труда (услуг) и подневольное состояние (в рамках состава торговли людьми), а принудительный труд (услуги) не криминализован, хотя Конституцией РФ и Трудовым кодексом РФ установлен запрет на его использование. Отсутствие уголовной ответственности за использование принудительного труда (услуг), по нашему

мнению, противоречит не только международным и отечественным базовым принципам в области защиты свободы труда, но и является предпосылкой формирования и увеличения масштабов крайних, наихудших форм использования принудительного труда – рабского, подневольного труда.

Как представляется, отсутствие нормы, предусматривающей уголовную ответственность за использование принудительного труда, наряду с криминализацией рабского труда приводит к тому, что деяния лиц, незаконно эксплуатирующих принудительный труд потенциальных рабов, не подпадают под состав преступления (использование рабского труда), а малочисленные выявленные «владельцы» рабов (в отличие от лиц, незаконно использующих иные противоправные формы принудительного труда), хотя и привлекаются к ответственности, но в целом значительной части виновных в этих деяниях удастся избежать наказания.

Иными словами, широкий пласт нелегального принудительного, по сути криминального труда, не «перетекшего» по материальным и формальным критериям в свою крайнюю форму – рабский труд, остался вне поля правового контроля и предупредительной

деятельности отечественных правоохранителей. А вместе с тем принудительный труд, на наш взгляд, включает в себя все разновидности криминальной эксплуатации труда человека.

Данное обстоятельство привело к тому, что анализ и учет общего количества преступных посягательств в сфере противоправной эксплуатации труда на территории Российской Федерации вызывает существенные трудности, в стране отсутствует единая система мониторинга, регистрации и статистического учета количественных параметров всех форм криминальной эксплуатации труда (и услуг), а также его видов – принудительного, рабского, подневольного, противоправной эксплуатации труда лица, находящегося в уязвимом положении.

В этой связи полагаем необходимым дальнейшее исследование существующих подходов к трактовке понятия и признаков различных форм криминальной эксплуатации труда человека в целях более эффективного противодействия наиболее опасным формам криминальной эксплуатации труда человека: принудительного, рабского, подневольного труда, в том числе обусловленного институтами и обычаями, сходными с рабством.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Противодействие торговле людьми: сб. нормативных правовых док. М., 2004.
2. Конвенция относительно рабства (ООН, 1926 год). URL: <http://consultant.ru>
3. Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948 год). URL: <http://consultant.ru>
4. Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» (ООН, 2000 год). URL: <http://consultant.ru>
5. Протокол ООН «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» // Противодействие торговле людьми: сб. нормативных правовых док. М., 2004.
6. Конвенция Международной организации труда № 29 «Относительно принудительного

Bibliography

1. The universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948) // The counter-trafficking: the collection of normative legal documents. Moscow, 2004.
2. Slavery Convention (UN, 1926). URL: <http://consultant.ru>
3. The universal Declaration of human rights (UN, 1948). URL: <http://consultant.ru>
4. Protocol «On the prevention and suppression of trafficking in persons, especially women and children, and punishment, supplementing the UN Convention against transnational organized crime» (UN, 2000). URL: <http://consultant.ru>
5. The UN Protocol «On prevention and suppression of trafficking in persons, especially women and children, and punishment, supplementing the UN Convention against transnational organized crime» // Trafficking in human beings: the collection of normative legal documents. Moscow, 2004.
6. Convention of the International labour organization № 29 «Concerning forced or compulsory labour» (ILO, 1930). URL: <http://consultant.ru>

Научно-теоретический раздел

или обязательного труда» (МОТ, 1930 год). URL: <http://consultant.ru>

7. Конвенция Международной организации труда № 105 «Об упразднении принудительного труда» (МОТ, 1957 год). URL: <http://consultant.ru>

8. Международный пакт «О гражданских и политических правах» (1966 год). URL: <http://consultant.ru>

9. Конвенция Международной организации труда № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» (МОТ, 1999 год). URL: <http://consultant.ru>

10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год // Российская газета. 2006. 21 июня.

11. Противодействие торговле людьми // Сб. нормативных правовых док. М., 2004.

12. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: сб. док. / сост. В. С. Овчинский. М., 2004.

13. Тринчук В. М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

14. Мезавцов М. А. Актуальные вопросы применения российского и международного права, направленные на борьбу с торговлей людьми // Бизнес в закон. 2010. № 5.

15. Рязанцев С. В., Сивошлясова С. Ю. Россия в международной торговле женщинами. Институт социально-политических исследований РАН // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2014. № 16 (187). Вып. 29.

16. Крапивин С. В. Эксплуатация человека как цель торговли людьми // Общество и право. 2012. № 3 (40).

7. Convention of the International labour organization № 105 «Abolition of forced labour» (ILO, 1957). URL: <http://consultant.ru>

8. The international Covenant «On civil and political rights» (1966). URL: <http://consultant.ru>

9. Convention of the International labour organization № 182 «Concerning the prohibition and immediate action for the elimination of the worst forms of child labour» (ILO, 1999). URL: <http://consultant.ru>

10. Report of the Commissioner for human rights in the Russian Federation in 2005 // Russian newspaper. 2006. June 21.

11. The counter-trafficking // The collection of normative legal documents. Moscow, 2004.

12. The International legal framework of combating illegal migration and trafficking in persons: collection of documents / comp. V. S. Ovchinsky. Moscow, 2004.

13. Trinchuk V. M. Criminological characteristics and prevention of crimes in the sphere of labor relations: abstract. dis. ... PhD in law. Omsk, 2006.

14. Mesacov M. A. Topical issues of application of Russian and international law aimed at combating human trafficking // Business in law. 2010. № 5.

15. Ryazantsev S. V., Sivoplyasov S. Y. Russia in the international trafficking of women. Institute of socio-political research Russian Academy of Sciences // Scientific statements of Belgorod state University. 2014. № 16 (187). Vol. 29.

16. Krapivin V. S. the Exploitation of man as the purpose of trafficking // Society and law. 2012. № 3 (40).

© 2016 г. А. А. Гайдуков,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.
E-mail: Gaidukow28@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО УЧЕТА ЛИЦ, ДОПУСКАЮЩИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируются нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность полиции по осуществлению индивидуальной профилактической работы с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и состоящими на профилактическом учете. Автором выражается мнение о необходимости законодательного закрепления понятий «профилактический учет», «индивидуальная профилактическая работа», оснований постановки на учет, а также правового статуса лиц, состоящих на профилактическом учете.

Ключевые слова: профилактический учет, индивидуальная профилактическая работа, участковый уполномоченный полиции, правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

A. A. Gaidukov – Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE REGISTRATION OF PERPETRATORS OF OFFENSES IN THE SPHERE OF FAMILY-DOMESTIC RELATIONS

The article analyzes the Russian legislation and regulations governing the activities of the police for the implementation of individual preventive work with persons committing offenses in the sphere of family relations and composed on preventive supervision. The author expresses his opinion on the need legislative consolidation of the concepts of «preventive registration», «individual preventive work» reason of registration, as well as the legal status of persons in the preventive supervision.

Key words: preventive account, individual preventive work, the district commissioners of police, offenses in the sphere of family relations.

В настоящее время в России прослеживается устойчивая тенденция к увеличению количества правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Согласно статистике, насилие происходит в каждой четвертой семье [10, с. 52]. Только за 2015 год участковыми уполномоченными полиции было выявлено 73 526 преступлений, совершенных на бытовой почве. По данным МВД России, из общего числа убийств и причинения тяжкого вреда здоровью каждое четвертое совершается в сфере семейно-бытовых отношений. Данные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» свидетельствуют о том, что в 2015 году на профилактических учетах органов внутренних дел состояло 657 861 человек, из них 106 995 – допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Сложившаяся динамика правонарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений привела к необходимости усиления индивидуальной профилактической работы полиции с лицами, склонными к совершению правонарушений и состоящими на профилактическом учете.

Индивидуальная профилактическая работа является составной частью предупреждения и пресечения правонарушений и наряду с выявлением причин и условий их совершения, а также принятием мер по их устранению формирует общую структуру профилактики. Анализ правоприменительной деятельности полиции показывает, что именно в этом направлении существует значительное количество правовых вопросов, требующих своего разрешения и законодательного закрепления. Одной из первоочередных проблем, с которыми сталкивается правоприменитель, является отсутствие закрепленных на законодательном уровне понятий «индивидуальная профилактическая работа» и «профилактический учет».

Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» в п. 4 ч. 1 ст. 12 закрепил лишь общую тенденцию предупреждения правонарушений и обязанность полиции проводить индивидуальную профилактическую работу. Какого-то конкретного определения в нем не представлено. Однако понятие «инди-

видуальная профилактическая работа» встречается в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Содержанием этого понятия является деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий. Вместе с тем оно не отражает особенности индивидуальной профилактической работы полиции с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, и другими «подулетными» категориями граждан, поэтому имеет узкоспециальную направленность. Проект федерального закона № 421465-6 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» также не содержит понятия «индивидуальная профилактическая работа», тем не менее она осуществляется полицией ежедневно. Для основного субъекта профилактики правонарушений – участкового уполномоченного полиции – проведение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете, относится к основной форме несения службы. Такая же ситуация сложилась и в связи с понятием «профилактический учет».

Анализ законодательства свидетельствует о том, что профилактический учет обладает внутриведомственным характером и является прерогативой органов внутренних дел. Федеральный закон «О полиции» в п. 16 ч. 3 ст. 17 наделил полицию полномочиями по ведению банка данных о гражданах, состоящих на профилактических учетах. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в п. 5 ч. 2 ст. 21 закрепил за подразделениями по делам несовершеннолетних право на ведение учета несовершеннолетних, совершивших правонарушения и антиобщественные действия.

Приказ МВД России от 17 января 2006 года № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» определил постановку на профилактический учет лиц, имеющих намерение совершить преступление, в качестве одной из основных задач органов внутренних дел по предупреж-

дению преступлений. В п. 63.1–63.6 Наставления по организации деятельности участкового уполномоченного полиции, утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2012 года № 1166 «Вопросы организации деятельности участкового уполномоченного полиции», зафиксированы категории граждан, подлежащие постановке на профилактический учет. Несмотря на это, данные нормативные правовые акты не содержат определения рассматриваемого понятия.

Единое представление о профилактическом учете отсутствует и в академической среде. Например, А. Е. Шалагин рассматривает профилактический учет только как меру индивидуальной профилактики [15, с. 46]. А. В. Равношкин полагает, что профилактический учет является одним из средств воздействия полиции на граждан, совершивших ранее и (или) вновь склонных к совершению правонарушений [12, с. 78]. По мнению ряда исследователей, профилактический учет – это урегулированный административно-процессуальными нормами специальный порядок деятельности по разрешению однородных индивидуально-конкретных дел либо совершения иных юридически значимых административно-правовых действий вне рамок каких-либо административных производств [3, с. 6]. Как представляется, профилактический учет представляет собой форму индивидуальной профилактики правонарушений, целью которой является предупреждение совершения (возможного совершения) правонарушений [7, с. 56].

Анализ содержания понятия «профилактический учет» встречается и в региональных законах о профилактике правонарушений. В законах республик Башкортостан, Бурятия, Крым, Саха (Якутия), а также Забайкальского, Краснодарского краев, Архангельской, Воронежской и Нижегородской областей профилактический учет рассматривается как форма или мера индивидуальной профилактики, содержанием которой являются: наблюдение за поведением лица, поставленного на учет; изучение условий и образа его жизни; воспитательное воздействие на него; пресечение антиобщественного поведения; устранение условий, способствующих совершению им правонарушений; проведение проверки по месту его жительства, работы, учебы [1].

В свою очередь, проект федерального закона «Об основах системы профилактики пра-

вонарушений в Российской Федерации» содержит иное определение понятия «профилактический учет» – система мер по регистрации и обработке данных о лицах, в отношении которых имеются основания для применения мер по индивидуальной профилактике правонарушений. Данное определение указывает на информационную и статистическую стороны профилактического учета, при этом не отражает цели и содержание рассматриваемой формы индивидуальной профилактики. Очевидно, что при принятии законопроекта необходимо учесть опыт регионального нормотворчества. Важно четкое закрепление и разграничение полномочий между субъектами профилактики в этом направлении. Кроме того, в законе целесообразно закрепить административную процедуру постановки на профилактический учет, которой будут руководствоваться должностные лица органов внутренних дел; необходимые положения, связанные с регистрацией и обработкой данных о лицах, ведением служебной документации, отражающей персональные данные граждан, информацию о дате постановки и сроке нахождения гражданина на учете, сведения о событиях совершенного преступления или административного правонарушения. Результаты индивидуальной профилактической работы следует проработать и внести в нормативные правовые акты МВД России. В свою очередь, иные органы системы профилактики правонарушений в пределах их полномочий и в соответствии с российским законодательством, координируя свои действия с органами внутренних дел, совместно займутся непосредственным профилактическим воздействием на граждан в целях предупреждения правонарушений.

Таким образом, разработка и закрепление на законодательном уровне понятий «индивидуальная профилактическая работа» и «профилактический учет» позволят, во-первых, разграничить меры общей и индивидуальной профилактики; во-вторых, конкретизировать деятельность полиции по адресному воздействию на «подучетное» лицо; в-третьих, установить пределы индивидуального профилактического воздействия.

Другим важным с научной и практической точек зрения является вопрос о правовых основаниях постановки на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Отсут-

ствие этих оснований в федеральном законе противоречит содержанию ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как содержанием полицейской деятельности выступает соблюдение и защита прав и свобод человека, установленных Основным законом страны [6, с. 96]. Это подтверждается тем, что постановка на профилактический учет осуществляется должностными лицами в процессе осуществления ими своих обязанностей без согласия и вопреки воле поставленного на профилактический учет. Поэтому следует поддержать мнение В. А. Плешакова о том, что постановка лица на профилактический учет предполагает определенное ущемление его прав, в связи с этим категории лиц и виды их антиобщественного поведения должны специально указываться в нормативных актах [9, с. 123].

Данная позиция находит свое подтверждение при осуществлении индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних и лиц, подвергнутых административному надзору полиции. Основания постановки на учет и порядок проведения с указанными лицами индивидуальной профилактической работы установлены федеральными законами. Однако при решении вопроса о постановке на учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, правоприменитель вынужден действовать в рамках административного усмотрения, исходя из обязанностей, возложенных на полицию, необходимости и целесообразности, в порядке, предусмотренном ведомственным приказом.

Анализ действующих нормативных правовых актов показал, что только приказ МВД России «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» в п. 14.3 и 18.3 содержит два основания, по которым лицо может быть поставлено на профилактический учет, иных правовых оснований нормативный акт не предусматривает. К этим основаниям относится избрание в отношении гражданина меры пресечения, не связанной с лишением свобод, а также прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям.

Вопрос о правовых основаниях постановки на учет остается открытым и дискуссионным. По мнению Ч. Н. Ахмедова, основаниями постановки гражданина на профилактический учет является совершение лицом трех и более правонарушений в сфере семейно-

бытовых отношений, двух и более мелких хулиганств в быту в течение года; вынесение по материалу проверки постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту угрозы убийством; причинение телесных повреждений на бытовой почве [4, с. 235].

В настоящее время совершение лицом трех и более правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений может расцениваться контролирующими и следственными органами как халатное отношение полиции к выполнению обязанностей по предупреждению преступлений и административных правонарушений и вызвать подрыв доверия граждан. Примером может служить убийство в Нижнем Новгороде О. Беловым матери, жены и шестерых детей, получившее большой общественный резонанс. Кроме того, стоит отметить, что в Кодексе об административных правонарушениях РФ не предусмотрена административная ответственность за мелкое хулиганство в быту.

Выступая на страницах журнала «Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России», В. И. Акулов и Е. В. Кашкина высказали мысль о том, что основаниями для постановки на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, является совокупность проверенных данных, свидетельствующих о наличии в деянии лица признаков состава преступления при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, а также неоднократность совершения лицом административных правонарушений в рассматриваемой сфере [2, с. 14].

В свою очередь, по мнению разработчиков «Настольной книги участкового уполномоченного полиции», основанием постановки на учет служит совершение лицом преступления или более двух административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [11, с. 116]. Общий критерий для постановки лиц на профилактический учет представлен В. А. Плешаковым. С точки зрения ученого, факты противоправного поведения гражданина дают право для его постановки на профилактический учет [9, с. 123]. Каждая из этих позиций базируется на правоприменительной практике и подтверждает предположение об административном усмотрении в деятельности полиции. Однако, как представляется, они нуждаются в небольшой корректировке.

Безусловно, указанные В. И. Акуловым и Е. В. Кашкиной основания имеют место в практической деятельности полиции, тем не менее авторы не учли наличие уже совершенных лицом преступлений небольшой и средней тяжести, таких как побои и угроза убийством, и возможностей их совершения в будущем. Кроме того, исследователи не конкретизируют составы административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях РФ.

Анализ зарегистрированных в 2015 году в УМВД России по г. Барнаулу сообщений о семейно-бытовых конфликтах свидетельствует о том, что основным способом их разрешения является привлечение граждан к административной ответственности за мелкое хулиганство или появление в общественном месте в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Правоприменительная практика прошлых лет также указывает на то, что «семейных скандалистов» привлекали к административной ответственности за аналогичные составы и раньше [13, с. 257]. Также авторы не учли, что административная ответственность за «бытовое дебошничество», «семейно-бытовое дебошничество», «создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях», «нарушение условий проживания в семье» предусмотрена лишь в отдельных субъектах Российской Федерации – республике Алтай, Башкортостан, Бурятия, Мордовия, Чувашия, а также Калужская, Кировская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская области.

Кроме того, осталось без внимания огромное количество обращений, поступающих в органы внутренних дел, по поводу семейно-бытовых конфликтов, скандалов, ссор, аморального и опасного поведения близких и родственников. В основной массе обращений сведения о преступлениях или административных правонарушениях отсутствуют, поэтому они списываются в специальное номенклатурное дело. Другие обращения содержат просьбы оказания разового профилактического воздействия на своих супругов и родственников без привлечения их к юридической ответственности. Тем не менее это поступившие в полицию сигналы. В случае нереагирования на них могут наступить необратимые для семьи последствия в виде тяжких и особо тяж-

ких преступлений. В этой связи интересна позиция О. Ю. Таибова, полагающей, что основанием постановки на профилактический учет и применения предупредительных мер будет являться не правонарушение, а наступление особых условий, которые могут способствовать его совершению [14, с. 48].

При разработке оснований постановки на учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, необходимо принять во внимание не только мнения ученых, но и специфику правоприменительной деятельности участкового уполномоченного полиции, чья профессиональная компетенция позволяет выявлять лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [8, с. 51].

В настоящее время назрела необходимость законодательного закрепления правовых оснований постановки на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Это в свою очередь приведет к урегулированию общественных отношений между субъектом профилактического воздействия – органами внутренних дел – и лицами, в отношении которых оно будет направлено, снизит вероятность нарушения законности и ущемления прав «подучетных» лиц, членов их семей и родственников. Но самым главным последствием станет проведение сотрудниками полиции индивидуальной профилактической работы в соответствии с требованиями закона. Закрепление на законодательном уровне оснований постановки на учет откроет полиции возможности для применения всего арсенала мер профилактического воздействия, основанных на методах убеждения и принуждения. При этом гражданин, поставленный на учет, не сможет уклониться от обязательного профилактического воздействия. Это будет возможным только после решения вопроса о закреплении прав, обязанностей и ответственности лиц, состоящих на профилактическом учете.

В настоящее время правовое положение лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и состоящих на профилактическом учете, не урегулировано. Индивидуальная профилактическая работа с этими лицами проводится условно, а они только числятся на учете. Причем узнать об этом граждане могут совершенно случайно,

например при получении каких-либо государственных услуг, трудоустройстве на работу либо при оформлении кредита. Нередки случаи, когда для поддержания показателей профилактической деятельности на учет ставятся самые незащищенные социальные слои населения.

В этой связи необходимо закрепление на законодательном уровне прав и обязанностей лиц, состоящих на профилактическом учете. Это требуется для того, чтобы гражданин, поставленный на профилактический учет, и в отношении которого осуществляется индивидуальная профилактическая работа, мог знать основания постановки на профилактический учет; порядок установления, продления, прекращения профилактического учета; сроки нахождения на учете; обращаться к должностным лицам органов внутренних дел с заявлением о досрочном прекращении индивидуальной профилактической работы и снятии с профилактического учета; обжаловать действия (бездействие) должностных лиц органов внутренних дел при осуществлении индивидуальной профилактической работы.

В свою очередь, граждане, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактическая работа, обязаны своевременно прибыть по вызову должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу; допускать сотрудников органов внутренних дел в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства либо пребывания, в дневное время суток в целях проведения индивидуальной профилактической работы; участвовать во всех профилактических мероприятиях, проводимых должностными лицами органов внутренних дел; пройти курс медицинской и психологической реабилитации в случаях, когда правонарушения были совершены на фоне злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами.

Лица, состоящие на профилактических учетах, не обладающие возложенные на них законом обязанности, должны привлекаться к административной ответственности. Принимая во внимание значимость индивидуальной профилактической работы в предупреждении правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, необходимо включить в Кодекс об административных правонарушениях РФ норму, устанавливающую ответственность за не-

Научно-теоретический раздел

соблюдение обязанностей лица, состоящего на профилактическом учете. В связи с этим предлагается дополнить ст. 19.24.1 КоАП РФ следующим содержанием:

«Статья 19.24.1 Несоблюдение лицом обязанностей в связи с нахождением на профилактическом учете

1. Несоблюдение лицом, состоящим на профилактическом учете, обязанностей, возложенных на него федеральным законом, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей.

2. Неоднократное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, влечет обязательные работы на срок до сорока часов либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток».

Литература

1. Закон Забайкальского края от 3 июля 2009 года № 199-ЗЗК «О профилактике правонарушений в Забайкальском крае». URL: <http://docs.cntd.ru/document/922220212>

2. Акулов В. И., Капкина Е. В. Некоторые аспекты профилактической работы участковых уполномоченных милиции с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2011. № 1 (17).

3. Анохина С. Ю., Бачурин А. Г., Левин П. Н., Семенов В. М. Административные процедуры в деятельности участкового уполномоченного милиции. Барнаул, 2015.

4. Ахмедов Ч. Н. Участковый уполномоченный милиции: генезис института и специфика организации деятельности. СПб., 2007.

5. Бекетов О. И., Майле А. Д. Профилактические меры полицейского воздействия в системе мер противодействия домашнему насилию в государствах Европейского сообщества // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2009. № 1.

6. Бучакова М. А., Дизер О. А. Международные гарантии обеспечения прав человека и основных свобод в деятельности милиции // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 1.

7. Гайдуков А. А. Административно-правовая деятельность милиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бы-

товое законодательство в сфере предупреждения правонарушений семейно-бытового характера должно предоставлять полиции необходимые полномочия, направленные на защиту жертв (потерпевших) и контроля над поведением семейных агрессоров [5, с. 430]. Принятие проекта федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» полностью урегулирует процесс взаимоотношений между субъектами и объектами профилактического воздействия и позволит полиции осуществить полноценную индивидуальную профилактическую работу при помощи разнообразных мер профилактического воздействия, не нарушая права и свободы лиц, состоящих на профилактическом учете.

Bibliography

1. The law of Zabaykalsk Region of July 3, 2009 № 199-ZZK «About prevention of offenses in Zabaykalsky Region». URL: <http://docs.cntd.ru/document/922220212>

2. Akulov V. I., Kashkina E. V. Some aspects of scheduled maintenance of district militia officers with the persons allowing offenses in the sphere of the family and household relations // The Bulletin of the All-Russian institute of professional development of police officers of Russia. 2011. № 1 (17).

3. Anokhina S. Y., Bachurin A. G., Levin P. N., Semenov V. M. Administrative procedures in activity of the district police officer. Barnaul, 2015.

4. Akhmedov C. N. District militia officer: genesis of institute and specifics of the organization of activity. St. Petersburg, 2007.

5. Beketov O. I., Maile A. D. Preventive measures of police influence in system of measures of counteraction to domestic violence in the states of the European community // Messenger of the Voronezh state university. Series: Right. 2009. № 1.

6. Buchakova M. A., Deeser O. A. The international guarantees of ensuring human rights and fundamental freedoms in activity of police // Bulletin of Omsk university. Series: Right. 2015. № 1.

7. Gaydukov A. A. Administrative and legal activities of police for the prevention of offenses in the sphere of the family and household relations // The Altai legal messenger. 2015. № 11.

8. Grishakov A. G. Individual prevention in activity of the district police officer during the modern period // Messenger of St. Petersburg of Ministry

товых отношений // Алтайск. юрид. вестн. 2015. № 11.

8. Гришаков А. Г. Индивидуальная профилактика в деятельности участкового уполномоченного полиции в современный период // Вестн. СПб. ун-та МВД России. 2014. № 3.

9. Кикоть В. Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. М., 2012.

10. Куянова А. В. Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия и предупреждение преступлений, совершаемых на бытовой почве // Административное право и процесс. 2015. № 9.

11. Настольная книга участкового уполномоченного полиции: метод. пособие. М., 2013.

12. Равнюшкин А. В. О профилактическом учете в территориальных органах МВД России лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений (на основе сравнительного анализа российского и белорусского законодательства) // Алтайск. юрид. вестн. 2015. № 12.

13. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск, 1993.

14. Таибова О. Ю. Проблемы правоприменительной практики в деятельности органов внутренних дел // Науч. поиск. 2015. № 15.

15. Шалагин А. Е. Актуальные направления профилактической деятельности органов внутренних дел на современном этапе // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 2.

of Internal Affairs university of Russia. 2014. № 3.

9. Kikot V. Y. Prevention of crimes and administrative offenses law-enforcement bodies. Moscow, 2012.

10. Kujanova A. V. Prevention of the family and household conflicts, domestic violence and the prevention of the crimes committed on the household soil // Administrative law and process. 2015. № 9.

11. Reference book of the district police officer: methodical grant. Moscow, 2013.

12. Ravnyushkin A. V. About the preventive account in territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia the persons allowing offenses in the sphere of the family and household relations (on the basis of the comparative analysis of the Russian and Belarusian legislation) // The Altai legal messenger. 2015. № 12.

13. Solovey Y. P. Legal regulation of activity of militia in the Russian Federation. Omsk, 1993.

14. Taibova O. Y. Problems of law-enforcement practice in activity of law-enforcement bodies // Scientific search. 2015. № 15.

15. Shalagin A. E. The actual directions of preventive activity of law-enforcement bodies at the present stage // The Bulletin of the Kazan legal institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2.

© 2016 г. С. А. Алтухов,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ser-altuhov@yandex.ru

А. И. Сасиков,

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: anzor.sasikov@mail.ru

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА: НЕОТЪЕМЛЕМОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ИЛИ ОЧЕРЕДНАЯ ПРОФАНАЦИЯ?

В статье рассматриваются концептуальные проблемы и результаты деятельности правоохранительных органов, направленной на противодействие коррупции, с использованием института конфискации имущества и с учетом современного российского законодательства. На основе практики применения антикоррупционного законодательства предложен перечень мер по повышению эффективности противодействия коррупции.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, конфискация имущества, чиновники, наказание.

S. A. Altukhov – Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

A. I. Sasikov – Lecturer, Department of Special Disciplines, North Caucasian Advanced Training Institute (branch), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CONFISCATION OF PROPERTY: AN ESSENTIAL TOOL AGAINST CORRUPTION OR ANOTHER PROFANITY?

In article conceptual problems and results of activities of law enforcement agencies on counteraction of corruption with use of institute of confiscation of property and taking into account the modern Russian legislation are considered. On the basis of practice of application of the anti-corruption legislation the list of measures for increase of efficiency of counteraction of corruption is offered.

Key words: anti-corruption, confiscation of property, officials, punishment.

Если бы в России строго выполнялись все законы и никто не брал взятки, жизнь в ней была бы совершенно невозможна.

Александр Герцен

Такая уголовно-правовая категория, как конфискация имущества, не может рассматриваться отдельно от проблемы коррупции, борьба с которой ведется уже многие годы, десятилетия и даже столетия. Как бы шаблонно это ни звучало, но к данной теме нам предстоит обращаться снова и снова, пока не будут приняты принципиально новые нестандартные решения, экономически обоснованные и эффективно действующие антикоррупционные механизмы, сводящие на нет любые виды и формы злоупотреблений государственных служащих. Кто-то может возразить, что ни в одной стране коррупцию полностью искоренить не удалось. Но ни для кого не секрет, что в ряде стран (Финляндии, Дании, Норвегии, Швеции и др.) в течение многих

лет отмечается сравнительно ее низкий уровень. Следовательно, противодействовать коррупции можно более успешно.

Практика показывает, что ужесточение ответственности при отсутствии или недостатке других инструментов государственной политики в сфере противодействия коррупции не приводит к заметным «победам» над ней. Этого можно было бы ожидать даже после введения кратных штрафов за взяточничество и коммерческий подкуп. Даже назначение несоизмеримо крупных размеров штрафа коррупционерам (в судебной практике известен случай назначения виновному штрафа в размере 950 млн рублей), которые не имеют реальной возможности его уплаты, привело не только к нарушению принципа неотвратимости нака-

зания, но повлекло за собой увеличение нагрузки на судебных приставов-исполнителей, вынужденных обращаться в суды с ходатайством о замене пгграфа лишением свободы. То же самое отмечается и при либерализации наказания за коррупционные действия (бездействие). Указанные процессы можно отслеживать на основании такого «барометра» измерения уровня коррупции, как индекс восприятия коррупции. Согласно ежегодным данным этого показателя, в нашем государстве за последние годы ее уровень практически не изменился. Международные эксперты из года в год выставляют России от 2 до 2,4 баллов из 10 возможных – ровно столько, насколько успешно государство реализует меры по противодействию коррупции. Так, в 1998 году Россия занимала одно из предпоследних мест в антикоррупционном рейтинге Transparency International (Международной организации по противодействию коррупции) – 76 место среди 85 стран, в 1999 году – 82 (89 стран). Далее еще хуже – по мере увеличения числа государств, участвующих в данном исследовании, положение России по этому показателю заметно ухудшалось. В 2003 году Россия заняла 86 место среди 133 стран, в 2006 году – 121 место (163 стран), в 2008 году – 147 место (180).

Казалось бы, в связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и целого пакета антикоррупционных законов ситуация должна была, если не кардинально измениться, то хотя бы стабилизироваться. Принятые и действующие новые антикоррупционные механизмы отчасти положительно сказались на состоянии дел борьбы с коррупцией. Госслужащих обяжали декларировать свои доходы, для них были установлены дополнительные требования по соблюдению антикоррупционного законодательства. Как следствие, по рейтингу коррумпированности Россия улучшила свое положение, заняв в 2010 году 154 место, в 2013 году – 127, а в 2015 году – 119, оказавшись на одном уровне с Гайаной, Сьерра-Леоне и Азербайджаном.

Реализуемый государством комплекс антикоррупционных мер, в том числе внедрение соответствующих правоограничений для публичных должностных лиц, в ближайшем будущем должен позволить минимизировать коррупционные риски и снизить уровень коррупции. Однако наши наблюдения за состоянием борьбы с коррупцией не дают основа-

ний для столь оптимистических выводов. Эта борьба только начинает приобретать черты системности, но до сих пор ведется неэффективно, по типу некоей кампании. Так, в 90-е годы прошлого столетия самым коррумпированным ведомством считались таможенные органы. Именно поэтому борьба с коррупцией началась с разоблачения сотрудников ряда таможенных постов. Далее «антикоррупционный вектор» был направлен в сторону сотрудников МВД, а точнее, ГАИ (ГИБДД). Задержанием целых постов и смен сотрудников ГИБДД ознаменовалась новая веха противодействия коррупции в милицеских рядах. Напумевшее дело «Оборонсервиса» в российской армии – очередная попытка сфокусировать проблему коррупции на другом ведомстве. Кто будет следующий? Результаты социологических исследований, проведенных в 2015 году всероссийской общественной приемной «Чистые руки», показали, что первое место в коррупционном рейтинге уже занимают суды [2, с. 4]. Стало быть, следует ожидать очередных крупных разоблачений теперь уже в судебной системе. Разгоревшийся антидопинговый скандал с российскими спортсменами накануне летней Олимпиады в Рио-де-Жанейро также может служить основанием для широкомасштабных разоблачений среди чиновников Министерства спорта РФ.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, свидетельствующее о слабой заинтересованности государства в целенаправленной и системной организации борьбы с коррупцией. Так, многим известна судьба законопроектов «О борьбе с коррупцией» и «О борьбе с организованной преступностью». Первый – все же был принят спустя 17 лет, хотя и не в том виде, как его предлагали разработчики, а второй – является невостребованным до сих пор. Конечно же, никто не рассчитывал на быстрый успех в борьбе с коррупцией после принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» и целого пакета антикоррупционных законов. Но уже с момента вступления этих нормативных актов в силу стало понятно, что в них остались серьезные лазейки для коррумпированных чиновников.

Не вдаваясь в полемику относительно законодательного определения понятия коррупции, которое оказалось слишком узким, законодатель весьма существенно сузил и круг лиц, подпадающих под сферу антикорруп-

ционного воздействия. Так, госслужащий обязан декларировать только собственные доходы и расходы, а также своего супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Кстати, обязанность декларировать расходы появилась лишь спустя 4 года после вступления в силу Федерального закона «О противодействии коррупции» и принятия Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [1].

Законодательство же Республики Беларусь предусматривает обязанность декларирования собственного имущества и доходов не только государственным служащим и его супругом (супругой), но и его совершеннолетними близкими родственниками (родителями, детьми, усыновителями, усыновленными (удочеренными), родными братьями и сестрами, дедом, бабкой и внуками), совместно с ним проживающими и ведущими общее хозяйство [3; 4].

Россия также встала на путь консолидации активов своих государственных служащих. Как следствие, в 2013 году был принят пакет законопроектов, запрещающий чиновникам иметь счета и использовать иностранные финансовые инструменты. Принятие этих правовых актов было несколько запоздалым, ибо прошло почти пять лет с момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции». Что же касается зарубежной недвижимости, то до сих пор никакого запрета на этот счет нет. Тем не менее некоторых высокопоставленных чиновников уже давно нервируют нападки журналистов и правозащитников по поводу наличия у них объектов движимого и недвижимого имущества, находящегося за пределами страны. Так, премьер-министр И. Шувалов, выступая на форуме «Россия-2013», заступился за преуспевающих чиновников, заявив, что борьбу с коррупцией не следует доводить до абсурда, подозревая каждого, кто владеет собственностью за рубежом, в воровстве. И такие люди могут вкладывать заработанные средства в зарубежную недвижимость, тем более что их месячная зарплата в размере 20–25 млн рублей это позволяет.

Не дают оснований для оптимистических прогнозов в борьбе с коррупцией и другие «индикаторы». Так, например, средняя сумма взятки с момента активизации усилий по противодействию коррупции увеличилась в десятки раз. В 2008 году он составлял 16 тыс. руб-

лей, в 2010 году этот показатель возрос до уровня 27 тыс. рублей, а в 2015 году, по данным МВД России, средний размер взятки превысил 172 тыс. рублей. Тем не менее указанная сумма в отдельных случаях может быть превышена в десятки раз.

Весьма существенно увеличился и ущерб от коррупции, причем от выявленной. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2010 году он составлял немногим более 12 млрд рублей, в 2012 году – 21 млрд рублей, столько же и в 2013 году – 21 млрд рублей, в 2014 году – 15 млрд рублей, а в 2015 году достиг рекордных 44 млрд рублей. Точность указанных выше данных весьма сомнительна. И вот почему. Во-первых, уголовные дела о коррупционных злоупотреблениях – это лишь верхушка айсберга. По оценкам В. В. Лунеева, в России ежегодно совершается порядка 7 млн коррупционных деяний [5]. Коэффициент латентности самого распространенного коррупционного преступления – взяточничества – превышает 81,7 [6, с. 326]. Во-вторых, такие цифры берутся только с учетом данных расследуемых уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности. В-третьих, даже названная по итогам расследования первоначальная сумма причиненного ущерба может меняться в ту или иную сторону. Например, ущерб от хищений в «Оборонсервисе» на начальном этапе расследования составлял 6,7 млрд руб. Сумма, которая фигурировала в судебном разбирательстве, была в два с лишним раза меньше – 3 млрд рублей. Суд же посчитал доказанной сумму ущерба, равную 215 млн рублей. Кстати, в ходе проведения следствия еще на первоначальном этапе у подозреваемых были изъяты деньги и ценности на сумму более 1 млрд рублей. Так, только у основной фигурантки Е. Васильевой арестовано шесть объектов недвижимости, счет на 25 млн рублей и счета подконтрольных организаций на более чем 300 млн рублей, а в ее квартире во время обыска обнаружены 57 тыс. драгоценных камней общей массой 19 кг. Во время обыска у экс-губернатора Сахалинской области А. Хорошавина было изъято денег и ценностей более чем на 1 млрд рублей. Задержанный в конце июля 2016 года по подозрению в совершении коррупционных преступлений глава ФТС России А. Бельянинов найденные у него в доме деньги и ценности почти на 70 млн рублей назвал семейными накоплениями.

Подобных примеров можно назвать немало. Странность заключается лишь в том, что меры в отношении обычных граждан, совершивших преступления, принимаются достаточно быстро, и они, как правило, более адекватны содеянному. Но когда речь заходит о привлечении к ответственности высокопоставленных чиновников, находится множество причин, чтобы этого не делать. Чиновники пытаются бороться сами с собой, что, конечно же, снижает эффективность борьбы с коррупцией. Честь мундира превыше всего, а потому борьба с коррупцией внутри ведомства не будет до конца прозрачной и тем более эффективной.

Так, возвращаясь к очередному коррупционному скандалу по делу экс-руководителя ФТС, эксперты замечают крайне интересную деталь, наличие которой должно было служить основанием для увольнения чиновника еще несколько месяцев назад за незадекларированный дом-усадебу площадью более 1000 кв. м. Такая, мягко говоря, невнимательность заставляет усомниться в объективности контроля за декларированием имущества подобного рода руководителей, пока на повестку дня не встанет вопрос о его увольнении. Поставленные задачи (например, выявить очередного взяточдателя или взяточполучателя) правоохранительные структуры, конечно, могут выполнить, но до определенного предела. И у общества опять останется несколько вопросов: ведется ли борьба с коррупцией или нет? И если да – то действительно ли она ведется честно, открыто, системно и невзирая на статусы?

В этой связи вспоминается один примечательный пример. Так, побывав в августе 1661 года в гостях у одного из своих «ближних» – министра финансов Николя Фуке, король был поражен богатством его дворца Воле-Виконт (сегодня – важная туристическая достопримечательность Франции). Великолепие было столь сияющим, что у Людовика возник резонный вопрос: откуда деньги? Следствие выявило, что министр (большой филантроп и меценат) брал «откат» за предоставление кредитов из казны, торговал должностями, фальсифицировал финансовую отчетность. В результате он стал богаче самого короля. Используя современную терминологию, обнаружилось «несоответствие между доходами и расходами». Последствия не заставили себя долго ждать – через месяц после начала след-

ствия Н. Фуке был арестован и заточен в Бастилию, где и провел остаток дней. На его имущество был наложен арест, а затем оно перешло в казну государства. Пример с Людовиком XIV показателен тем, что король начал чистку с «ближнего окружения», а не с учителей танцев и лекарей [7].

Сегодня в России ситуация несколько иная. Так, еще в начале 2000-х годов Комиссия по борьбе с коррупцией, возглавляемая Николем Ковалевым, бывшим директором ФСБ, инициировала расследования в отношении министра атомной энергетики (Е. Адамова), вице-премьера, министра путей сообщения (Н. Аксененко), министра природных ресурсов (В. Артюхова), бывшего замминистра финансов (А. Вавилова), министра транспорта (С. Франка), министра энергетики (Юсупова) и др. Результаты, правда, оказались не такими громкими. Е. Адамов через 3 месяца после оглашения обвинительного приговора (5,5 лет колонии общего режима) был освобожден, поскольку вышестоящая инстанция изменила приговор, назначив ему условное наказание. Н. Аксененко разрешили на этапе расследования уехать в Германию для лечения, где спустя 1,5 года он умер. Н. Ковалева осудили, но наказание за хищение более миллиарда рублей было весьма символическим – 9 лет лишения свободы условно. Дело А. Вавилова было прекращено за истечением срока давности [8].

Складывается впечатление, что приоритетным направлением противодействия коррупции, как правило, выступает выбор громких уголовных разоблачений коррумпированных чиновников, которые практически не доводятся до конца. Подтверждением этому являются результаты привлечения коррупционеров к уголовной ответственности. Так, ежегодно возбуждается порядка 30–40 тыс. уголовных дел коррупционной направленности, а осуждается лишь треть. Это напоминает так называемый «эффект воронки» и имитацию борьбы с коррупцией, когда меры уголовно-правового воздействия и реальные меры наказания применяются лишь к части преступников.

Сейчас уже никого не удивит коррупционными скандалами в различных сферах жизнедеятельности – финансовой, строительства, сельского хозяйства и даже спорта. Для огромного слоя российских чиновников коррупция стала не просто инструментом обогащения, но и мотивацией жизни,

Научно-теоретический раздел

карьеры и морального разложения. И что самое интересное, крупномасштабные хищения и коррупционные сделки зачастую связаны с реализацией наиболее важных проектов государства: «Росэнергоатом» (размер хищений – 20 млрд рублей); Олимпиада в Сочи (17 млрд рублей); подготовка к саммиту во Владивостоке (6 млрд рублей); «Росагролизинг» (40 млрд рублей); «Росгидромет» (8 млрд рублей), строительство Космодрома «Восточный» (5,5 млрд рублей) и т. д.

об исключении из Уголовного кодекса РФ конфискации, поскольку она «на протяжении длительного времени не оказывала сдерживающего, предупредительного воздействия на лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие, прежде всего, экономические и коррупционные преступления» [11, с. 172]. Чтобы разобраться в вопросе эффективности или неэффективности этого средства противодействия коррупции, нами был проведен анализ судебной практики по делам коррупционной направленности за последние годы.

Динамика привлекаемости к ответственности за преступления коррупционной направленности с 2012 по 2015 год

Год	Количество осужденных	с применением ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества»	В том числе осужденных	
			по ст. 290 УК РФ	по ст. 291 УК РФ
2012	6014	7	3	3
2013	8607	128	27	90
2014	10784	395	47	333
2015	11499	600	88	482

Возникает вопрос, чего же не хватает правоохранительным органам для повышения эффективности противодействия коррупции. Видимо, существует ряд субъективных и объективных причин, осложняющих процесс противодействия коррупционным проявлениям. К одной из них можно отнести проблему конфискации имущества.

Конфискация как вид наказания была исключена из Уголовного кодекса РФ в 2003 году, но спустя три года (в 2006 году) она вновь появилась в кодексе, хотя уже в совершенно ином качестве – как «иная мера уголовно-правового характера». Она может быть применена лишь к имуществу, незаконное происхождение которого доказано. Кроме того, сейчас назначение конфискации зависит от усмотрения суда.

Дебаты о возвращении конфискации имущества как вида наказания в Уголовном кодексе РФ по-прежнему не утихают. Некоторые авторы эту принудительную меру считают не только наиболее острой формой репрессии, но и весьма эффективной мерой воздействия на преступника [9, с. 303]. Другие – напротив, высказываются о неприятии конфискации, о якобы «неправильном наказании» [10, с. 173–174]. Третьи – полагают верным и правильным решением законодателя

Судя по абсолютным показателям привлечения к уголовной ответственности – «лед тронулся». За последние 4 годы число осужденных возросло почти вдвое. Активизировался и процесс применения конфискации имущества – почти в 86 раз увеличилось количество судебных решений о ее применении. Казалось бы, никаких претензий к данному институту нет, равно как и к судебной системе. Прогресс основательный, но это только на первый взгляд. Удельный вес осужденных, к которым была применена конфискация в 2012 году, составил всего 0,1 %. В 2015 году этот показатель возрос до 5,2 %. Получается, что из 100 привлеченных к уголовной ответственности взяточников, расхитителей и мошенников государство конфискует «нетрудовые доходы» только у пяти. И это ни в коем случае не должны быть бывшие чиновники, занимавшие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов РФ и иные высокопоставленные лица. В 2014 году ни одного из 15 осужденных экс-чиновников подобного ранга не лишили принадлежащей им и членам их семей собственности. Поражает и другое. По логике вещей конфискация должна применяться в основном к лицам, виновным во взяточничестве. Но их оказалось всего 14,6 % от об-

щего числа осужденных за анализируемый период. Более 80 % осужденных, у которых было конфисковано имущество, – это взяточдатели. Но и здесь не так все просто, как кажется. Суды зачастую конфискуют не преступно нажитые доходы, а денежные средства, которые выступали средством при совершении преступления (например, при покушении на дачу взятки).

Вывод напрашивается сам собой. Институт конфискации имущества, служивший ранее грозным средством предупреждения должностных злоупотреблений, превратился не без участия законодателей в завуалированную и при необходимости используемую и контролируемую форму воздействия на лиц, признанных виновными в коррупции. Иными словами, конфискация имущества в том виде, в каком она применяется на практике и с учетом действующего законодательства, оказывается очередной профанацией, последствия которой уже видны невооруженным глазом. Недобросовестное лоббирование подобных проектов еще долго будет тормозить возможности государства и общества избавиться от этой злокачественной опухоли, которой является коррупция.

Литература

1. Федеральный закон «О контроле за ответственностью расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
2. Коррупция в России: независимый годовой доклад всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки», 1 сентября – 31 августа 2015 года. М., 2015.
3. Закон Республики Беларусь от 29 июня 2004 года № 304-З «О государственной службе в Республике Беларусь». Ст. 23. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>
4. Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 года № 165-З «О борьбе с коррупцией». Ст. 19. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>
5. Лунеев В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз. URL: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/luneev_prestupnost_in_russia.pdf
6. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006: науч. изд. / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007.

Возврат данного вида наказания в Уголовный кодекс РФ сегодня необходим. С таким предложением выступают не только политики, но и руководители силовых структур. Так, партия «Справедливая Россия» еще весной 2013 года внесла законопроект, предлагающий вернуть в уголовное законодательство конфискацию имущества у признанных виновными в получении взятки. Глава следственного комитета А. Бастрыкин также выступает за возвращение конфискации имущества, ибо все усилия по борьбе с подобными правонарушениями не будут иметь смысла, поскольку «наворованное остается у преступника» [12].

С учетом изложенного предлагаем:

1. Статью 44 Уголовного кодекса РФ «Виды наказаний» дополнить пунктом «о» – конфискация имущества.
2. Установить абсолютно определенные санкции за коррупционные преступления, предусматривающие точный вид и размер дополнительного безальтернативного наказания (штрафа).
3. В преступлениях коррупционной направленности с причинением особо крупного размера предусмотреть в качестве обязательного наказания в виде конфискации имущества.

Bibliography

1. Federal Law «About control of compliance of expenses of the persons replacing the state positions, and other persons to their income» of December 3, 2012 № 230-FZ. URL: <http://consultant.ru>
2. Corruption in Russia: independent annual report of the All-Russian anti-corruption public reception «Clean hands», on September 1 – on August 31, 2015. Moscow, 2015.
3. The Law of Republic of Belarus № 304-Z «About public service in Republic of Belarus» of June 29, 2004. Art. 23. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>
4. The Law of Republic of Belarus of July 20, 2006 № 165-Z «About fight against corruption». Art. 19. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>
5. Luneev V. Crime in Russia: tendencies, efficiency of fight, forecast // Official site of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences. URL: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/luneev_prestupnost_in_russia.pdf
6. Latent crime in the Russian Federation: 2001–2006: scientific publication / ed. by S. M. Inshakov. Moscow, 2007.

Научно-теоретический раздел

7. Костиков В. Откуда деньги, Фуке? // Аргументы и Факты. 2013. 4 дек.

8. Цепляев В. Депутат Борис Резник: Коррупция – это многоголовый дракон! URL: <http://www.aif.ru/money/corruption/43343>

9. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968.

10. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.

11. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.

12. Бастрыкин: имущество коррупционеров нужно конфисковывать. URL: <http://www.aif.ru/money/corruption/1037654>

7. Kostikov V. From where money, Fouquet? // Arguments and the Facts. 2013. December 4.

8. Tseplyaev V. Deputat Boris Reznik: Corruption is a many-headed dragon! URL: <http://www.aif.ru/money/corruption/43343>

9. Rate of the Soviet criminal law. The part is general. T. 1 / ed. by N. A. Belyaev, M. D. Sharгородsky. Leningrad, 1968.

10. Foynitsky I. Ya. The doctrine about punishment in connection with Tyurmovedeniye. Moscow, 2000.

11. Lopashenko N. A. Criminal policy. Moscow, 2009.

12. Bastrykin: the property of corrupt officials needs to be seized. URL: <http://www.aif.ru/money/corruption/1037654>

© 2016 г. **А. В. Федулов,**

докторант адъюнктуры Нижегородской академии МВД России кандидат юридических наук,
доцент.
E-mail: angafe@rambler.ru

Т. В. Стукалова,

доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: tanya.stukalova.2002@mail.ru

НАЧАЛО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРАВО ЛИЦА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

В статье рассматриваются актуальные вопросы начала уголовного преследования, связанные с наличием формального и фактического положения участников уголовного судопроизводства. Значительное внимание уделено обеспечению конституционных прав и свобод лиц, в отношении которых соответствующими правоохранительными органами совершаются предусмотренные законом действия, направленные на установление факта совершения ими преступления, но еще не имеющих статуса подозреваемого или обвиняемого.

Ключевые слова: уголовное преследование, возбуждение уголовного дела, права, свободы и обязанности участников уголовного судопроизводства, производство оперативно-разыскных мероприятий, наделение лица статусом подозреваемого и обвиняемого.

A. V. Fedulov – Doctoral Student, Postgraduate Studies of the Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

T. V. Stukalova – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE BEGINNING OF CRIMINAL PROSECUTION AND THE RIGHT OF A PERSON TO LEGAL AID

The article deals with topical issues of the prosecution relating to the availability of formal and actual positions of the participants in criminal proceedings. Considerable attention is paid to ensuring conditions for obtaining immediate assistance of counsel and conduct of operational-search activities at different stages of criminal proceedings, to receive data selection of importance for the criminal case.

Key words: criminal prosecution, a criminal case, the rights, freedoms and obligations of participants in criminal proceedings, the production of operational-search activities, endowing a person with the status of the suspect and the accused.

Ценность современного либерального общества заключается в предоставлении человеку определенной свободы, что должно способствовать его самоопределению и личностному развитию. Как справедливо отмечают ученые: «Свобода – основополагающее условие претворения многих прав человека в действительность, которым должны пользоваться все. Ее лишение может иметь прямое неблагоприятное воздействие на пользование многими другими правами... Отнятие свободы неизменно ставит личность в чрезвычайно уязвимое положение...» [6, с. 46].

Государство не вправе вторгаться в сферу конституционных прав и свобод личности, являющихся фундаментом правового статуса человека. Вместе с тем в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства допускается ограничение прав и свобод личности, но только по основаниям и в порядке, установленных Конституцией РФ, федеральными конституционными и федеральными законами.

Определение уголовного преследования содержится в п. 55 ст. 5 УПК РФ. Однако позиция Конституционного Суда РФ относительно начала уголовного преследования и правового положения лица, в отношении которого оно осуществляется, отличается от законодательной регламентации [1]. С его точки зрения, во-первых, нормативно-правовое определение терминов «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» следует понимать в более широком (конституци-

онно-правовом), а не в узком (уголовно-процессуальном) смысле; во-вторых, содержание этих терминов следует толковать исходя из фактического положения лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Опираясь на данные тезисы, Конституционный Суд РФ делает вывод о том, что если действия, направленные на установление уличающих лицо обстоятельств, могут в дальнейшем ухудшить его положение, то ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться.

Кроме права на защиту, лицо, в отношении которого уже фактически началось уголовное преследование, вправе реализовывать и другие свои права и контролировать действия (бездействия) сотрудников правоохранительных органов с целью недопущения различного рода нарушений в отношении себя.

Аналогичная ситуация разворачивается и в отношении потерпевшего, который признается таковым только после возбуждения уголовного дела. Однако Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [2] отметил, что в силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ лицо, которому преступным деянием причинен вред, приобретает процессуальный статус потерпевшего с момента вынесения должностным лицом органа уголовного преследования или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем, как указывает Пленум Верховного Суда РФ, правовой статус потерпевшего должен устанавливаться исходя из его фактического положения и лишь потом оформляться соответствующим постановлением.

Таким образом, и в этом случае лицо вправе получить процессуальный статус потерпевшего до возбуждения уголовного дела.

Проблема заключается в том, что данные точки зрения, касающиеся начала уголовного преследования, выходят за рамки возбужденного уголовного судопроизводства и относят-

ся в том числе к пространству оперативно-разыскной деятельности и следственной проверки в стадии возбуждения уголовного дела, где участники, имеющие в уголовном деле законный интерес, не обладают процессуально оформленным правовым статусом. Это обстоятельство во многих случаях способствует незаконным действиям должностных лиц органов уголовного преследования, препятствует реализации прав и свобод лиц, пострадавших от преступления, и лиц, в отношении которых формируется обвинительный материал.

В качестве иллюстрации вышеизложенного приведем следующие примеры.

1. В ночь с 24 на 25 апреля 2008 года сотрудники районного отдела внутренних дел (ОВД) в ходе патрулирования на территории Володарского района Нижегородской области доставили гражданина Ляпина в отделение милиции поселка Ильиногорск по подозрению в совершении ряда краж из местных гаражей. Как заявил гражданин Ляпин, сотрудники ОВД затем подвергли его пыткам, чтобы заставить признаться в совершении краж. Они затыкали ему рот кляпом, связывали его веревкой, били кулаками, пинали и подвергали воздействию разрядов электрического тока. Гражданин Ляпин, который не был формально признан подозреваемым, допрашивался по обстоятельствам совершения краж. Ляпину не предоставили адвоката, и семья заявителя не была уведомлена о его задержании. После почти 12 часов, проведенных таким образом в ОВД, он признался в совершении краж, и 26 апреля 2008 года был помещен в спецприемник для содержания лиц, арестованных в административном порядке [3].

2. Оперативные уполномоченные службы БЭПиПК ГУМВД России по Энской области около 15 часов фактически произвели задержание и доставили для «беседы» сотрудников службы безопасности предприятия граждан Б. и С. Все это время эти лица были ограничены в праве на свободу и личную неприкосновенность путем удержания официальными властями. Во время нахождения в отделе полиции доставленные граждане Б. и С. дали письменные объяснения об обстоятельствах происшедшего без разъяснения им права, гарантированного п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в редакции решения Европейского суда по пра-

вам человека от 24 ноября 1993 года по делу *Ymbrioscia, Series A, no. 275, para 36*, согласно которому отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является, каким бы ни было основание такого отказа, несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными Европейской конвенцией.

Полученные в результате этих «бесед» объяснения, содержащие сведения о причастности лица к совершению преступления, «...имеют доказательственное значение “как иные документы”, согласно п. 6 ч. 2 ст. 74 и ч. 1 ст. 84 УПК РФ» [5].

Ситуация, связанная с уголовным преследованием лица, не имеющего процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, возникает и в стадии возбуждения уголовного дела. Остается не совсем понятным статус лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ такому лицу должен предоставляться защитник с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица. Это еще не подозреваемый, но в отношении него, по существу, начато уголовное преследование до возбуждения уголовного дела, и он, следовательно, имеет конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и другие права.

Согласно ч. 2 ст. 179 УПК РФ освидетельствование может проводиться до возбуждения уголовного дела, что ограничивает конституционное право личности на неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). Проведение освидетельствования позволяет получить фактические данные, которые имеют значение для расследования преступления и установления лица, его совершившего. Это следственное действие может быть проведено в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Освидетельствование лица может носить принудительный характер [7, с. 93; 8, с. 5; 9, с. 79; 10, с. 142] и сопровождаться его обнажением.

Ю. Г. Торбин, раскрывая принудительный характер освидетельствования, описывает ситуацию, когда, по сути, избличающие обстоятельства устанавливаются до возбуждения уголовного производства в отношении лица, формально не имеющего процессуального статуса [11, с. 24].

Следует отметить, что попытка решения этих проблем неоднократно предпринималась российскими учеными. Как подчеркивает А. В. Карцев, «несмотря на разнообразные подходы к определению института подозрения, сущность приведенных выше исследований строится на одном: подозрение – основополагающий и единственный институт при формулировании понятия подозреваемого» [12, с. 16].

Отечественный законодатель, конструируя ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, исходил не из формальных, а из оценочных оснований признания лица подозреваемым, где права и обязанности лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются исходя из той части, «...в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...». Полагаем, что подобный подход сохраняет риск злоупотреблений со стороны должностных лиц органов уголовного преследования при проверке сообщений о преступлениях.

Иначе складывается ситуация при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления.

В определении Конституционного суда РФ от 21.04.2011 № 580-О-О по жалобе гражданина Ю. Г. Панова [4] отмечено, что Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» не предусматривает участие в ней адвоката, однако это обстоятельство не может рассматриваться как нарушение прав заявителя в указанном им аспекте. Причины этого кроются в следующем: во-первых, данный закон не предусматривает при осуществлении оперативно-разыскной деятельности статус подозреваемого или обвиняемого, а во-вторых, в преобладании негласной деятельности над гласной.

По мнению М. Р. Глушкова, «аргументация представляется вполне оправданной, учитывая реалии, в которых подчас осуществляют-

ся оперативно-разыскные мероприятия. Действительно, вряд ли можно настаивать, чтобы гражданину было в обязательном порядке обеспечено право, предусмотренное ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, сотрудниками той же ФСКН, которые задерживают фигуранта с поличным при попытке скрыться или сбросить наркотики» [13].

Далее исследователь предостерегает от расширительного понимания определения от 21.04.2011 № 580-О-О: безотлагательность, которую Конституционный Суд РФ рассматривает как возможное условие ограничения права на юридическую помощь, не является неотъемлемым свойством любого оперативно-разыскного мероприятия. Если мероприятие (например, то же обследование помещения) спланировано и проведено так, что явка адвоката может быть обеспечена не в ущерб оперативности ОРМ и не поставит под угрозу его исход, то право, предусмотренное ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, может быть реализовано и, разумеется, подлежит разъяснению. То же относится и к получению у гражданина сведений об обстоятельствах происшествия, будь то опрос или заявления, сделанные в ходе иного мероприятия. Такое получение сведений не является ни негласным, ни безотлагательным, соответственно, исключение из общего правила, сформулированного Конституционным Судом РФ в постановлении от 27.06.2000 № 11-П, на подобную ситуацию не распространяется [13].

Полагаем, что для исключения субъективности в оценке объема ограничения прав и свобод участников, имеющих в уголовном деле законный интерес, или степени безотлагательности проведения оперативно-разыскных мероприятий речь должна идти не об увеличении формальных гарантий, а о переосмыслении системы технологической цепочки действий и решений, в результате которых появляются фактические основания подозрения лица и его право на квалифицированную юридическую помощь.

Во-первых, следует поддержать точку зрения ученых, предлагающих ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела. Это решение позволит избежать этапа доследственной проверки и, соответственно, неопределенности статуса участников, имеющих в уголовном деле законный интерес.

Регистрация сообщения о преступлении в Едином реестре преступлений, с которой

связывают начало досудебного расследования, и указание конкретного лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, будут автоматически означать его право на квалифицированную юридическую помощь.

В случае если досудебное расследование было начато по факту совершения преступления, имеется предполагаемое лицо, однако фактических данных о его подозрении недостаточно, можно воспользоваться технологическим опытом уголовно-процессуального законодательства Казахстана. Законодатель этого государства ввел нового участника – «свидетель, имеющий право на защиту» – и предоставил ему права, достаточные для осуществления своего права на защиту от подозрений должностных лиц органов уголовного преследования.

В ч. 6 ст. 78 УПК Республики Казахстан говорится о том, что если в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении лицо указано как его совершившее либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту. Если в ходе проведения процессуальных действий подозрения подтвердятся, то лицо получает официальный статус подозреваемого, если нет – то оно переходит в статус свидетеля, чем снимается риск проведения в отношении данного лица изблительных мероприятий.

Во-вторых, решение проблемы квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого проводятся оперативно-разыскные мероприятия, видится в дифференцированном подходе к системе следственных действий. Речь должна идти о включении в уголовно-процессуальный закон наряду с традиционными следственными действиями так называемых специальных (негласных) следственных действий, представляющих собой, по сути, аналог оперативно-разыскных мероприятий. Подобная дифференцированная система следственных действий существует в УПК Казахстана, Украины, Молдовы и стран Балтии.

Наиболее удачное определение специальных (негласных) следственных действий предложил М. А. Сыдығалиев. По его мне-

нию, специальные (негласные) следственные действия – это разновидность следственных действий, сведения о методах проведения которых не подлежат разглашению, проводимых в ходе досудебного производства следователем либо по его поручению должностным лицом специально уполномоченного законом подразделения компетентного государственного органа в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в целях собирания и исследования доказательств без информирования лиц, интересы которых оно затрагивает [14, с. 61].

Этой формулировкой снимается вопрос о процессуальных и оперативно-разыскных действиях и разрешается спор о предоставлении юридической помощи в зависимости от безотлагательности их проведения.

В случае если получение доказательств традиционными следственными действиями невозможно, проводятся специальные (негласные) следственные действия. Соответственно, при этом никакой речи о присутствии защитника идти не может. Однако если данные действия проводятся гласно, то должностные лица органов уголовного преследования обязаны предоставить возможность лицу реализовать свое право на квалифицированную юридическую помощь.

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что, во-первых, уголовное пресле-

дование лица не связано с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела и наличием у лица процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого; во-вторых, законодателю необходимо определиться с правовым статусом и началом его возникновения у лиц, в отношении которых уже начато уголовное преследование, но фактически пока еще не имеющих правового положения подозреваемого или обвиняемого. Очевидно, что такие лица должны получить возможность реализовывать свое право на получение квалифицированной юридической помощи, право защищаться всеми не запрещенными способами, право обжаловать действия (бездействие) и (или) решения правоохранительных органов, нарушающих их права, и ряд других.

По сути, юридические права имеет любое лицо, в отношении которого совершаются любые, предусмотренные законом действия, направленные на установление факта совершения таким лицом преступления. Необходимо отметить, что в случае несвоевременного обеспечения прав этой категории лиц можно говорить о нарушении прав и свобод личности.

Следует помнить, что юридические права личности являются в высшей степени абсолютными и, следовательно, не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова». URL: <http://consultant.ru>
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. № 147.
3. Постановление, вынесенное Палатой по делу Ляпин (LYAPIN) против Российской Федерации (жалоба № 46956/09). URL: <http://consultant.ru>
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 года

Bibliography

1. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 № 11-P «On business about check of constitutionality of provisions of part one of article 47 and article 51 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov». URL: <http://consultant.ru>
2. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from June 29, 2010. № 17 «About practice of application by courts of the norms regulating participation of the victim in criminal proceedings» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 147.
3. The judgment rendered by the Chamber in the case of Lyapin (LYAPIN) against Russian Federation (complaint № 46956/09). URL: <http://consultant.ru>
4. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation of 21 April 2011. № 580-О-О «About refusal in acceptance to consideration of the

№ 580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision63242.pdf>

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132983.pdf>

6. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

7. Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956.

8. Савгирова Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. М., 1960.

9. Выдря М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

10. Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974.

11. Торбин Ю. Г. Теория и практика освидетельствования. СПб., 2004.

12. Карцев А. В. К вопросу о необходимости использования материального основания для признания лица подозреваемым // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2.

13. Глушков М. Р. К вопросу об участии адвоката в гласных ОРМ. URL: <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xn-p1ai/article/12159>

14. Сыдыгалиев М. А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

complaint of citizen Panov Yuri Georgievich on the infringement of his constitutional rights by article 6 of the Federal law “About operatively-search activity”». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision63242.pdf>

5. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation from 28 may 2013 № 723-About «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen Gudina Sergei Semenovich, for a violation of his constitutional rights by paragraph 6 of part two of article 74, paragraph 1 of the third part of article 413 and the provisions of Chapter 40 of the Criminal procedure code of the Russian Federation». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132983.pdf>

6. Lazarev V. A., Ivanov V. V., Utorbaev A. K. The protection of individual rights in the criminal process: textbook for undergraduate and graduate programs. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2015.

7. Minkovsky G. M. The Limits of evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1956.

8. Sagirova N. M. Measures of restraint and other coercive procedural measures. Moscow, 1960.

9. Vydrya M. M. The Physical evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1955.

10. Strogovich M. S. The Problems of judicial ethics. Moscow, 1974.

11. Torbin Yu. G. Theory and practice examination. St. Petersburg, 2004.

12. Kartsev A. V. To the question about the necessity of the use of material grounds for recognition of the person as a suspect // Criminal proceedings. 2007. № 2.

13. Glushkov M. R. To the question about the participation of a lawyer in vowels about operatively-search activity. URL: <http://xn7sbbaj7auwnffhk.xn-p1ai/article/12159>

14. Sydygaliev M. A. Differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation: dis. ... PhD in law. N. Novgorod, 2016.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.1
ББК 67.4

© 2016 г. Н. П. Кириллова,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета доктор юридических наук, доцент
E-mail: Kirillova59@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И УПРОЩЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ

В статье исследуются вопросы оптимизации процессуальных форм в качестве одного из направлений уголовно-процессуальной политики государства. Дается оценка действующему законодательству, регламентирующему реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве, судебной практике рассмотрения уголовных дел, указываются недостатки правового регулирования этого процессуально-института, предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, упрощенная процессуальная форма, досудебное соглашение о сотрудничестве.

N. P. Kirillova – Professor, Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Associate Professor.

CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF THE STATE AND THE SIMPLIFICATION OF PROCEDURAL FORMS

The article examines how to optimize procedural forms as one of the areas of criminal procedure policy. An assessment of the current legislation governing the implementation of the pre-trial agreement on cooperation, judicial practice in criminal cases, indicate the shortcomings of legal regulation of the procedure of the Institute, suggests ways to improve it.

Key words: criminal procedure policy, simplified procedural form, pre-trial agreement.

Демократические преобразования в государстве и развитие рыночных отношений помимо положительных результатов обусловили и ряд осложнений, выразившихся в росте преступности, появлении ее новых форм, в том числе организованной преступности. Возник актуальный вопрос о том, как совместить усилия, направленные на реформирование законодательства в части дополнительных гарантий для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и одновременно создать условия для эффективной защиты лиц, потерпевших от преступных посягательств. Успех его решения зависит от многих факторов, среди которых значительную роль играют состояние экономики, политические и социальные составляющие, позволяющие проводить определенную уголовно-процессуальную политику. В свою очередь, успешная уголовно-процессуальная политика невозможна без продуманной уголовно-процессуальной концепции, позволяющей не только удерживать правопорядок в государстве, но и гарантировать конституционные права гра-

ждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, как это и предполагается в правовом государстве, построение которого декларируется в России.

Выбор эффективных процессуальных форм и их совершенствование являются одним из направлений уголовно-процессуальной политики. Отечественный законодатель, осуществляя свою деятельность в период судебной реформы, смело экспериментирует, вводя новые процессуальные формы и модернизируя старые. Несмотря на рекомендации представителей научного сообщества с осторожностью подходить к расширению круга упрощенных производств, их число расширяется. При этом законодательное регулирование указанных процессуальных форм далеко не всегда совершенно, что влечет за собой проблемы для правоприменителя.

Рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в ходе применения упрощенной процессуальной формы, регламентированной главой 40-1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Федеральным законом от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ были внесены дополнения в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, которые предусмотрели институт досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, определили его сущность, особенности назначения наказания при выполнении условий этого соглашения. Целью данного правового института является стимулирование посткриминального поведения лица, совершившего преступление, оно может заключаться в различных формах содействия органам расследования, например в форме изобличения соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем, сообщении сведений о месте нахождения соучастников преступления и др.

Идея законодателя заключалась в том, чтобы сначала получить положительный результат со стороны лица, совершившего преступление, а затем благоприятные для него уголовно-правовые последствия. Важно отметить, что выполнение условий досудебного соглашения о сотрудничестве должно иметь благоприятные уголовно-правовые последствия лишь в судебных стадиях уголовного процесса.

Одной из важных проблем в ходе реализации досудебного соглашения о сотрудничестве является, с нашей точки зрения, выделение уголовного дела в отношении лица, с которым оно заключено. Законодатель дополнил ч. 1 ст. 154 УПК РФ п. 4 о праве следователя выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого, подозреваемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Можно было бы сделать однозначный вывод о том, что следователь лишь вправе, но не обязан выделять уголовное дело в отношении этого лица. Однако судебная практика формировалась иначе. На первоначальном этапе она была противоречивой. Некоторые суды полагали, что выделение уголовного дела в отношении лица, сотрудничающего со следствием, должно производиться в обязательном порядке [6; 7; 8]. В то же время существовала противоположная судебная практика рассмотрения единого дела в отношении всех соучастников в общем порядке [9].

Унифицировала судебную практику ошибочная, по нашему мнению, позиция Вер-

ховного Суда РФ, выраженная в п. 5 постановления Пленума от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3]. Пленум указал, что «по смыслу ч. 1 статьи 317.4 УПК РФ в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случае же если данное требование не выполнено, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ».

Представляется, что выделение уголовного дела в большинстве случаев затруднительно без ущерба для полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Проблемы возникают уже на стадии следствия. Производство по выделенному и основному делу могут осуществлять разные следователи. Параллельное расследование одних и тех же обстоятельств разными следователями может негативно сказаться на полноте расследования. Каждый следователь будет самостоятельно создавать доказательственную базу, допрашивать свидетелей, назначать экспертизы и т. д. Результаты, полученные в процессе производства следственных действий разными следователями, могут существенно отличаться. Если предположить, что сначала будет закончено расследование в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, дело направлено в суд и рассмотрено в упрощенном порядке без непосредственного исследования доказательств, то возникают проблемы при доказывании вины соучастников по основному делу, поскольку их дело будет рассматриваться в обычном порядке путем непосредственного исследования доказательств. При этом выводы двух судебных решений могут не совпадать.

В судебной практике возникают ситуации, когда по результатам рассмотрения основного уголовного дела в судебном разбирательстве, проводимом в обычной процессуальной форме, из обвинения исключаются отдельные эпизоды преступной деятельности либо квалифицирующие признаки преступлений или

действия лиц переквалифицируются на иные статьи Уголовного кодекса РФ. Таким образом, могут быть вынесены два судебных решения (по выделенному уголовному делу и основному уголовному делу) по одному и тому же факту преступной деятельности, которые квалифицированы судами по-разному.

Существуют прецеденты, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве и осужденное в упрощенном порядке, привлекалось для дачи показаний по делу своих соучастников в качестве свидетеля и отказалось от дачи показаний. Не имея возможности оценить доказательства в полном объеме, суд выносил оправдательный приговор по основному уголовному делу. В результате в отношении одного преступления, совершенного в соучастии, имели место два приговора – обвинительный и оправдательный.

Представляется, что выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должно быть исключительным случаем, например, когда необходимо применение мер безопасности в отношении такого лица. В остальных случаях раздельное расследование и судебное разбирательство дел соучастников преступления затрудняют установление истины по делу, могут породить судебные ошибки, которые впоследствии сложно устранять. Все это снижает в целом эффективность рассматриваемого процессуального института.

Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству также отмечал ошибочность положения о выделении уголовного дела в отдельное производство еще на этапе рассмотрения законопроекта о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, введившего институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в этом документе указывалось, что в пункте 3 статьи 2 проекта предлагается дополнить часть первую статьи 154 УПК РФ новым пунктом 4 о праве следователя выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого, по которому прокурором вынесено представление о соблюдении условий соглашения о сотрудничестве. В контексте ст. 154 УПК РФ на такую ситуацию будет распространяться правило части второй данной статьи, допускающее выделение дела в отдельное производство, но только не в ущерб принципу всесторонности и объективности расследования и разрешения дела, в случаях, когда это вызвано большим

объемом дела или множественностью его эпизодов. Указанное предложение не согласуется с частью четвертой проектной статьи 317.4 УПК РФ, по смыслу которой следователь обязан во всех случаях выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого при наличии представления прокурора о соблюдении обвиняемым соглашения о сотрудничестве независимо от того, как повлияет это выделение на всесторонность и полноту расследования и разрешения дела и насколько велики объем дела и число эпизодов преступных деяний [2].

Законодатель, изменив положения ст. 90 УПК РФ Федеральным законом от 29.06.2015 № 191-ФЗ, исключил преюдициальное значение приговоров, постановленных судом в соответствии со ст. 226.9, 316, 317.7 УПК РФ. Тем самым при установлении обстоятельств одного и того же события преступления приоритетным является приговор по уголовному делу соучастников лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, рассмотренному судом в общем порядке. Если приговор по основному делу устанавливает обстоятельства преступления таким образом, что положение обвиняемых становится лучше, чем положение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, необходимо было законодательно закрепить процедуру приведения приговора в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с приговором по основному уголовному делу.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 322-ФЗ были предложены некоторые способы заставить обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, выполнять его условия, а также выработан механизм отмены или изменения приговоров, вынесенных в упрощенном порядке с целью их приведения в соответствие с приговором по основному уголовному делу. В частности, в качестве новых апелляционного, кассационного и надзорного оснований отмены или изменения приговора или иного судебного решения предусматривается выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

В соответствии с ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ прокурор разъясняет лицу, заявившему ходатайство о заключении досудебного соглаше-

ния о сотрудничестве, что в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, с учетом положений п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, а на основании ст. 317.8 УПК РФ приговор может быть пересмотрен, если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что им не соблюдены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве. Кроме того, прокурор разъясняет лицу, заключившему досудебное соглашение, что после рассмотрения в порядке, предусмотренном ст. 317.7 УПК РФ, уголовного дела, выделенного в отношении него в отдельное производство, он может быть привлечен к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления.

Статья 317.4 УПК РФ дополнена ч. 5, в соответствии с которой в случае отказа от дачи показаний, изобличающих других соучастников преступления, либо в случае выявления иных данных, свидетельствующих о несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. В случае вынесения прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Указанные изменения и дополнения регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве не решают главной задачи этого процессуального института, которая заключается в выявлении, эффективном раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и привлечении к уголовной ответственности виновных, вынесении в отношении них законного, обоснованного и справедливого приговора на основе содействия следствию со стороны подозреваемого (обвиняемого), выражающегося в предусмотренных законом формах. Содействие следствию является условием применения в отношении заключившего досудебное соглашение лица льгот по наказанию или освобождения от уголовной ответственности.

По нашему мнению, условия досудебного соглашения о сотрудничестве можно считать выполненными, когда участник такого соглашения дал изобличающие соучастников показания не только в ходе следствия, но и судебного заседания. Редакция же главы 40-1 УПК РФ предусматривает осуждение такого лица до того момента, когда состоится судебное разбирательство в отношении соучастников, на котором он может повести себя различным образом, например изменить показания, отказаться от дачи показаний и т. д. Норма о том, что приговор, вынесенный по выделенному уголовному делу, может быть пересмотрен при установлении данных о несоблюдении условий и неисполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, не всегда позволяет исправить судебные ошибки. Во-первых, по основному уголовному делу соучастники могут быть оправданы именно ввиду неисполнения соответствующим лицом досудебного соглашения о сотрудничестве, а привлечение их к уголовной ответственности по разным причинам может стать невозможным. То, что новый закон позволяет отменить приговор по выделенному делу и осудить обвиняемого без учета льгот, не приведет к восстановлению нарушенного преступлением права в полной мере, поскольку не все соучастники понесут заслуженное наказание. Во-вторых, редакция нового закона так и не определила процессуальный статус осужденного по выделенному уголовному делу лица, когда он привлекается к участию в уголовном деле соучастников преступления. Неясным остается вопрос о том, что следует понимать под его участием в деле соучастников, предусмотренным ч. 2 ст. 317 УПК РФ. Выражается ли это в его допросе или в иной форме? Если он должен быть допрошен, то в каком качестве?

Обвиняемым по основному делу указанное лицо не является. Согласно позиции Конституционного Суда РФ лица, уже осужденные по уголовным делам, выделенным в отдельное производство, не могут при рассмотрении уголовного дела по обвинению другого лица обладать процессуальным статусом обвиняемых, а потому и давать показания в этом уголовном деле по правилам допроса обвиняемого [4].

Судебная практика идет по пути допроса таких лиц в качестве свидетелей. Однако если

в рамках выделенного в отдельное производство уголовного дела обвиняемый, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, отказывается от права давать показания, предоставленное ему ст. 51 Конституции РФ, в обмен на снижение наказания, то в судебном разбирательстве в отношении соучастников он уже вынужден давать показания под угрозой ответственности.

По большинству уголовных дел лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, допрашивается в качестве свидетеля с одновременным разъяснением ему положений ст. 56 УПК РФ, ст. 51 Конституции РФ, а также с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. Эта практика сформировалась вопреки позиции Верховного Суда РФ, выраженной в определении Судебной коллегии по уголовным делам о том, что суд правомерно не предупреждает об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний допрошенных в качестве свидетелей лиц, так как ранее они являлись подсудимыми [5].

Реже встречаются уголовные дела, по которым лица, заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве, допрашивались в качестве свидетелей с разъяснением прав и обязанностей свидетелей, но без предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания. Эта практика более соответствует международной.

Позиция Европейского суда по правам человека также состоит в том, что таким свидетелям положения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний разъясняться не должны. Как указано в постановлении ЕСПЧ от 14 января 2010 года по делу «Мельников против Российской Федерации», существует значительный риск того, что показания обвиняемого могут быть недостоверными, данными в своих очевидных интересах путем переложения ответственности на другое лицо. Таким образом, может потребоваться более высокая степень контроля оценки его показаний, поскольку положение, в котором находятся сообщники при даче показаний, отличается от положения обычных свидетелей. Они дают показания без присяги, то есть без какого-либо подтверждения правдивости своих свидетельств, которое могло бы по-

влечь ответственность за дачу заведомо ложных показаний [1].

Представляется, что изменения и дополнения, внесенные в главу 40-1 УПК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 322 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», допускающие пересмотр приговора по делу лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, но отказавшегося в соответствии со ст. 51 Конституции РФ давать изобличающие показания против соучастников, нарушив тем самым условия соглашения, находятся в некотором противоречии с Конституцией РФ.

Решение рассмотренных выше проблем мы видим в иной плоскости. Представляется, что уголовное дело может быть выделено в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, только в исключительном случае. По общему правилу расследование должно быть единым. Судебное разбирательство необходимо осуществлять в обычной процессуальной форме. Именно в ходе судебного разбирательства в общем порядке путем непосредственного исследования доказательств суд может сделать вывод о том, выполнил ли обвиняемый все условия соглашения о сотрудничестве или нет, помогли ли его показания и иные предоставленные им сведения в изобличении и осуждении соучастников. Применение льгот по наказанию или полное освобождение соответствующего лица от ответственности было бы целесообразным после установления истины по делу и полного выполнения условий досудебного соглашения.

Для эффективного функционирования такого процессуального института, как досудебное соглашение о сотрудничестве, не требуется создавать сложных законодательных конструкций. Достаточно сформировать следственную и судебную практику, не основанную на обязательном выделении уголовных дел лиц, заключивших такое соглашение.

Упрощение процессуальных форм, являющееся характерной и даже в некоторых случаях необходимой чертой современной уголовно-процессуальной политики государства, должно быть для законодателя взвешенным решением, которое в полной мере соотносится с решением задач уголовного процесса.

1. Постановление Европейского суда по правам человека от 14 января 2010 года по делу «Мельников (MELNIKOV) против Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>

2. Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по принятому в первом чтении проекту Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://бешеный-принтер.pf/bill/485937-4>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». URL: <http://consultant.ru>

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 2951-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Караваева Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47, 56, 278 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2010 года № 50-О10-41сп. URL: <http://consultant.ru>

6. Постановление Луховицкого районного суда Московской области от 20 января 2011 года по делу А. Н. Строчкова и К. И. Грекова. URL: http://infocourt.ru/car_luhovitsymo_moscowobl_cfo/ug/3909458/postanovlenie-o-vozvraschenii-ugolovnogo-dela-prokuroru.html

7. Постановление Солombsкого районного суда города Архангельска от 6 июля 2011 года по делу № 1-148/2011 в отношении А. А. Кондакова, С. Ф. Криволапова. URL: <https://rospravosudie.com/court-solombalskij-rajonnyj-sud-g-arxangelska-arxangelskaya-oblast-s/act-531077792/>

8. Справка о результатах обобщения практики применения судами Саратовской области в 2010 году и первом полугодии 2011 года норм об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ). URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9610

9. Справка Красноярского краевого суда от 22 сентября 2011 года по применению судами края главы 40-1 УПК РФ. URL: <http://kracvov.krk.su.drf.ru/modules.php?name=map>

1. The judgment of the European court of human rights of 14 January 2010 in the case «Melnikov (MELNIKOV) against the Russian Federation». URL: <http://consultant.ru>

2. The conclusion of the State Duma Committee on civil, criminal, arbitration and procedural legislation adopted in the first reading the draft Federal law № 485937-4 «On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation». URL: <http://бешеный-принтер.pf/bill/485937-4>

3. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from June, 28th, 2012 № 16 «On practice of application by courts of a special procedure for trial of criminal cases at the conclusion of pretrial cooperation agreement». URL: <http://consultant.ru>

4. The definition of the constitutional Court of the Russian Federation from December 23, 2014 № 2951-About «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen G. Alexander Karavayev of the violation of his constitutional rights by provisions of articles 47, 56, 278 and 281 of the Criminal procedure code of the Russian Federation». URL: <http://consultant.ru>

5. The definition of Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 16, 2010 № 50-O10-41sp. URL: <http://consultant.ru>

6. The judgment of the district court of the Moscow region from January 20, 2011 in the case of A. N. Strokova and K. I. Grekova. URL: http://infocourt.ru/car_luhovitsymo_moscowobl_cfo/ug/3909458/postanovlenie-o-vozvraschenii-ugolovnogo-dela-prokuroru.html

7. The resolution Solombala district court of Arkhangelsk from 6 July 2011 in case № 1-148/2011 in respect of A. A. Kondakov, S. F. Krylov. URL: <https://rospravosudie.com/court-solombalskij-rajonnyj-sud-g-arxangelska-arxangelskaya-oblast-s/act-531077792/>

8. Certificate of results of generalization of practice of application by courts of the Saratov region in 2010 and the first half of 2011 rules on special order of the court decision at the conclusion of pretrial agreement on cooperation (Chapter 40.1 of the criminal procedure code of the Russian Federation). URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9610

9. Help Krasnoyarsk regional court from 22 September 2011 on the application by courts of the region Chapter 40-1 of the criminal procedure code of the Russian Federation. URL: <http://kracvov.krk.sudrf.ru/modules.php?name=map>

© 2016 г. А. В. Рогов,

начальник научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: aleksandrrogov@mail.ru

А. В. Михин,

доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: oksan_86@mail.ru

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, ПОСЯГАЮЩИМИ НА ЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗЕМЕЛЬ ЛЕСНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ отечественного законодательства, регламентирующего порядок оборота земель лесного фонда Российской Федерации. По мнению авторов, знание сотрудниками оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции данной нормативной базы, а также особенностей перевода земель из одной категории в другую способствует более быстрому и эффективному выявлению, пресечению и раскрытию этого вида преступлений.

Ключевые слова: земли лесного фонда Российской Федерации, режим использования, защиты, охраны и воспроизводства лесов, правовой режим охраны и использования защитных участков леса, законный оборот земель лесного фонда Российской Федерации.

A. V. Rogov – Head of the Research Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

A. V. Mikhin – Associate Professor, Department of Civil Law and Process, Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

LEGAL FRAMEWORK OF DIVISIONS OF EBIPK TO COMBAT CRIMES THAT INFRINGE ON THE LEGAL CIRCULATION OF LANDS OF THE FOREST FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the domestic legislation governing the procedures for the circulation of forest lands of the Russian Federation. According to the authors, knowledge of employees of operative divisions of economic security and anti-corruption of the regulatory framework, as well as land transfer features from one category to another, contributes to a more rapid and efficient detection, suppression and disclosure of this type of crime.

Key words: the forest lands of Russian Federation, regulations of the use, protection, defense and reproduction of forests, legal regime of defense and use of forests' protection areas, the legal turnover of Russian Federation State Forestry.

Российская Федерация обладает наибольшим в мире лесным потенциалом, поэтому ее лесной фонд по праву называют «легкими Европой». На долю нашего государства приходится четверть мирового лесного покрова, леса занимают почти половину территории страны [7]. Лесной фонд России – это мощная сырьевая база лесопромышленного комплекса.

В ходе экономических преобразований, произошедших за последние десятилетия в нашей стране, земля превратилась в весьма

привлекательный объект для финансовых вложений, в том числе и как объект, который можно использовать в противоправных схемах по легализации материальных средств, полученных преступным путем.

Как правило, преступления, связанные с незаконным оборотом земель лесного фонда Российской Федерации, совершаются латентно и связаны с коррупционными действиями органов государственной власти и местного самоуправления*. Эффективность борь-

* На данный факт указали примерно 93 % респондентов (в Нижегородской академии МВД России был проведен опрос более 100 слушателей, проходивших повышение квалификации в период с сентября 2014 года по сентябрь 2015 года на базе образовательной организации по категории «Старшие оперуполномоченные, оперуполномоченные подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД, ГУ (У) МВД России по субъектам Российской Федерации»).

бы с данным видом преступлений напрямую зависит от своевременности выявления их признаков. При этом сотрудникам органов внутренних дел необходимы знания, связанные с особенностями законного оборота земель, для эффективного планирования необходимого комплекса оперативно-разыскных мероприятий и целенаправленного собирания доказательственной информации на первоначальном этапе документирования.

В соответствии с Конституцией РФ земли и другие природные ресурсы используются и охраняются в нашем государстве как основа жизни и деятельности народов, проживающих на его территории [1, ст. 6, 9]. Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального законодательства.

Несмотря на то, что земли лесного фонда Российской Федерации различны по своему составу и структуре, на них распространяется единый режим правового регулирования. Рассмотрим данный вопрос более подробно.

В соответствии с действующим законодательством земли лесного фонда относятся к одной из семи категорий земель [3, ст. 7]. Лесной фонд Российской Федерации составляют:

1) лесные земли (земли, покрытые лесной растительностью и не покрытые ею, но предназначенные для ее восстановления, – вырубки, гари, редины, прогалины и др.) и предназначенные для ведения лесного хозяйства нелесные земли (просеки, дороги, болота и др.);

2) нелесные земли (земли, предназначенные для ведения лесного хозяйства) [3, ст. 101].

Следует отметить, что на землях лесного фонда не может осуществляться землеустройство, как на землях других категорий. На землях лесного фонда проводится лишь лесоустройство, которое включает в себя:

1) проектирование лесничеств и лесопарков;

2) проектирование эксплуатационных лесов, защитных лесов, резервных лесов, а также особо защитных участков лесов;

3) проектирование лесных участков;

4) закрепление на местности местоположения границ лесничеств, лесопарков, эксплуатационных лесов, защитных лесов, резервных лесов, особо защитных участков лесов и лесных участков;

5) таксацию лесов (выявление, учет, оценку качественных и количественных характеристик лесных ресурсов);

6) проектирование мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов [4, ст. 68].

При документировании преступлений, связанных с незаконным захватом земель лесного фонда Российской Федерации, сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции необходимо учитывать, что в пределах лесного фонда гражданам и юридическим лицам могут предоставляться в пользование лесные участки вместе с лесом, расположенным на территории данных участков.

Леса, расположенные на землях лесного фонда, по целевому назначению подразделяются на следующие категории:

– защитные леса;

– эксплуатационные леса;

– резервные леса [4, ст. 10].

Благодаря данной классификации лесов законодательно определен особый правовой режим охраны и использования защитных участков леса. Перевод таких земель лесного фонда или земельных участков, входящих в их состав, в другую категорию земель разрешается только в случае:

– организации особо охраняемых природных территорий;

– установления или изменения границы населенного пункта;

– размещения объектов государственного или муниципального значения при отсутствии других вариантов возможного размещения этих объектов;

– создания туристско-рекреационных особых экономических зон [5].

В остальных случаях перевод земель лесного фонда, на которых расположены защитные леса или земельные участки в составе таких земель, в другую категорию земель запрещен законодательством Российской Федерации.

Из этого следует, что незаконный захват земель лесного фонда путем незаконного перевода земель данной категории в другую без участия высокопоставленных должностных лиц невозможен. Такой перевод (3 первых основания) может осуществляться только посредством документов территориального планирования и соответствующей документации по планировке территорий. Указанное обстоятельство необходимо учитывать сотрудникам

подразделений ЭБиПК при документировании данной категории преступлений и планировании комплекса оперативно-разыскных мероприятий в отношении чиновников различного уровня. Конкретный перечень и содержание документов территориального планирования, а также документации по планировке территории, порядок их подготовки, согласования, утверждения и реализации устанавливаются Градостроительным кодексом РФ [2]. Документами территориального планирования являются схемы территориального планирования Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных районов, а также генеральные планы поселений и городских округов. В случае отсутствия такого комплекта документов запрещается принятие решений о переводе земель из одной категории в другую, кроме исключительных случаев, предусмотренных федеральными законами [2, ч. 4 ст. 9].

В результате проведенного нами опроса среди сотрудников правоохранительных органов стало известно, что в последнее время появились случаи злоупотребления со стороны должностных лиц при решении вопроса о переводе тех или иных категорий земель в земли населенных пунктов для реализации национального жилищного проекта*. В данном случае речь идет о переводе земель и земельных участков в земли населенных пунктов посредством установления и изменения границ населенных пунктов.

Такое определение и изменение границ населенных пунктов возможно лишь в следующих случаях:

1) при утверждении или изменении генерального плана городского округа, поселения (отображающего границы населенных пунктов, расположенных в границах соответствующего муниципального образования);

2) при утверждении или изменении схемы территориального планирования муниципального района, отображающей границы сельских населенных пунктов, расположенных за пределами границ поселений (на межселенных территориях) [3, ст. 84].

Законодательством установлены особые правила изменения границ лишь для городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Границы указанных городов могут

изменяться только при наличии соответствующего решения Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Необходимо также помнить, что земли лесного фонда вместе с лесными участками, на которых они расположены, в соответствии с Лесным кодексом РФ находятся в федеральной собственности [4, ст. 8]. Поэтому в отношении данной категории земель действует правило, согласно которому Правительство Российской Федерации осуществляет перевод земель из одной категории в другую только в отношении земель, находящихся в федеральной собственности [3, ст. 8]. Подробно алгоритм изменения целевого назначения земель лесного фонда закреплен в постановлении Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 года № 48 «О составе и порядке подготовки документации о переводе земель лесного фонда в земли иных (других) категорий» [6].

С целью успешного раскрытия преступлений, связанных с незаконным захватом земель лесного фонда Российской Федерации, в ходе выработки версий механизма их совершения, документирования, а также для выявления условий и обстоятельств, способствующих совершению этого вида преступлений, сотрудникам органов внутренних дел необходимо знать данную нормативную правовую базу и уметь правильно ее применять.

В связи со сложностью и многогранностью отношений, складывающихся в области использования и охраны земель лесного фонда Российской Федерации, к знаниям и умениям сотрудников оперативных подразделений ЭБиПК предъявляются серьезные требования. Поэтому в современных экономических условиях и постоянного, в последнее время, сокращения численности работников органов внутренних дел уровень юридической квалификации и профессионализма сотрудников подразделений ЭБиПК должен быть максимально высоким. Только в этом случае будут появляться примеры качественного раскрытия преступлений, связанных с незаконным завладением земель лесного фонда Российской Федерации, а виновные должностные лица будут привлечены к уголовной ответственности.

* На это указали примерно 25 % опрошенных.

Литература

Bibliography

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ // Российская газета. 2004. 30 дек.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ // Российская газета. 2006. 8 дек.
5. Федеральный закон от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Российская газета. 2004. 30 дек.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 года № 1068 «О внесении изменений в Положение о составе и порядке подготовки документации о переводе земель лесного фонда в земли иных (других) категорий». URL: <http://consultant.ru>
7. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/politics>
1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // Official Gazette of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. The Town-Planning Code of the Russian Federation of December, 2004. № 190-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2004. December 30.
3. The Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FZ // Official Gazette of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.
4. The Forest Code of the Russian Federation of December 4, 2006, No. 200-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2006. December 8.
5. The Federal Law of December 21, 2004 № 172-FZ «On the transfer of lands or land plots from one category to another» // Rossiyskaya Gazeta. 2004. December 30.
6. Legislation Bulletin of the Russian Federation of December 29, 2008 № 1068 «On amendments to the regulation on the composition and manner of preparation of documentation on transfer of lands of forest Fund into lands of other (other) categories». URL: <http://consultant.ru>
7. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/politics>

© 2016 г. В. С. Соловьев,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: vladsolovyev@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ОПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ)

В статье представлены материалы эмпирического исследования экстремистских проявлений в социальных сетях Интернета. Анализ проводится на основе оценок, данных респондентами в ходе интернет-опроса. Автор рассматривает виды экстремистских проявлений, формы их выражения, объекты экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, интернет-опрос, социальные сети, объекты экстремизма, формы экстремизма, масштабы экстремизма.

V. S. Solovev – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CRIMINOLOGICAL STUDY OF EXTREMISM IN SOCIAL NETWORKS OF THE INTERNET (INTERNET USER SURVEY)

Article is about the empirical study of the extremism in social networks. The analysis is based on user's assessment in the online survey. The author considering types of extremism, forms of extremism and objects of extremism.

Key words: extremism, online survey, social network, objects of extremism, forms of extremism, the extent of the extremism.

Наблюдаемый в настоящее время пик популярности социальных сетей неизбежно привел к проникновению в них различных криминальных угроз, одно из ведущих мест среди которых занимают экстремистские проявления. Сторонникам крайних националистических идей и другим приверженцам экстремистских воззрений гораздо проще найти единомышленников в социальных сетях, привить свою точку зрения окружающим пользователям, в том числе несовершеннолетним.

Криминологической наукой отмечается, что подростки и молодежь не способны качественно осуществлять отбор и обработку воздействующей на них информации, а потому наиболее подвержены негативному влиянию. Чувства патриотизма молодых людей используются в экстремистских целях. Им навязывается желание искать виновников своих личных и общественных неудач в лице граждан иной национальности [1, с. 14].

К. Д. Рылченко справедливо указывал, что информационный оборот в современном мире не ограничивается территорией государства, а стоимость использования информационно-телекоммуникационных сетей позволяет обеспечивать доступ к информации самому широкому кругу субъектов за всю ис-

торию человеческой цивилизации [2, с. 21].

Опасность распространения экстремизма в социальных сетях связана и с высокой вероятностью наступления эффекта «психологического заражения». Исследователи отмечают, что восприятие окружающей действительности у девиантной личности представлено картинкой: «мне плохо на душе потому, что вокруг плохие люди, которые конкурируют со мной... я веду себя с ними так же плохо, как они, я такой же плохой... потому, что мне плохо на душе, ведь вокруг меня плохие люди...» (и по новому кругу спирали психического) [3, с. 126]. Этот эффект за короткое время может охватить значительное количество пользователей социальных сетей.

Заслуживают внимания данные Ю. С. Панфиловой о причинах эффективности использования сети Интернет для распространения экстремизма. Опрошенные автором респонденты в качестве таких причин назвали искаженность образа представителей других наций (55 %), пренебрежительное отношение к культурным традициям представителей других народов и религий (49 %), акцентировании остроты социальной ситуации в многонациональных городах и республиках России (40 %). Кроме того, немаловажную роль в раз-

жигании экстремистских настроений играют публикации, подчеркивающие криминальный характер каких-либо этнических групп (38 %) [4, с. 102].

Противодействие распространению экстремизма в социальных сетях может быть успешным только в тех случаях, когда оно базируется на глубоком анализе видов экстремистских проявлений, их масштабов, специфики и форм выражения. Для криминологического исследования экстремистских проявлений в социальных сетях с сентября по декабрь 2015 года был предпринят анонимный интернет-опрос 900 пользователей социальных сетей. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования.

Выборка респондентов проводилась по профилям в социальной сети ВКонтакте в соответствии с соотношением пола, возраста и места проживания пользователей. Проанализировав содержание личной страницы потенциального респондента, член исследовательской группы обращался к нему, разъяснял суть исследования, просил перейти по ссылке и заполнить анкету. Сама анкета размещалась на сервере виртуальных исследований virtualexs.ru.

Одной из задач членов исследовательской группы выступал анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Необходимо было установить, что страница активна, на ней имеются фотографии и записи на «стене». Лишь в этом случае пользователь приглашался к участию в опросе.

Анкета включала в себя 2 блока вопросов: о некоторых характеристиках опрашиваемых (пол, возраст, образование, место проживания, количество регулярно посещаемых социальных сетей и время, проводимое там, – 6 вопросов) и непосредственно о различных проявлениях экстремизма в социальных сетях и их масштабах (8 вопросов).

Анализ ответов на вопросы из первого блока позволил получить следующую информацию.

Гендерное соотношение опрошенных представлено таким образом: 29,9 % составляют лица мужского пола и 70,1 % – лица женского пола. Были опрошены пользователи из семи возрастных групп: от 14 до 15 лет, от 16 до 17 лет, от 18 до 24 лет, от 25 до 30 лет, от 31 до 35 лет, от 36 до 40 лет и старше 40 лет. Доля опрошенных в возрасте от 14 до 24 лет составила 72,1 %.

Выборка проводилась и по месту жительства опрашиваемых. Исследованием были охвачены крупные города из всех федеральных округов России: Москва – 22,6 %, Нижний Новгород – 13,8 %, Краснодар – 12,2 %, Санкт-Петербург – 11,3 %, Екатеринбург – 11 %, Хабаровск – 6,7 %, Новосибирск – 6,6 %, Севастополь – 3,7 %, Махачкала – 3,6 %, иные населенные пункты – 8,5 %.

Респондентам было предложено выбрать социальные сети, в которых они зарегистрированы или не зарегистрированы, но регулярно посещают их (при наличии такой возможности). Поскольку выборка респондентов проводилась по профилям в социальной сети ВКонтакте, количество пользователей этой сети составило 100 %. Число пользователей других сетей распределилось следующим образом: Instagram – 50 % опрошенных, YouTube (RuTube) – 39,4 %, Одноклассники – 32,8 %, Facebook – 22,9 %, Мой Мир@Mail.ru – 22,6 %, Twitter – 17,1 %, ДругВокруг – 6,9 %, LiveJournal (Живой журнал) – 2,1 %.

Доля респондентов, проводящих в социальных сетях свыше 4 часов в день, составила 45,4 %, от 2 до 4 часов – 26,8 %, от 1 до 2 часов – 12,4 %, около 1 часа – 6,3 %. Ежедневно социальные сети используют менее 1 часа 6,9 % опрошенных. Оставшаяся незначительная доля пользователей посещает социальные сети реже, чем каждый день.

Результаты ответов на вопросы первого блока применялись в качестве средних значений для сравнения характеристик опрашиваемых, определенным образом ответивших на вопросы второго блока.

Анализ ответов на вопрос о различных проявлениях экстремизма в социальных сетях и их масштабах, сконструированный в форме вопроса-матрицы, позволил прийти к следующим выводам:

1. С информацией, унижающей и оскорбляющей людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии, сталкивались в социальных сетях 68 % респондентов, среди них 26 % – часто, 33,7 % – время от времени, 40,3 % – в единичных случаях. Часто встречаются с подобной информацией пользователи сетей YouTube (RuTube) – 52,2 % (при средней доле пользователей – 39,4 %) и Twitter – 27 % (при средней доле пользователей – 17,1%). Половину из тех, кто встречается с указанной информацией час-

то, составляют несовершеннолетние пользователи. Исследователи акцентируют внимание на тяжести стрессовых последствий для нравственно-психологического состояния детей и подростков после ознакомления с подобной информацией [5, с. 131–132].

Обращает на себя внимание количество пользователей из Севастополя, часто встречающихся с информацией, унижающей и оскорбляющей людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии. Их доля составляет 33,3 % от общего числа опрошенных жителей Севастополя. Это максимальная доля среди всех городов, где проводился опрос. Каждый пятый пользователь из Санкт-Петербурга, Махачкалы и Хабаровска также часто сталкивался с указанной информацией.

2. Информацию, призывающую к насилию в отношении людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии, встречали при использовании социальными сетями 51,6 % опрошенных, из них 16,6 % – часто, 32,3 % – время от времени, 51,1 % – в единичных случаях. Среди лиц, часто встречающихся с такой информацией, высока доля мужчин – 40,3 % (при общей доле мужчин-респондентов – 29,9 %). Кроме того, можно обнаружить корреляционную зависимость между количеством времени, проводимого в социальных сетях, и частотой ознакомления с информацией, призывающей к насилию в отношении людей по экстремистским мотивам: если среди общего числа опрошенных используют социальные сети свыше четырех часов в день 45,4 %, то среди респондентов, встречающих указанную информацию часто, доля таких лиц повышается до 62,3 %.

3. С пропагандой идеи исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии сталкиваются при использовании социальными сетями 58,4 % опрошенных, среди них 19,6 % – часто, 34,4 % – время от времени, 46 % – в единичных случаях. Пользователи, часто сталкивающиеся с пропагандой подобных идей, в два раза чаще остальных встречают в социальных сетях виртуальные объединения людей, разделяющих

идеологию экстремизма (сообщества, группы, паблики или публичные страницы со значительным числом подписчиков). Также обращает на себя внимание количество пользователей, сталкивающихся с приведенной информацией, проживающих в Хабаровске. Если среди всех опрошенных доля хабаровчан составила 6,7 %, то среди респондентов, часто встречающихся с пропагандой идеи исключительности, превосходства либо неполноценности человека, она практически в два раза больше – 11,7 %.

4. С попытками склонения, вовлечения, вербовки людей в социальных сетях для участия в реальных террористических или экстремистских объединениях либо совершаемых ими деяниях (например, вербовки в запрещенную на территории России организацию «Исламское государство») сталкивались 27,7 % пользователей, среди них 16,5 % – часто, 29,3 % – время от времени, 54,2 % – в единичных случаях. Часто с попытками вовлечения сталкиваются мужчины – 46,3 % (при общей доле мужчин-респондентов – 29,9 %), лица с высшим образованием (специалитет, магистратура и подготовка кадров высшей квалификации) – 39,1 % при доле лиц с перечисленными уровнями образования среди опрошенных – 23,1 %, жители Махачкалы – 7,3 % (при доле опрошенных махачкалинцев – 3,6 %). Каждый третий пользователь социальных сетей, проживающий в Махачкале, хотя бы раз сталкивался с попытками склонения, вовлечения, вербовки людей в социальных сетях для участия в реальных террористических или экстремистских объединениях либо совершаемых ими деяниях.

Значительная доля лиц с высоким уровнем образования фиксируется среди тех, кто часто сталкивался с попытками вовлечения в деятельность указанных организаций. Это можно объяснить в том числе и более высокими интеллектуальными способностями респондентов, позволяющими оценить сущность и содержание обнаруживаемой в социальных сетях информации.

Как отмечается в научных исследованиях, масштабное наполнение «Исламским государством» российского сегмента Интернета экстремистскими материалами является не чем иным, как массовой пропагандой. После того как человека заинтересовала деятельность «Исламского государства» или он каким-либо образом выразил свою солидарность с терро-

ристами, вербовщики приступают к персональной работе с неофитом, для чего используют разнообразные методы [6, с. 204].

5. Информацию, оправдывающую или поддерживающую идеологию и практику терроризма и экстремизма без попыток вовлечения людей в экстремистскую или террористическую деятельность, встречали при использовании социальными сетями 39 % респондентов, из них 16,3 % – часто, 27,6 % – время от времени, 56,1 % – в единичных случаях.

6. С пропагандой или публичным демонстрацией нацистской атрибутики или символики сталкивались в социальных сетях 56,3 % респондентов, среди них 16,8 % – часто, 33,9 % – время от времени, 49,3 % – в единичных случаях. Из числа пользователей, часто сталкивающихся с пропагандой или публичным демонстрацией нацистской атрибутики или символики при использовании социальными сетями, 34,1 % встречают виртуальные объединения людей, разделяющих идеологию экстремизма (сообщества, группы, паблики или публичные страницы со значительным числом подписчиков). В трети случаев с подобными материалами сталкиваются подростки в возрасте 16–17 лет.

7. Призывы к насильственному изменению основ конституционного строя России, свержению власти, изменению государственной границы России встречали в социальных сетях 36,6 % опрошенных, из них 15,8 % – часто, 28,9 % – время от времени, 55,3 % – в единичных случаях. Достаточно часто с такими призывами сталкиваются жители Краснодара (21,2 % от их числа являются жителями этого города при общем проценте опрошенных краснодарцев – 12,2 %).

Можно сделать ряд общих выводов из ответов на вопрос о различных проявлениях экстремизма в социальных сетях и их масштабах:

– чем больше времени пользователи проводят в социальных сетях, тем выше вероятность обнаружить там материалы экстремистского характера;

– чем чаще пользователи сталкиваются с экстремистскими материалами, тем чаще они встречают виртуальные объединения людей, разделяющих идеологию экстремизма (сообщества, группы, паблики или публичные страницы со значительным числом подписчиков);

– наиболее часто пользователи сталкиваются с такими экстремистскими проявления-

ми, как информация, унижающая и оскорбляющая людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (17,7 % от числа респондентов, встречающих экстремистские проявления часто); далее следует информация, пропагандирующая идеи исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (11,4 %); пропаганда или публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики (9,4 %); информация, призывающая к насилию в отношении людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (8,6%); информация, оправдывающая или поддерживающая идеологию и практику терроризма и экстремизма без попыток вовлечения людей в экстремистскую или террористическую деятельность (6,3 %); призывы к насильственному изменению основ конституционного строя России, свержению власти, изменению государственной границы России (5,8 %); информация, связанная со склонением, вовлечением, вербовкой людей в социальных сетях для участия в реальных террористических или экстремистских объединениях либо совершаемых ими деяниях (4,6 %);

– в среднем 52,8 % пользователей, часто встречающихся с различными экстремистскими проявлениями, указали, что наиболее интенсивно они выражены в социальной сети ВКонтакте (среди всех респондентов доля лиц с таким мнением составила 38,9 %).

Второй вопрос, также сконструированный в виде матрицы, был посвящен выяснению формы экстремистских проявлений, с которыми пользователи сталкиваются в социальных сетях. В исследованиях отмечается, что пропаганда экстремизма в информационном пространстве ведется путем размещения различных сайтов экстремистской направленности, страниц, содержащих подробную информацию о деятельности подобных организаций, фото- и видеодокументов этой деятельности [7, с. 159]. Однако формы представления экстремистских материалов в социальных сетях отличаются большим разнообразием.

Наиболее распространенной формой проявления экстремизма в социальных сетях яв-

ляется графическая информация (фотографии, в том числе выполненные с использованием фотомонтажа, фотоколлажи, «мемы», нарисованные картинки) – 63,4 % пользователей. Из них 24,9 % часто встречают экстремистскую информацию в графической форме, 37,7 % – время от времени, 37,4 % – в единичных случаях. Среди респондентов, часто встречающих в социальных сетях экстремистские изображения, 57,8 % отметили наибольшее распространение экстремистской информации в социальной сети ВКонтакте (доля пользователей среди общего количества опрошенных составляет 38,8 %).

Следующей по масштабам распространения формой экстремистских материалов в социальных сетях является текстовая информация – 55,3 % опрошенных. Среди них 23,3 % сталкивались с этой информацией часто, 33,9 % – время от времени, 42,8 % – в единичных случаях.

Третьей формой распространения экстремистских материалов в социальных сетях выступает видеoinформация (видеофильмы, видеоролики) – 49,9 % респондентов. Среди них 19,6 % сталкивались с подобной информацией часто, 28,5 % – время от времени, 51,9 % – в единичных случаях.

Наконец, немногим менее распространенной, но достаточно часто встречающейся в социальных сетях является экстремистская аудиоинформация (речь или песни) – 35,9 % опрошенных. Среди них 17,6 % сталкивались с такой информацией часто, 27,9 % – время от времени, 54,5 % – в единичных случаях.

Пользователям, встречавшимся в социальных сетях с экстремистскими проявлениями по национальному признаку, предлагалось также ответить на вопрос, в отношении представителей каких народов эти проявления распространены в наибольшей степени.

Результаты распределились следующим образом: представители народов Кавказа (чеченцы, ингуши, дагестанцы и др.) – 22,6 %; украинцы – 18 %; представители народов Закавказья (армяне, грузины, азербайджанцы) – 13 %; представители стран Европы и США – 12,5 %; представители народов Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы, туркмены) – 11,7 %; русские – 9,3 %; евреи – 8,3 %; цыгане – 4,6 %.

Даже несмотря на напряженные отношения с Украиной, накладывающие негативный отпечаток на внутрисетевое взаимодействие

между пользователями, наибольшее количество экстремистских проявлений фиксируется в отношении представителей кавказских народов.

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос, сталкивались ли они с экстремистскими проявлениями в отношении каких-либо социальных групп, выделенных не по национальному признаку. В результате оказалось, что всего лишь 4,3 % пользователей наблюдали такие проявления. В числе представителей социальных групп, ставших объектами экстремистских проявлений, были названы сотрудники полиции, правозащитники, чиновники (государственные служащие), служители Русской православной церкви, члены ЛГБТ-сообщества (представители сексуальных меньшинств), учителя.

При ответе на следующие два вопроса пользователям предлагалось пояснить, встречались ли они с отдельными интернет-сайтами, содержащими только (преимущественно) экстремистскую информацию, либо с виртуальными объединениями (сообществами, группами, пабликами или публичными страницами со значительным числом подписчиков) людей, разделяющих идеологию экстремизма. С экстремистскими интернет-сайтами сталкивались 5,1 % пользователей социальных сетей. Виртуальные объединения экстремистской направленности пользователи встречают чаще – 17 %. Респондентам было предложено указать электронный адрес экстремистских ресурсов либо описать их содержание. В результате установлено, что подавляющее большинство таких ресурсов связано либо с деятельностью запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», либо с украинскими националистическими объединениями и организациями.

Далее пользователям предлагалось по желанию описать в свободной форме запомнившийся им случай проявления экстремизма либо такого рода экстремистскую информацию в социальных сетях. На это предложение откликнулись 5,7 % респондентов. Запоминающиеся случаи экстремистских проявлений связаны с украинской националистической агитацией и пропагандой (52,6 %), призывами вступить в запрещенную на территории России организацию «Исламское государство» (10,5 %), просмотром видеоза-

писей насилия по экстремистским мотивам (10,5 %), призывами к участию в массовых мероприятиях экстремистского характера, оскорблениями детей по национальному признаку, призывами к убийству «неверных», пропагандой идей фашизма под видом патриотизма.

В последнем вопросе анкеты пользователям социальных сетей было предложено оценить, в какой именно социальной сети они наиболее часто встречались с экстремистскими проявлениями. Наибольшее количество таких проявлений было отмечено в социальной сети ВКонтакте (68,6 %). Далее следуют YouTube (RuTube) – 12,4 %, Одноклассники – 6,5 %, Facebook – 5,9 %, Instagram и Twitter – по 2 %, LiveJournal (Живой журнал) и Мой мир@mail.ru – по 1,3 %.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, которые можно использовать в ходе научного познания проблемы распространения экстремизма в социальных сетях, в практической деятельности субъектов противодействия экстремистским проявлениям, а также при совершенствовании механизма правового регулирования оборота информации в Интернете.

Несмотря на деятельность подразделений органов внутренних дел по противодействию экстремизму в сфере выявления экстремистских проявлений в социальных сетях, их масштабы остаются достаточно внушительными.

С каждой из разновидностей экстремистских проявлений, фигурирующих в анкете, встречаются от 36,6 до 68 % пользователей социальных сетей. Это информация, унижающая и оскорбляющая людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; информация, пропагандирующая идеи исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; информация, призывающая к насилию в отношении людей по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Наибольшее количество экстремистских проявлений отмечается в социальной сети ВКонтакте.

Самой распространенной формой проявления экстремизма в социальных сетях является графическая информация (фотографии, в том числе выполненные с использованием фотомонтажа, фотоколлажи, «мемь», нарисованные картинки), далее следует текстовая информация, видеoinформация (видеофильмы, видеоролики), аудиоинформация (речь или песни).

Экстремистские проявления по национальному признаку в социальных сетях чаще всего направлены на представителей народов Кавказа (чеченцев, ингушей, дагестанцев и др.), украинцев, представителей народов Закавказья (армян, грузин, азербайджанцев).

Среди представителей социальных групп, становившихся объектами экстремистских проявлений, респонденты называли сотрудников полиции, правозащитников, чиновников, служащих Русской православной церкви, представителей сексуальных меньшинств, учителей.

Каждый двадцатый пользователь сталкивается с интернет-сайтами, содержащими только (преимущественно) экстремистскую информацию, каждый шестой – с виртуальными объединениями (сообществами, группами, пабликами или публичными страницами со значительным числом подписчиков) людей, разделяющих идеологию экстремизма. Подавляющее их большинство связано либо с деятельностью запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», либо с украинскими националистическими объединениями.

Следует отметить, что положения, описывающие экстремистские проявления, которые использовались в анкетах, либо идентичны, либо максимально приближены к формулировкам, закрепленным в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Данным законом предусмотрено, что за осуществление экстремистской деятельности и распространение экстремистских материалов граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством порядке.

Выводы проведенного нами криминологического исследования позволяют утверждать, что масштабы экстремистских проявлений в социальных сетях явно не соответ-

ствуюют количеству фактов привлечения к ответственности лиц за осуществление экстремистской деятельности и распространение экстремистских материалов. Это может как свидетельствовать о неэффективной деятельности государственных органов по противодействию экстремистским проявлениям в социальных сетях, так и служить основанием для

переосмысления нормативного подхода к пониманию экстремистской деятельности (экстремизма), отраженного в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ, Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях. Второй вариант нам представляется более предпочтительным.

Литература

1. Грибанов Е. В. Экстремизм в молодежной среде в контексте этнокультурной коммуникации // Актуальные вопросы противодействия экстремизму и терроризму: сб. матер. межвуз. круглого стола. Воронеж, 2015.

2. Рыдченко К. Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.

3. Уразаева Г. И. Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 3.

4. Панфилова Ю. С. Экстремизм в виртуальной среде как социальная проблема: отражение в сознании молодежи // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9.

5. Кузнецова Е. В. Предупреждение криминального влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних // Вестн. экон. безопасности. 2016. № 1.

6. Большчев Н. И. Противодействие вовлечению молодежи в радикальные организации, осуществляемому с помощью сети Интернет // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 1.

7. Стороженко О. Ю. Противодействие экстремизму в информационном пространстве социальных сетей // Общество и право. 2014. № 2.

Bibliography

1. Gribanov E. V. Extremism in the youth environment in the context of ethno-cultural communication // Actual issues of combating extremism and terrorism: the collection of materials of interuniversity round table. Voronezh, 2015.

2. Rydchenko K. D. Administrative Law Support of Information and Psychological Safety by Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Voronezh, 2011.

3. Urazayeva G. I. Methodological principles of studying of the criminal's personality and criminal behavior // Vestnik of Kazan Law Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2014. № 3.

4. Panfilova Y. S. Extremism in virtual environment as social problem: reflection in youth's consciousness // Almanac of Modern Science and Education. 2014. № 9.

5. Kuznetsova E. V. How to protect underage users from criminogenic influence of internet // Vestnik of economic security. 2016. № 1.

6. Bolychev N. I. Counteraction of youth involvement in radical organizations, carried out by the internet // Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2016. № 1.

7. Storozhenko O. Yu. Countering extremism in the information space of social networks // Society and Law. 2014. № 2.

© 2016 г. О. Г. Тарнаков,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (918) 554-50-77.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ

В статье раскрывается понятие прокурорского надзора за предварительным следствием, определяются его цели, направления деятельности прокуратуры. Автор анализирует статистику по выявленным прокурорами следственным ошибкам, устанавливаются актуальные вопросы надзора за предварительным расследованием.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, прокурор, предварительное расследование.

O. G. Tarnakov – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CURRENT ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article reveals the concept of prosecutorial supervision over the preliminary investigation, determination of goals prosecutorial activities of the Prosecutor's office. The author analyzes the statistics identified by prosecutors investigating errors are installed the actual issues of the oversight of preliminary investigation.

Key words: prosecutorial supervision, Prosecutor's office, Prosecutor, preliminary investigation.

Прокуратура РФ есть единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующих на ее территории законов, также выполняющих иные функции, установленные федеральными законами [2]. Целями прокурорской деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве, являются:

- 1) обеспечение верховенства закона;
- 2) обеспечение единства и укрепления законности;
- 3) защита прав и свобод человека и гражданина;
- 4) защита охраняемых законом интересов общества и государства (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 03.07.2016) «О прокуратуре Российской Федерации»).

В уголовном судопроизводстве понятие «прокурор» имеет более узкое значение. Согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ под ним понимается «Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре» [1].

Поэтому, исходя из общих целей прокурорской деятельности и с учетом специфики уго-

ловного судопроизводства, перед прокурором в этой области деятельности законодателем поставлены соответствующие задачи. На него как на должностное лицо в пределах его компетенции, установленной уголовно-процессуальным законодательством, возлагается осуществление от имени государства уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) [1].

«По-прежнему значительное количество уголовных дел возвращается прокурорами для дополнительного расследования. Повсеместно следственными органами нарушаются конституционные права граждан. Среди очень часто выявляемых прокурорами нарушений – незаконное возбуждение уголовных дел, необоснованное привлечение к уголовной ответственности, нарушение прав участников уголовного судопроизводства» [4]. «Кроме того, во всех правоохранительных органах не искоренены случаи укрывательства преступлений от регистрации и учета. В течение 2015 года прокурорами восстановлено на учет более 10 тыс. преступлений, в связи с чем почти 52 тыс. должностных лиц привлечены к дисциплинарной и 105 – к уголовной ответственности. Растет общее число нарушений закона, выявленных прокурорами в уголовно-правовой сфере, увеличивается количество обоснован-

ных жалоб на действия и решения следователей, дознавателей, органов дознания» [6].

Для органов прокуратуры правозащитная функция – обеспечение соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина – является одной из ключевых задач. Борьба с укрытием преступлений от учета всегда была приоритетным направлением деятельности прокуратуры. Ежегодные отчеты традиционно переполнены массой фактов: о незаконных отказах в приеме заявления о преступлении, необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел. Выявив такие случаи, прокуроры активно ставили преступления на учет, возбуждали уголовные дела, чем безнадежно «снижали» результаты раскрываемости, правоохранительной деятельности в целом [7].

Сведения о том, что анализируемый вид прокурорской деятельности не был основан на реальных фактах, в юридической литературе отсутствуют. Это обстоятельство убедительно свидетельствует об исключительной эффективности анализируемой формы борьбы с преступностью, ибо очевидно, что прежде чем бороться с преступностью, следует как можно скорее и более точно определить ее формы и размеры. Законодатель, посчитав недопустимым совмещение в одних руках функций надзора и уголовного преследования на стадии предварительного расследования, лишил прокурора права на возбуждение уголовных дел, а равно и права на отмену постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенных следователями [8]. В России идет постепенное реформирование судебной системы, направленное на процессуальное обеспечение защиты прав человека. Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства определил защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Охрана прав и свобод человека и гражданина возведена в ранг принципов уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РФ). Изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в 2010–2015 годах, свидетельствуют о намерении законодателя пересмотреть роль прокурора в уголовном судопроизводстве. В один ряд с поддер-

жанием государственного обвинения выдвигается правозащитная деятельность. Тенденция к усилению правозащитной деятельности прокурора отчетливо обозначена во всех ведомственных актах, принятых Генеральным прокурором Российской Федерации, однако ее эффективная реализация не всегда подкреплена нормами уголовно-процессуального закона, нуждается в определенном переосмыслении и правоприменительная практика [4].

Одной из приоритетных мер обеспечения законной деятельности следователей является достижение оптимального баланса процессуальной самостоятельности следователя и руководства (процессуального и организационного) его деятельностью, а также надзора за таковой. В настоящее время законодатель принял решительные меры, направленные, надо полагать, на достижение такого баланса. Сделана попытка разграничить функции процессуального руководства предварительным следствием и надзора за законностью предварительного следствия. Серьезно усилены процессуальные полномочия руководителя следственного органа за счет сокращения процессуальных возможностей прокурора [8].

В приказах Генерального прокурора РФ постоянно уделяется внимание вопросам надзора за предварительным следствием и дознанием, от подчиненных прокуроров требуется «лично вникать в организацию расследования наиболее сложных и актуальных дел, принимать меры прокурорского реагирования, направленные на устранение нарушений законности, использовать всю полноту своей власти для выявления и пресечения нарушений законности и прав граждан в процессе расследования преступлений, тщательно проверять обоснованность применения мер процессуального принуждения; лично выезжать на место происшествия по делам о бандитизме, террористических актах, массовых беспорядках, убийствах при отягчающих обстоятельствах и др.» [4].

Прокурор вправе по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и помещения поднадзорных органов, иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона; требовать от руководителей и других должностных лиц поднадзорных органов представления необходимых материалов, стати-

стических и иных сведений, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов, проведения проверок и ревизий; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов [3].

Новый этап судебно-правовой реформы сопровождается изменением роли прокуратуры в обеспечении законности в ходе предварительного следствия, дознания и оперативно-разыскной деятельности. Несоблюдение закона и нарушения прав человека в этой сфере носят весьма распространенный характер, в частности практика принятия незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел в Южном федеральном округе. В 2015 году прокурорами округа отменено 221 043 таких постановлений, абсолютное большинство из них – в Ростовской области (99 669). В 2014 году при снижении на 5,7 % количества представлений и информации, внесенных на нарушения в сфере учетно-регистрационной дисциплины (4 598 против 4 558), на 17 % увеличилось число должностных лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности (7 340 против 6 272). Этому в том числе способствовало личное активное участие прокуроров при рассмотрении актов реагирования в поднадзорных правоохранительных органах [7].

После внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ прокурор утратил следующие функции: давать согласие на возбуждение уголовного дела; возбуждать уголовное дело; принимать его к своему производству и проводить расследование в полном объеме. Ранее принадлежащие прокурору полномочия: давать следователю обязательные для исполнения письменные указания; отменять незаконные и необоснованные решения следователя; продливать срок предварительного следствия; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; разрешать отводы, заявленные следователю; отстранять следователя от ведения расследования – переданы руководителям следственных органов (как вновь созданного Следственного комитета РФ, так и действовавших ранее следственных органов в системе МВД, ФСБ) [7].

В настоящее время при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью

органов предварительного следствия прокурор уполномочен:

- в течение 24 часов с момента получения материалов отменить постановление о возбуждении уголовного дела;

- участвовать в судебном заседании при рассмотрении ходатайств следователя о производстве процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, в том числе об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, о продлении срока содержания под стражей (при этом мнение прокурора об отсутствии оснований для ареста, продлении срока содержания под стражей либо для производства иного процессуального действия, которое допускается только на основании судебного решения, для суда не является обязательным);

- утверждать обвинительное заключение;

- возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для предоставления обвинительного заключения [5].

Так, прокурорами Южного федерального округа в 2015 году выполнен значительный объем работы по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование. Возросло число уголовных дел, находившихся в производстве следственных органов (156 824, в 2014 году – 154 186) и органов дознания округа (88 033, в 2014 году – 86 494), что на 1,8 % больше, чем в 2013 году. Такое увеличение произошло за счет Краснодарского края, Волгоградской и Ростовской областей. Качество расследования уголовных дел остается на недостаточном уровне. Количество выявленных прокурорами субъектов округа нарушений закона, допущенных при производстве следствия и дознания во всех поднадзорных органах, увеличилось с 99 292 до 110 623. Значительное их число выявлено в Ростовской (54 285) и Волгоградской (19 273) областях, Краснодарском крае (19 568). Прокурорами округа, руководителям следственных органов направлено 17 768 требований об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного расследования, что на 16,1 % больше, чем в 2013 году (15 307). Активнее прокуроры стали использовать полномочия по внесению требований об устранении нарушений закона, допущен-

ных органами дознания, количество которых в 2015 году увеличилось почти в три раза.

Таким образом, мерами прокурорского реагирования не удалось кардинально изменить ситуацию, связанную с соблюдением конституционных прав граждан на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Так, в отношении 187 лиц следователями и дознавателями принято решение о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (в 2014 году – 173), 4 из них содержались под стражей (27 – 81,5 %). Число незаконно привлеченных к уголовной ответственности лиц возросло практически во всех субъектах округа, наиболее значительно – в Волгоградской области (с 18 до 34 лиц – 88,9 %).

Проблемным остается вопрос соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства. С нарушенным сроком в округе расследовано более 50 % оконченных уголовных дел, их количество увеличилось с 24 610 до 24 756. Наибольший удельный вес (42,5 %) дел, оконченных с превышением сроков следствия, отмечен в подразделениях Следственного комитета РФ. Сложная ситуация, связанная с состоянием законности в этой сфере, складывается в Ростовской области, где в срок, свыше установленного Уголовно-процессуальным кодексом РФ, расследовано 58,7 % уголовных дел (1 246 из 2 122), и в Краснодарском крае – 40,6 % (1 085 из 2 675). В органах дознания в срок, свыше установленного УПК РФ, окончено расследование 24,7 % уголовных дел (9 749 из 39 394).

Не менее острой является проблема незаконного приостановления предварительного расследования. Прокурорами округа отменено 24 721 постановление органов следствия (24 795, -0,3 %) и 17 221 постановление органов дознания (16 331, +5,4 %).

В уголовном процессе прокурор представляет государственную обвинительную власть.

Поэтому его деятельность как представителя государственного органа в уголовном процессе определяется также конституционно-правовой обязанностью охраны прав и свобод личности государством. Прокурор выступает государственным гарантом обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, а также иных лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [5].

Несмотря на существенные изменения полномочий прокурора, уголовно-процессуальный закон, тем не менее, возлагает на него выполнение двух функций – уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Осуществление уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия являются взаимосвязанными составляющими деятельности прокурора. Надзорные полномочия в досудебном производстве предоставлены ему для того, чтобы обеспечить эффективность предварительного расследования, его всесторонность, полноту и объективность и в последующем – успешное поддержание государственного обвинения в суде (в соответствии с изменениями в Уголовно-процессуальном кодексе РФ представлять уголовное преследование в суде вправе только прокурор). В новых условиях правового регулирования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства из ранее существовавших за прокурором сохранена лишь функция процессуального руководства дознанием, а также, в сокращенном виде – функция надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания [3].

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. The code of criminal procedure of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FZ (with the subsequent changes and additions) // Collected legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. № 52 (part I). Art. 4921.
2. Federal law of 17.01.1992 № 2202-1-FZ (ed. from 03.07.2016) «On the procuracy of the Russian Federation». URL: <http://consultant.ru>

3. Предварительное следствие: учеб. для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по спец. «Юриспруденция» / под ред. М. В. Мешкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
4. Синельщиков Ю. Полномочия прокурора в досудебном производстве по новому Уголовно-процессуальному кодексу // Законность. 2002. № 3.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, В. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / С. В. Некрасов. М., 2014.
7. URL: <http://iprbookshop.ru>
8. URL: <http://knigafund.ru>
3. Preliminary investigation: a textbook for cadets and listeners of educational institutions of higher professional education of the Ministry of internal Affairs of Russia on a speciality «Jurisprudence» / ed. by M. V. Meshkov. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2014.
4. Sinelshchikov Yu. Powers of the Prosecutor in pre-trial proceedings in the new code of criminal procedure // Law. 2002. № 3.
5. Criminal procedure law of the Russian Federation: tutorial / ed. by P. A. Lupinskaya, V. A. Voskobitova. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2014.
6. Criminal procedure law of the Russian Federation: tutorial / S. V. Nekrasov. Moscow, 2014.
7. URL: <http://iprbookshop.ru>
8. URL: <http://knigafund.ru>

© 2016 г. А. В. Курсаев,

заместитель начальника отдела Департамента государственной службы и кадров МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: kursaev@list.ru

ПРИЗНАКИ ПОТЕРПЕВШЕГО В СОСТАВЕ НЕОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОГО УВОЛЬНЕНИЯ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ИМЕЮЩЕЙ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ТРЕХ ЛЕТ (СТАТЬЯ 145 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье представлены результаты исследования уголовно-правовых признаков потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ. Анализируются виды лиц, которые могут быть отнесены к потерпевшим. Обращается внимание на рассогласованность между положениями трудового и уголовного законодательства в части определения лиц, интересы которых поставлены под охрану в связи с воспитанием ребенка.

Ключевые слова: потерпевший от преступления, преступления против трудовых прав граждан.

A.V. Kursaev – Deputy Head, Department of State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CHARACTERISTICS OF THE VICTIM CONSISTING OF UNREASONABLE REFUSAL IN EMPLOYMENT OR UNREASONABLE DISMISSAL OF THE PREGNANT WOMEN OR WOMEN WITH CHILDREN UNDER THE AGE OF THREE (ARTICLE 145 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article presents the results of a study of criminal-legal characteristics of the victim in the crime under article 145 of the criminal code. Analyzes the types of individuals that can be attributed to the victim. Draws attention to the mismatch between the labour and the criminal law in terms of determining the persons whose interests are secured in connection with the upbringing of the child.

Key words: victim of crime, crimes against the labour rights of citizens.

Статьей 145 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. Правильная квалификация данного деяния неразрывно связана с установлением отдельных признаков объекта этого преступления, в первую очередь перечня лиц, которые могут выступать в качестве потерпевшего от преступления.

В уголовно-правовой науке предлагаются различные дефиниции понятия потерпевшего. В частности, под потерпевшим в уголовном праве предлагается понимать «лицо, права и законные интересы которого нарушены совершением преступления» [18, с. 62], «лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным» [26, с. 100], «физическое или юридическое лицо, которому не-

посредственно преступлением причинен определенный вред» [22, с. 15], «лицо (физическое или юридическое), которому в результате преступного посягательства непосредственно причинены моральный, физический, имущественный ущерб, эмоциональные страдания или имело место нарушение его основных прав и свобод» [15, с. 25], «физическое или юридическое лицо, которому причинен физический, имущественный (материальный) или моральный вред» [4, с. 18], «субъект охраняемых уголовным законом общественных отношений, чьи права были нарушены преступлением путем причинения вреда, предусмотренного уголовным законом, либо угрозой причинения такого вреда» [2, с. 127].

При этом мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые полагают, что потерпевшим от преступления в уголовно-правовом (материальном) смысле может считаться только физическое лицо, являющееся непосредственной жертвой преступления [12, с. 66; 23, с. 37]. Так, И. А. Фаргисев отмечает, что признаки

потерпевшего включаются в составы преступлений не во всех случаях, а лишь тогда, когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его определенными условиями. Данное положение аналогично ситуации со специальным субъектом преступления [25, с. 77]. П. С. Дагель по этому поводу даже использует термин «специальный потерпевший» [4, с. 23]. Характеристика потерпевшего в уголовном праве в первую очередь определяется его деятельностью, что и обуславливает совершение в отношении него преступления.

Частью 3 ст. 64 Трудового кодекса РФ запрещено отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Одновременно ст. 261 ТК РФ установлены гарантии беременной женщине и лицам с семейными обязанностями при расторжении трудового договора.

Основой для данных норм трудового законодательства выступает ст. 38 Конституции РФ, в которой предусмотрено, что материнство и детство, семья находятся под охраной государства. Статьей 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года также определено, что для предупреждения дискриминации в отношении женщин по причине замужества или материнства и гарантирования им эффективного права на труд государства-участники принимают соответствующие меры для того, чтобы запретить под угрозой применения санкций увольнение с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминацию ввиду семейного положения при увольнении. Исходя из диспозиции уголовно-правовой нормы в качестве потерпевшего в ст. 145 УК РФ следует рассматривать беременную женщину или женщину, имеющую детей в возрасте до трех лет.

Понимание беременной женщины не вызывает серьезных затруднений на практике. В то же время необходимо отметить, что данное преступление совершается только с прямым умыслом и по мотиву беременности женщины. В связи с этим виновное лицо должно заведомо знать, что женщина находится в состоянии беременности. Заведомость в данном случае означает осведомленность о наличии состояния беременности у потерпевшей. В сознании виновного не должно быть каких-либо сомнений и пред-

положений относительно состояния беременности. Виновный должен быть внутренне убежден, что женщина беременна.

Если же виновный увольняет женщину, будучи уверен, что она беременна, но в действительности этого состояния у нее нет, то такие случаи должны быть квалифицированы по правилам фактической ошибки относительно личности потерпевшего. В частности, если женщина, которая была уволена, в состоянии беременности не находится, вменение виновному ст. 145 УК РФ не представляется возможным. Такие действия не образуют признаков состава преступления, установленного ст. 145 УК РФ, в связи с отсутствием потерпевшего. Прерывание беременности после увольнения на квалификацию не влияет [3, с. 56].

Вторая категория лиц, которые являются потерпевшими применительно к ст. 145 УК РФ, – это женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет. Круг лиц, которые охватываются данным понятием, требует дополнительного толкования.

Во-первых, это, безусловно, биологическая мать ребенка [7, с. 820; 8, с. 539]. В некоторых случаях ребенок биологической матери может быть усыновлен (удочерен). Усыновление (удочерение) не всегда прекращает личные неимущественные отношения. Так, в силу п. 3 и 5 ст. 137 Семейного кодекса РФ при усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина. О сохранении отношений усыновленного ребенка с одним из родителей или с родственниками умершего родителя указывается в решении суда об усыновлении ребенка. Прекращение прав и обязанностей по представительству и защите прав и законных интересов ребенка в отношении родителей ребенка будет иметь место и в случае установления опеки над ребенком (п. 2 ст. 148¹ СК РФ).

Во-вторых – женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет в случае их усыновления (удочерения). При этом она приобретает все права родственника по происхождению [8, с. 539]. Так, в соответствии с п. 1 ст. 137 СК РФ усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и иму-

ществленных правах и обязанностях к родственникам по происхождению.

В-третьих – опекуны ребенка. Перечень лиц, которые могут быть опекунами, определен в ст. 146 СК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту их прав и законных интересов в любых отношениях без специального полномочия. Попечители не могут выступать в качестве потерпевшего по ст. 145 УК РФ, так как попечительство устанавливается над детьми в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Между тем субъектом данного преступления является мать ребенка, имеющая детей в возрасте до трех лет.

В связи с внесением изменений в Семейный кодекс РФ решен вопрос и о возможности признания потерпевшим также лиц, воспитывающих ребенка в качестве приемного родителя, который ранее был дискуссионным. Так, Н. А. Лопашенко относила к числу потерпевших женщину, имеющую приемного ребенка [14, с. 28]. По мнению Н. В. Качиной, напротив, право на труд приемной матери не может охраняться ст. 145 УК РФ. Право на труд приемных родителей уже реализовано, и оснований для обеспечения их дополнительными гарантиями, предусмотренными ст. 61, 261 и 264 ТК РФ, нет [5, с. 61].

Однако Семейный кодекс РФ к отношениям, возникающим из договора о приемной семье, применяет положения об опеке и попечительстве. Согласно п. 2 ст. 153 СК РФ приемные родители по отношению к принятому на воспитание ребенку или детям осуществляют права и исполняют обязанности опекуна или попечителя и несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в порядке и на условиях, которые предусмотрены федеральным законом и договором.

Учитывая изложенное, Семейный кодекс РФ во многом приравнивал опекунов и приемных родителей. При таких обстоятельствах за приемными родителями также должен признаваться статус потерпевшего по ст. 145 УК РФ.

А. П. Кузнецов и Н. А. Лукьянова, комментируя ст. 145 УК РФ, обращают внимание на некорректное описание в ней признаков потерпевшего: следуя буквальному толкованию уго-

ловного закона, речь в нем идет о женщине, имеющей как минимум двоих детей, не достигших возраста трех лет [13, с. 50]. Указанное затруднение может быть преодолено посредством толкования уголовного закона, то есть «объяснения уголовного закона, выяснения его смысла, определения того содержания, которое вкладывал в него законодатель» [27, с. 132].

Названная проблема должна быть разрешена путем грамматического толкования на основе уяснения синтаксических признаков ст. 145 УК РФ [28, с. 298–301], а также толкования уголовного закона по объему, в данном случае – его расширительного толкования.

Каждая уголовно-правовая норма рассчитана на применение к единичному случаю. При толковании терминологического ряда «женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет» следует согласиться с Н. В. Качиной [5, с. 68] и М. Б. Костровой [10, с. 38; 11, с. 64, 68] в том, что законодатель использовал такой филологический прием, как синекдоха – синонимическое употребление множественного числа имен существительных в значении единственного при описании предмета преступления или потерпевшего. Исходя из этого правильным представляется точка зрения тех ученых, которые полагают, что у женщины, чтобы быть потерпевшей применительно к преступлению, предусмотренному ст. 145 УК РФ, достаточно наличия одного ребенка, не достигшего трехлетнего возраста [1, с. 215; 5, с. 68; 9, с. 466; 20, с. 94; 24, с. 115; 29, с. 550].

Анализ ст. 145 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что потерпевшим по данному преступлению в силу прямого указания на это в диспозиции нормы может быть только женщина. Действительно, ст. 64 УК РФ предусматривает гарантии, связанные с установлением запрета отказывать в заключении трудового договора, только в отношении женщин. Однако ст. 261 ТК РФ гарантии, касающиеся ограничения права работодателя на увольнение, распространены помимо беременных женщин и женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, также на одиноких матерей, воспитывающих ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет или малолетнего ребенка – ребенка в возрасте до четырнадцати лет, других лиц, воспитывающих указанных детей без матери, родителей (иных законных представителей ребенка), являющихся единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет

либо единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, воспитывающей трех и более малолетних детей, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях. Более того, ст. 264 ТК РФ определено, что гарантии и льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством (ограничение работы в ночное время и сверхурочных работ, привлечение к работам в выходные и нерабочие праздничные дни, направление в служебные командировки, предоставление дополнительных отпусков, установление льготных режимов труда и другие гарантии и льготы, установленные законами и иными нормативными правовыми актами), распространяются на отцов, воспитывающих детей без матери, а также на опекунов (попечителей) несовершеннолетних.

Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 22 ноября 2011 года № 25-П и от 15 декабря 2011 года № 28-П, определении от 4 ноября 2004 года № 343-О сформулирована правовая позиция, согласно которой ст. 261 ТК РФ по своей сути является трудовой льготой, направленной на обеспечение поддержки материнства и детства; такого рода повышенная защита предоставляется беременным женщинам как нуждающимся в особой социальной защищенности в сфере труда, она обусловлена необходимостью предотвращения возможных дискриминационных действий недобросовестных работодателей, стремящихся избежать в дальнейшем предоставления установленных законодательством в связи с материнством гарантий и льгот, а также трудностями поиска работы, с которыми сталкивается беременная женщина. Предоставление мер повышенной социальной защиты в данном случае обусловлено в первую очередь охраной детей.

На недопустимость установления различий, необоснованно ставящих семьи, воспитывающие детей, в неравное положение в вопросах доступа к льготам, направленным на поддержку детей и семьи в целом, указывал и Европейский суд по правам человека (постановление от 31 марта 2009 года по делу «Веллер (Weller) против Венгрии»). Возникает вопрос о возможной дискриминации мужчин, имеющих детей в возрасте до трех лет, интересы которых ст. 145 УК РФ не охраняются. Уголовный кодекс РФ в ст. 4 исходит из понимания принципа равенства граждан перед законом применительно к равенству

лиц, совершивших преступление, при привлечении их к уголовной ответственности. Однако данное понимание представляется слишком узким.

Так, к принципу равенства предлагается также относить положения о том, что «уголовное право Российской Федерации обеспечивает равные средства правовой охраны человека, общества и государства. Ничто не может служить основанием для дискриминации в правовой охране» [19, с. 111]. В. В. Мальцев также отмечает, что принцип равенства «предполагает равную по способу и мерам воздействия на виновных правовую защищенность одинаковых по социальной значимости интересов... Равная правовая защищенность одинаковых по социальной ценности общественных отношений обеспечивается законодателем при криминализации деяний и окончательно реализуется в суде применительно к каждому конкретному случаю» [16, с. 153–154]. Солидарно с ним Т. В. Кленова указывает, что принцип равенства граждан перед законом «прежде всего, предполагает равенство оснований для уголовной ответственности» [6, с. 56].

В этой связи отдельные авторы указывают на необходимость расширения сферы действия принципа равенства граждан перед законом. Например, И. Г. Набиев предлагает дополнить статью 4 частью 2 следующего содержания: «Потерпевшие от преступления имеют равное право требовать привлечения виновного к уголовной ответственности и на возмещение причиненного им вреда» [17, с. 8].

Таким образом, ситуация, когда интересы женщин и мужчин поставлены законодательством о труде в равную правовую охрану, а уголовный закон обеспечивает защиту только женщин, не может быть признана обоснованной. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» устанавливает равенство в сфере права на труд и распространяется на трудящихся мужчин и женщин, имеющих семейные обязанности в отношении находящихся на их иждивении детей, когда такие обязанности ограничивают их возможности подготовки, доступа, участия или продвижения в экономической деятельности. Сами мужчины и женщины в таком случае именуется «трудящимися с семейными обязанностями».

Исходя из этого сравнение трудовых гарантий с мерами их уголовно-правового обеспечения показывает, что разрыв между ними не преодолен. Указание в ст. 145 УК РФ на уголовно-правовую охрану только женщин обусловлено в первую очередь исторической традицией. Статья 139 УК РСФСР 1960 года также предусматривала ответственность за отказ в приеме на работу или увольнение с работы женщины по мотивам ее беременности, а равно отказ в приеме на работу или увольнение с работы матери, кормящей грудью, по этим мотивам.

В целях исправления сложившейся ситуации высказано предложение об изменении редакции ст. 145 УК РФ путем расширения круга потерпевших, относя к ним не только женщин, но и лиц, выполняющих семейные обязанности. Н. В. Качина определяет их как «лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием ребенка» [5, с. 70]. По мнению А. П. Кузнецова и Н. А. Лукьяновой, круг потерпевших следует расширить, изложив диспозицию ст. 145 УК РФ в следующей редакции: «Отказ в заключении трудового договора, перевод или увольнение трудящихся с семейными обязанностями (беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, отца, воспитывающего без матери ребенка в возрасте до трех лет, а также опекуна ребенка, не достигшего возраста трех лет) наказываются...» [13, с. 51]. О. Е. Репетова также для наиболее полного охвата лиц, чье право на труд должно быть гарантировано уголовным законодательством, к числу потерпевших предлагает отнести иных лиц, воспитывающих детей до трех лет без матери (отцы, воспитывающие ребенка без матери, опекуны несовершеннолетних) [20, с. 94]. Н. В. Качина к числу потерпевших относит: беременных женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, одиноких матерей, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет, одиноких матерей, воспитывающих ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, иных лиц, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет, ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет (отцы, иные родственники (бабушки, дедушки, сестры), одинокие усыновители, опекуны и попечители) [5, с. 62–63, 65]. А. В. Серебrenникова предлагает расширить круг потерпевших, предусмотренных ст. 145 УК РФ, включив в него также отцов и опекунов, воспитывающих детей в возрасте до трех лет. По ее мнению, ситуация, при которой потерпевшей является только беременная

женщина или женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет, является ограничительной и не отвечающей современному пониманию защиты таких конституционных прав человека и гражданина, как право на труд, равноправие граждан независимо от пола и защита материнства и детства [21, с. 13]. Н. В. Бердычевская также полагает, что круг потерпевших должен быть расширен. Потерпевшими по ст. 145 УК РФ должны быть признаны: беременные женщины, женщины-матери с детьми до трех лет, мужчины-отцы, в одиночку воспитывающие детей в возрасте до трех лет, опекуны детей до трех лет [3, с. 58]. За распространение охранительной функции уголовного закона на ситуации, когда нарушения трудового законодательства, охватываемые ст. 145 УК РФ, совершаются в отношении лиц, самостоятельно занимающихся воспитанием ребенка без матери в возрасте до трех лет, выступает и А. С. Курманов. Он предлагает дополнить диспозицию ст. 145 УК РФ словами «а равно совершение аналогичных действий в отношении лица, самостоятельно занимающегося воспитанием ребенка без матери в указанный период (до трехлетнего возраста), по этому мотиву» [29, с. 912].

Данные предложения, безусловно, заслуживают внимания. Рассогласованность между положениями регулятивного (трудовое право) и охранительного (уголовное право) законодательства недопустима. Это позволит снять также имеющуюся проблему в квалификации, при которой необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, квалифицируется по ст. 145 УК РФ и может влечь максимальное наказание в виде обязательных работ, а аналогичные действия, совершенные в отношении мужчин, при определенных обстоятельствах могут охватываться признаками деяния, предусмотренного ст. 136 УК РФ, максимальное наказание за которое влечет уже лишение свободы на срок до пяти лет. То есть интересы мужчин охраняются гораздо более строго, чем интересы женщин.

В связи с этим круг потерпевших по ст. 145 УК РФ должен коррелировать с кругом лиц, права которых охраняются Трудовым кодексом РФ. Однако несовпадение круга лиц, чьи права защищаются в случае необоснованного отказа в приеме на работу и необоснованного увольнения, имеет место и в самом Трудовом кодексе.

Следует согласиться с мнением Н. В. Качиной о том, что для внесения предложений о расширении круга потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, необходимо в самом трудовом законодательстве защитить одинаковый круг лиц – как от необоснованного отказа в приеме на работу, так и от необоснованного увольнения в связи с наличием детей [5, с. 58].

Литература

1. Алиев В. М., Гладких В. И., Ходусов А. А. Уголовная ответственность за посягательства на права и свободы личности: науч.-практ. коммент. М., 2014.
2. Анощенко С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2006.
3. Бердычевская Н. В. Ответственность за совершение преступлений, посягающих на конституционные права граждан в сфере трудовых отношений (уголовно-правовой и криминологический аспекты). М., 2011.
4. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.
5. Качина Н. В. Уголовно-правовая охрана права на труд лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием ребенка. М., 2013.
6. Кленова Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации // отв. ред. А. М. Куренной, С. П. Маврин, Е. Б. Хохлов. М., 2005.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2010.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М., 2007.
10. Кострова М. Грамматическое или языковое толкование уголовного закона? // Законность. 2002. № 3.
11. Кострова М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования // Журнал российского права. 2002. № 8.
12. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976.
13. Кузнецов А. П., Лукьянова Н. А. Ответственность за преступление, предусмотрен-

Таким образом, в современном уголовном законодательстве значительно сужена сфера уголовно-правовой охраны лиц, воспитывающих ребенка. В условиях повышенной социальной уязвимости данных лиц представляется необходимым расширить сферу уголовно-правовой защиты, обеспечив равный доступ к уголовно-правовым средствам охраны как мужчин, так и женщин.

Bibliography

1. Aliev V. M., Gladkikh V. I., Khodusov A. A. Criminal liability for violation of the rights and freedoms of the individual: scientific and practical commentary. Moscow, 2014.
2. Anashenkov S.V. Criminal law the doctrine of victim / ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, 2006.
3. Berdychevska N. V. Liability for crimes that infringe on the constitutional rights of citizens in sphere of labour relations (criminal law and criminological aspects). Moscow, 2011.
4. Dage P. S. The Victim in the Soviet criminal law // The Victim from the crime of the Plaine. Vladivostok, 1974.
5. Kachina N. V. Criminal legal protection of the right to work of persons in need of greater increased social protection in connection with pregnancy and child rearing. Moscow, 2013.
6. Klenova T. V. Principles of criminal law and codification principles in penal law // State and law. 1997. № 1.
7. The commentary to the Labour code of the Russian Federation / ed. by A. M. Kurennoy, S. P. Mavrin, E. B. Khokhlov. Moscow, 2005.
8. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / ed. by A. V. Brilliantov. Moscow, 2010.
9. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / ed. by V. T. Tomin, V. V. Sverchkova. Moscow, 2007.
10. Kostrova M. Grammatical or linguistic interpretation of the criminal law? // The legitimacy. 2002. № 3.
11. Kostrova M. B. Graphic-expressive means of language in the criminal law: admissibility of use // Journal of Russian law. 2002. № 8.
12. Krasikov A. N. The nature and significance of the consent of the victim in the Soviet criminal law. Saratov, 1976.
13. Kuznetsov A. P., Lukyanova N. A. The responsibility for the crime under article 145 of the criminal code // Labor law. 2003. № 8.
14. Lopashenko N. A. Criminal violations of labor law // Labor law. 2003. № 4.

- ренные статьей 145 УК РФ // Трудовое право. 2003. № 8.
14. Лопашенко Н. А. Преступные нарушения трудового законодательства // Трудовое право. 2003. № 4.
15. Лакеев А. А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 1995. № 1.
16. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004.
17. Набиев И. Г. Принципы назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
18. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. М., 2009.
19. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Содружества Независимых Государств. СПб., 2003.
20. Репетева О. Е. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу, необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5.
21. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
22. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003.
23. Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань, 1998.
24. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2004.
25. Фаргиев И. Терминология о потерпевшем в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2.
26. Фаргиев И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009.
27. Шаргородский М. Д. Избр. тр. / сост. Б. В. Волженкин. СПб., 2004.
28. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон. СПб., 2005.
29. Энциклопедия уголовного права. Т. 16: Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб., 2011.
15. Lackeev A. A. The Victim of the crime (criminally-legal aspect) // Man: crime and punishment. 1995. № 1.
16. Maltsev V. V. Principles of criminal law and their implementation in law enforcement. St. Petersburg, 2004.
17. Nabiev I. G. The Principles of sentencing: abstract dis. ... PhD in Law. Kazan, 2004.
18. Pudovochkin Yu. E. The Doctrine of corpus delicti. Moscow, 2009.
19. Pudovochkin Yu. E., Pirvagidov S. S. The Concept, principles and sources of criminal law: a comparative legal analysis of legislation of Russia and the Commonwealth of Independent States. St. Petersburg, 2003.
20. Repeteva O. E. Criminal liability for the unjustified refusal of employment unreasonable dismissal of the pregnant woman or woman having children under three years of age // Vector science TSU. 2009. № 5.
21. Serebrennikova A. V. Criminal-legal ensuring of constitutional rights and freedoms of man and citizen according to the legislation of the Russian Federation and Germany: abstract dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2008.
22. Sidorenko E. L. Negative behavior of the victim and the criminal law. St. Petersburg, 2003.
23. Sidorov B. V. Behavior of victims of crime and criminal liability. Kazan, 1998.
24. Criminal law. The special part / ed. by L. D. Gaukhman, S. V. Maksimova. Moscow, 2004.
25. Fargiev I. Terminology about the victim in criminal law // Criminal law. 2004. № 2.
26. Fargiev I. A. Criminal-legal and criminological basis of the doctrine about the victim. St. Petersburg, 2009.
27. Shargorodsky M. D. Selected works / comp. B. V. Volzhenkin. St. Petersburg, 2004.
28. Encyclopedia of criminal law. Vol. 2: Criminal law. St. Petersburg, 2005.
29. Encyclopedia of criminal law. T. 16: Crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen. St. Petersburg, 2011.

© 2016 г. С. Е. Пролетенкова,

главный научный сотрудник НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (916) 143-93-49.

А. П. Беликов,

старший научный сотрудник отдела по обеспечению деятельности научной секции, научно-консультативного совета и подготовки научных кадров Центра организации обеспечения научно-исследовательских работ Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (926) 166-61-32.

ПРОЕКТ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ «ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ КРУПНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И МАССОВЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ»: ОСНОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье исследуются вопросы необходимости разработки и принятия модельного закона Содружества Независимых Государств «Об обеспечении безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий». Авторами представлен проект указанного закона.

Ключевые слова: модельный закон, спортивные мероприятия, государства – участники Содружества Независимых Государств, безопасность.

S. E. Proletenkova – Chief Scientific officer, Scientific Centre № 4, all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

A. P. Belikov – Senior Researcher, Department Ensuring the Scientific Sections Activities, Scientific Advisory Board and Research Training Centre to provide Scientific Research all-Russian Research Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

DRAFT OF MODEL LAW OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES «ON ENSURING THE SECURITY OF MAJOR INTERNATIONAL AND MASS SPORTS EVENTS»: THE BASE OF DEVELOPMENT, PROSPECTS AND PROPOSALS

The article questions the need for the development and adoption of Commonwealths of Independent States model law «On ensuring the safety of large international and mass sports events». The presented project of the act.

Key words: model law, sports events, the Commonwealths of Independent States, member states, safety.

Важной составной частью социально-экономической политики каждого государства является всестороннее и эффективное развитие физической культуры и спорта. Не случайно именно эти вопросы достаточно часто становятся предметом обсуждения первых лиц государства. На одном из последних масштабных мероприятий – заседании Совета при Президенте по развитию физической культуры и спорта в городе Казани (22 апреля 2016 года) – Президент России В. В. Путин дал ряд поручений по «разработке комплекса мероприятий, направленных на создание условий для устойчивого развития физической культуры и спорта в России» [1].

В ведущих государствах мира речь сегодня идет о коренном изменении социального статуса физической культуры и спорта как одной

из составляющих национальной идеи, формирующей здоровый образ жизни людей, жизнеспособность населения, престиж государства [2, с. 3]. В связи с этим, являясь носителем общественных интересов, каждое государство стремится сформировать не только общенациональную модель физкультурно-спортивного движения, но и интегрироваться в мировую систему спортивных связей, имеющую многочисленные направления: спортивное, лечебно-реабилитационное, профессионально-прикладное, физкультурно-рекреативное, адаптивное, физкультурно-гигиеническое и пр. Многообразность проявлений указанной системы, ее многофункциональность и разноплановость требуют, как и другие сферы деятельности людей, нормативно-правового регулирования и обеспечения. Появление междуна-

родных нормативных правовых актов в сфере физической культуры и спорта обусловлено, с одной стороны, выработкой единообразной политики в физкультурно-спортивной отрасли и неких единых принципов последующей деятельности, а с другой стороны, необходимостью создания единой нормативной правовой базы для работы с национальными федерациями и министерствами, клубами и спортсменами.

Так, в настоящее время приняты и успешно действуют Международная хартия физического воспитания и спорта 1978 года, Спортивная хартия Европы 1992 года, Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 года, Международная конвенция против апартеида в спорте 1986 года, Кодекс спортивной этики Совета Европы 1985 года, Конвенция против применения допинга 1989 года, Найробский договор об охране олимпийского символа 1981 года и др.

Целый ряд международных правовых актов направлен на противодействие негативным проявлениям в сфере спорта, борьбу с правонарушениями в ходе проведения спортивных мероприятий. Среди них особое значение имеют: Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей 1985 года, Декларация Совета Европы «О борьбе с насилием среди зрителей» 1999 года, Рекомендации Совета Европы по борьбе с хулиганством в футболе 1999 года, Рекомендации Совета Европы относительно идентификации нарушителей и обмена информацией во время чемпионатов Европы и мира по футболу 2000 года, Резолюция Европейского союза по профилактике и борьбе против хулиганства в футболе 1997 года и др. Некоторые из международных документов регламентируют общие вопросы, связанные с сотрудничеством в сфере борьбы с преступностью, затрагивая при этом вопросы спортивной деятельности: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года, Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 года и пр. Особо следует отметить, что в настоящее время происходит согласование проекта Конвенции Совета Европы о едином подходе к обеспечению безопасности, охране общественного порядка и обслуживанию во время спортивных соревнований (Страсбург, Франция).

Существенное внимание вопросам проведения физкультурно-спортивных мероприя-

тий и развитию спорта уделяется в рамках СНГ. Так, Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ приняты Модельный закон о студенческом спорте (Санкт-Петербург, 16 июня 2003 года), Модельный закон о национальных видах спорта (Санкт-Петербург, 26 марта 2002 года), Модельный закон о профессиональном спорте (Санкт-Петербург, 31 мая 2007 года).

Советом глав правительств СНГ утверждена Стратегия развития физической культуры и спорта государств – участников Содружества Независимых Государств до 2020 года (Ашхабад, 30 мая 2012 года), в которой определены основные цели, задачи и направления межгосударственного сотрудничества в деле развития физической культуры и спорта в СНГ.

Вместе с тем, несмотря на повышенное внимание к сфере обеспечения безопасности в спорте, общемировые тенденции позволяют говорить о том, что не все проблемы в этой области решены. Многие авторы отмечают сложности при подготовке и проведении крупных спортивных мероприятий, связанные с повышенной опасностью совершения террористических актов. В частности, И. А. Селезнев указывает на то, что «крупные спортивные мероприятия, и прежде всего Олимпийские игры, используются террористами для достижения своих целей. При этом цели террористов включают не только нанесение максимального материального ущерба и человеческие жертвы, но и получение возможности широкой рекламы» [3, с. 7].

Факты свидетельствуют о недопустимо высоком числе случаев экстремистских действий, групповых нарушений общественного порядка, хулиганского поведения в местах проведения массовых мероприятий, в том числе спортивных соревнований. При этом подобные негативные проявления наиболее часто возникают при проведении соревнований по игровым видам спорта международного уровня либо при участии в спортивных соревнованиях команд, являющихся центром активных фанатских движений, имеющих длительную историю взаимного противоборства.

В рамках СНГ указанные проблемы наиболее часто проявляются в Российской Федерации, Беларуси, Казахстане.

Анализ нормативного правового обеспечения сферы спортивной безопасности позволяет утверждать о неравномерности его развития в странах СНГ. Так, Беларусь, Россия, Казахстан, Молдова предпринимают определенные усилия по нормативной модерниза-

ции данного сектора безопасности, другие страны, которые составляют большинство, в повседневной практике руководствуются общими правовыми предписаниями в сфере организации и проведения массовых мероприятий, что минимизирует возможность воздействия на специфические признаки общественных отношений, существенно снижает предупредительно-профилактические возможности деятельности уполномоченных субъектов обеспечения безопасности в рассматриваемой сфере. «В настоящее время ни одно государство – участник СНГ не обладает систематизированной нормативной правовой базой по обеспечению безопасности при проведении спортивных мероприятий либо даже единым нормативным правовым актом, регламентирующим подобного рода правоотношения» [4, с. 21].

Такое положение дел несет в себе как минимум три существенных негативных тенденции: 1) создает реальную и потенциальную незащищенность всех категорий участников массовых спортивных соревнований, проводимых в рамках СНГ, от угроз безопасности в сфере спорта; 2) несет имиджевые потери, связанные с организацией и проведением крупных спортивных соревнований в рамках СНГ; 3) тормозит интеграцию стран СНГ в общемировую систему обеспечения спортивной безопасности.

Это свидетельствует в пользу необходимости разработки и принятия модельного закона СНГ «Об обеспечении безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий» (далее – Модельный закон), который стал бы отправной точкой единообразного развития нормативной правовой базы государств – участников СНГ в указанной сфере. Вместе с тем справедливо отметить, что в современных условиях имеется целый ряд объективных и субъективных причин, позволяющих утверждать, что одно лишь принятие модельного закона вряд ли повлияет на существующее положение дел. Таким образом, представляется, что разработка и принятие модельного закона актуальны только в том случае, если, будучи подчиненным логике нормотворчества, он послужит основой для системы соподчиненных нормативных актов, которые в совокупности представляют собой матрицу принятия конкретных организационных, финансовых, хозяйственных, управленческих решений и действий, направленных на всестороннее обеспечение безопасности массовых спортивных мероприятий.

В связи с вышеизложенным главными це-

лями правового регулирования модельного закона должны выступать:

1) внедрение в СНГ единообразных подходов к законодательному закреплению полномочий органов государственной власти, правоохранительных органов и органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка и общественной безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий;

2) установление единообразного порядка организации и проведения массовых спортивных мероприятий;

3) нормативное решение всех вопросов, связанных с обеспечением безопасности и правопорядка, в том числе распределением ответственности между всеми субъектами обеспечения безопасности, выработкой требований к технической оснащённости объектов спорта, сертификацией и категорированием объектов спорта, закреплением основ межгосударственного взаимодействия в рассматриваемой сфере и др.;

4) нормативное закрепление рекомендаций по привлечению к юридической ответственности за нарушение правопорядка и общественной безопасности в период проведения спортивных мероприятий.

Предметом регулирования модельного закона должны быть общественные отношения, возникающие в связи с проведением международных массовых спортивных мероприятий на территории СНГ. Действие модельного закона не может распространяться на иные зрелищные мероприятия, проводимые в рамках СНГ.

Основными задачами модельного закона должны являться:

– распределение ответственности за обеспечение безопасности лиц, участников спортивных мероприятий;

– внедрение единообразной терминологии в сфере обеспечения безопасности массовых спортивных мероприятий;

– координация деятельности всех субъектов организации и обеспечения правопорядка и общественной безопасности на спортивных сооружениях;

– разработка и реализация нормативных актов, устанавливающих порядок и правила проведения массовых мероприятий и поведения участников спортивных соревнований, технические требования, национальные стандарты к физкультурно-спортивным сооружениям, а также меры уголовной и административной ответственности физических и юридических лиц за их нарушения;

– пропаганда среди населения, в первую очередь среди молодежи, направленная на борьбу с насилием в спорте и хулиганством;

– улучшение качества социально-профилактической работы с болельщиками;

– создание эффективной системы связи с общественностью (предоставление информации в СМИ, организация встреч с болельщиками и др.), координация обмена информацией с соответствующими ведомствами и организациями зарубежных стран;

– обеспечение эксплуатационной надежности строительных конструкций физкультурно-спортивных сооружений.

Примерная структура проекта модельного закона может включать в себя следующие главы, содержащие дополнительные разделы по конкретизации общих положений:

Глава 1. Общие положения.

Глава 2. Порядок организации и проведения спортивного или иного массового мероприятия (в том числе закрепление требований к организаторам спортивных мероприятий; к местам, объектам, трассам и т. д. проведения спортивных мероприятий; к порядку приостановления, запрещения спортивных мероприятий, взаимодействия всех лиц, участвующих в организации и обеспечении безопасности мероприятия, особенно распорядителей, стюардов, волонтеров и др.; к ограничению продажи спиртных напитков, проносу запрещенных предметов, использованию во время проведения соревнований запрещенных средств поддержки).

Глава 3. Безопасность спортивных и иных массовых мероприятий, а также сооружений (в том числе основы сертификации и категорирования объектов спорта; требования к коммерческим службам, привлекаемым к обеспечению безопасности; основы распределения ответственности за обеспечение безопасности между субъектами обеспечения безопасности; требования к оснащению мест проведения

спортивных мероприятий техническими средствами охраны; установление запрета на возбуждение вражды и призывы к насилию, на незаконное проникновение на территорию спортивных объектов или иных мест проведения спортивных мероприятий в период подготовки и их непосредственного проведения).

Глава 4. Правила поведения участников мероприятия.

Глава 5. Ответственность за нарушения в сфере организации и проведения массовых спортивных мероприятий (предусмотреть исчерпывающий перечень деяний, влекущих административную, уголовную, дисциплинарную, гражданскую ответственность, с указанием конкретных правовых норм, рекомендуемых к имплементации в национальные законодательные системы, а также рекомендуемых к установлению видов и размеров наказания).

Глава 6. Заключительные положения.

Представляется, что в качестве основы для разработки проекта модельного закона может быть использован проект федерального закона «Об обеспечении безопасности при проведении спортивных и иных массовых мероприятий в Российской Федерации» (наиболее целесообразно – после прохождения процедуры принятия в качестве федерального закона).

Кроме того, по нашему мнению, в текст модельного закона необходимо включить положения, касающиеся создания единого на пространстве СНГ автоматизированного банка данных на правонарушителей, склонных к совершению деликтов в ходе спортивных мероприятий. При этом должны быть предусмотрены механизмы соединения указанного банка данных с данными автоматизированных систем продажи билетов на авиа- и железнодорожный транспорт, иные виды междугородного и международного транспорта.

Литература

1. <http://www.kremlin.ru/press/announcements/51766>
2. Медведев С. А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
3. Селезнев И. А. Противодействие политическому терроризму в сфере международного спорта: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
4. Красовский С. Я. К вопросу о правовом регулировании физической культуры и спорта // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право. 2013. № 4.

Bibliography

1. URL: <http://www.kremlin.ru/press/announcements/51766>
2. Medvedev S. A. Theoretical and legal aspects of functioning of physical culture and sports in the Russian state: abstract dis. ... PhD in law. Volgograd, 2006.
3. Seleznyov I. A. Combat political terrorism in the sphere of international sport: dis. ... PhD of political Science. Moscow, 2008.
4. Krasovskii S. Y. To the question of the legal regulation of physical culture and sport // Bulletin of South Ural state University. Series: Right. 2013. № 4.

© 2016 г. И. П. Безотецкая,

доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права Дальневосточного государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук.

E-mail: bip-26@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ У ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Статья посвящена анализу квалификационных требований и особых условий допуска к работе педагогических работников с учетом предстоящего введения в действие профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденного приказом Минтруда России от 08.09.2015 № 608н. Особое внимание автором уделено вопросам соотношения квалификации педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава, содержанию выполняемых трудовых функций.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовая функция, эффективный контракт, профессиональный стандарт, педагогический работник, профессорско-преподавательский состав, квалификация.

I. P. Bezotetskaya – Associate Professor, Department of Civil, Business and Transport Law, Far Eastern State Transport University, PhD in Law.

FEATURES OF EMERGENCE OF LABOR LEGAL RELATIONS OF TEACHING STAFF

This article analyzes the qualification requirements and special conditions of admission to the teaching staff, in anticipation of the introduction of the professional standard «Teachers of vocational training, vocational training and additional professional education», approved by order of the Ministry of Labour of Russia dated 08.09.2015 № 608n. Special attention is paid to the issues of teachers qualification ratio of the number of teaching staff, the content of the functions performed by labor.

Key words: labor relations, labor function, effective contract, professional standard, pedagogical staff faculty, qualification.

В статье 37 Конституции РФ закреплён принцип свободы труда, который заключается в праве каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Гарантированность соблюдения данного конституционного принципа подкрепляется достаточно широким выбором видов профессиональной деятельности, позволяющим любому лицу реализовать свое право на труд. Но всегда ли этот выбор осознанный и фактические реалии трудовой деятельности совпадают с нашими представлениями о будущей профессии и специальности? Высшее образование, пожалуй, одна из немногих сфер профессиональной деятельности, работу в которой нельзя выбрать случайно и необдуманно. Это относится в большей степени к работникам из числа профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования. На осознанность выбора влияют многочисленные факторы как субъективного характера (связанные с личностными качествами), так и объективные причины, вызванные дополнительными условиями и

требованиями, предъявляемыми к работникам, желающим заниматься преподавательской деятельностью. Такой сформировавшийся комплекс обязанностей, запретов, ограничений и требований не только сужает круг претендентов на вакантные места при приеме на работу, но и сопровождает работника на протяжении всего трудового стажа.

Согласно п. 1 ст. 16 Трудового кодекса РФ [1] трудовые отношения между работником и работодателем возникают на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с законом. Особенности регулирования труда педагогических работников определяются главой 52 ТК РФ. В статье 332 указанной главы устанавливаются некоторые особенности заключения и прекращения трудового договора с работниками организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ.

Остановимся на рассмотрении данных особенностей с учетом изменений действующего законодательства Российской Федера-

ции. С отдельными из них работник сталкивается уже на начальном этапе трудоустройства – оценке соответствия уровня знаний и профессиональных навыков требованиям, установленным для замещения выбранной должности. Конституция РФ (ст. 37) гарантирует право выбора рода деятельности и профессии. В нашем случае важно определить: какой род деятельности выбирается, какой профессией должен владеть работник, претендующий заниматься преподавательской деятельностью в организации высшего образования, как идентифицировать и нормировать труд, результат которого не поддается материальному исчислению.

Для описания трудовой деятельности работника в Трудовой кодекс РФ введено понятие «трудовая функция». Именно личное выполнение работником трудовой функции составляет предмет трудового договора. Указание трудовой функции работника относится к обязательным условиям трудового договора. При определении трудовой функции в ст. 57 ТК РФ перечисляется ряд признаков, позволяющих установить не только вид профессиональной деятельности работника, но и его профессиональную компетентность. Под трудовой функцией понимается работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации либо конкретный вид поручаемой работнику работы [1]. На современном этапе развития трудовых отношений ключевая роль отводится определению квалификации работника. Сферы образования и труда в равной степени подверглись реформированию с общей целью: привести в соответствие квалификацию, получаемую выпускником образовательной организации, с уровнем квалификации, требуемой для осуществления им дальнейшей профессиональной деятельности. Федеральным законом от 03.12.2012 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О техническом регулировании”» глава 31 ТК РФ была дополнена ст. 195.1, в которой впервые в трудовом законодательстве появились нормативные определения понятий «квалификация» и «профессиональный стандарт».

В соответствии со ст. 195.1 ТК РФ профессиональный стандарт (профстандарт) – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенно-

го вида профессиональной деятельности. Создание национальной системы квалификаций обусловлено выполнением Указа Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Профессиональные стандарты являются основными элементами системы, связывающими сферу труда и сферу профессионального образования. В частности, требования к профессиональным компетенциям, которые содержатся в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), предписано формировать на основе профстандартов.

Однако, несмотря на выработку единого подхода к унификации квалификационных требований в рамках каждого вида профессиональной деятельности, возникли некоторые разночтения в отношении перечня выполняемых трудовых функций работниками вуза и наименования педагогических работников, реализующих программы высшего образования. Трудовой кодекс РФ в главе 52 содержит ссылку на регулирование данных вопросов законодательством Российской Федерации в сфере образования. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) [2] в ст. 50 предусматривает в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования, наличие должностей педагогических работников и научных работников, которые относятся к научно-педагогическим работникам. Закон об образовании в отношении данной категории педагогических работников применяет понятие «профессорско-преподавательский состав». В утвержденной постановлением Правительства РФ от 08.08.2013 № 678 Номенклатуре должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций (Номенклатура должностей) [3] (пункт 1 раздела 1) перечислены должности педагогических работников, отнесенные к профессорско-преподавательскому составу (ППС). При определении соответствия претендента на занятие должностей ППС Трудовым кодексом РФ предусмотрена обязанность работодателя руководствоваться разделом «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов выс-

шего профессионального и дополнительного профессионального образования» Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих (ЕКС) [4]. Изменить действующий порядок призвана вводимая система профессиональных стандартов.

Согласно изменениям, внесенным в Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 02.05.2015 № 122-ФЗ, если нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения работодателями. В свою очередь, Минтрудом России разъяснены некоторые вопросы, касающиеся применения профессиональных стандартов [5]. Поскольку в отношении ППС законодательством предусмотрено право применения ограничений при работе в таких должностях, согласно указанным разъяснениям, наименование в трудовых договорах должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать квалификационным справочникам либо профессиональным стандартам. В этом случае при составлении штатного расписания, заполнении трудовой книжки работника в части наименования должности работника предписано руководствоваться действующими в настоящее время ЕКС и профессиональными стандартами.

График разработки и применения профессиональных стандартов в сфере образования и науки на 2015–2018 годы утвержден приказом Минобрнауки России от 27.05.2015 № 536. Отметим основные положения новой системы квалификаций, учитываемые при внедрении профессиональных стандартов в сфере высшего образования. Профессиональный стандарт раскрывает конкретные трудовые функции, ранжированные по уровням квалификации в зависимости от уровня сложности выполняемой работы. Кроме указания вида профессиональной деятельности, описания обобщенных трудовых функций, в каждую из которых включается совокупность связанных между собой отдельных трудовых функций, стандарт обозначает код согласно классификатору по видам экономической деятельности и группе занятий. Новый классификатор «ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общерос-

сийский классификатор занятий», принятый и введенный в действие приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст, дифференцирует группы занятий в зависимости от уровня квалификации специалистов. Работники в области образования отнесены к специалистам высшего уровня квалификации, а конкретно специалисты высшего образования – к малой группе занятий 2310 «Профессорско-преподавательский персонал университетов и других организаций высшего образования». Это наименование группы занятий несколько не соответствует принятому в Номенклатуре должностей отнесению данной категории педагогических работников к профессорско-преподавательскому составу. В целом принятый Минтрудом России профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [6] не решил проблему точного определения трудовой функции и сущности квалификации педагогического работника в сфере высшего образования. Кроме уже рассмотренной сомнительной целесообразности включения в известную терминологическую связку «профессорско-преподавательский» слова «персонал», стандарт содержит и другие малоупотребимые в сфере высшего образования термины. Прежде всего, это относится к самому наименованию стандарта данной профессиональной группы. При утверждении Минтрудом России в названии проекта профстандарта более привычное для высшего образования наименование «преподаватель», было заменено на слово «педагог». Содержащееся в Трудовом кодексе РФ и Законе об образовании наименование «педагогический работник» в стандарте даже не упоминается. Стандарты принимаются по определенным профессиональным сферам, название профессии (или специальности) подразумевается указывать в названии стандарта. Таким образом, все должности профессорско-преподавательского состава университетов отнесли к профессии «педагог» с указанием общего для всех групп занятий вида профессиональной деятельности «педагогическая». Принятый профессиональный стандарт должен применяться работодателями с 1 января 2017 года при формировании кадровой политики, при аттестации работников, заключении трудовых договоров, разработке должностных инструкций и установлении систем оплаты труда.

Весь профессорско-преподавательский состав университетов должен соответствовать требованиям данного стандарта, так как входит в указанную в стандарте группу занятий. Но, прежде чем исполнять положения принятого стандарта, необходимо установить, распространяется ли его действие на ППС университетов. Без раскрытия понятия «педагог» данный вопрос решить невозможно. Поскольку отсутствует нормативное определение термина «педагог», обратимся к этимологии данного слова. Педагог – производное от греческих слов «пейда» – ребенок, «го-гес» – вести, буквально – «детоводитель», «детовожатый». В Древней Греции раб, представленный к ученику, функциями которого было его сопровождение в школу, прислуживание на занятиях, назывался педагогом [7]. Постепенно значение слова расширилось, но и в России до недавнего времени понятие педагог связывалось исключительно с уровнями общего и дошкольного образования и являлось синонимом слова «учитель». Педагогическая профессия, в сущности, описывается квалификационной характеристикой выпускника по специальности (направлению) «учитель». В отношении профессорско-преподавательского состава мы имеем более широкий спектр квалификаций и специальностей, полученных по завершении высшего образования.

«Уточняйте понятия и вы избавите мир от заблуждений», – советовал Р. Декарт, выдающийся французский философ и математик XVIII века [8], тем более что некоторые терминологические заблуждения могут привести к вполне определенным правовым последствиям негативного характера. Статья 5.27 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушения требований трудового законодательства, в том числе в части обязанности применения положений профстандартов. Следует отчетливо понимать, что подобная игра словами влечет изменение содержания трудовых функций специалистов, замещающих должности ППС. Трудовой кодекс РФ связывает понятие трудовой функции работника с работой по должности. Логично было бы предположить, что обобщенные трудовые функции, содержащиеся в профстандарте, должны соответствовать тем видам педагогической работы, которые предусмотрены Законом об образовании (в ч. 6 ст. 47) и приказом Минобрнауки

РФ от 22 декабря 2014 года № 1601, устанавливающим продолжительность рабочего времени педагогических работников [9]. Однако мы видим в содержании обобщенных трудовых функций профстандарта отражение лишь учебной (преподавательской), воспитательной, методической и организационной работы преподавателя. Такой основополагающий для ППС вид работы, как научная, в перечень обобщенных трудовых функций не вошла и упоминается в стандарте только лишь в аспекте организации научно-исследовательской деятельности обучающихся. Вместе с тем в разделе «Требования к опыту практической работы» указывается требование о систематических занятиях научной деятельностью. Считаем, что рассмотрение научной деятельности преподавателя только в качестве опыта практической работы является спорным, поскольку научная работа предусмотрена индивидуальным планом работы преподавателя и является одним из видов педагогической работы за ставку заработной платы, оговариваемой в трудовом договоре [9].

Профессиональный стандарт содержит и другие положения, раскрывающие особенности возникновения трудовых отношений с педагогическими работниками из числа ППС. В стандарте они обобщены и в основном содержатся в разделе «Особые условия допуска к работе». По замыслу разработчиков профстандарта, к ним относятся отсутствие ограничений на занятие педагогической деятельностью, установленных законодательством Российской Федерации, прохождение обязательных медицинских осмотров (обследований) и аттестации на соответствие занимаемой должности. По некоторым трудовым функциям дополнительно требуется наличие ученой степени (звания). К ППС предъявляются общие требования к уровню и профилю образования, опыту практической работы, дополнительному профессиональному образованию. Новеллой является включение в перечень требований наличия дополнительного профессионального образования – профессиональной переподготовки, направленность (профиль) которой соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине. Следует отметить, что для профессиональной переподготовки объем часов составляет не менее 250. На практике реализация данного положения затруднительна, поскольку требует дополнительных временных и фи-

нансовых затрат. Из текста профстандарта не ясно, распространяется ли это требование на всех педагогических работников или только на тех, у кого направленность (профиль) высшего образования не соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине.

Особое внимание следует уделить порядку заключения трудового договора с педагогическими работниками, относящимися к ППС. Согласно ст. 332 ТК РФ заключению трудового договора должно предшествовать избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности [10]. Необходимо учитывать, что одновременно с разработкой и принятием профстандартов ведется работа по переходу работников социальной сферы на эффективный контракт. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2012 № 2620-р, утвердившее План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» предусматривает разработку и внедрение механизмов эффективного контракта с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования. Предлагается следующий порядок перехода на новые условия.

При поступлении на работу впервые работник организации и работодатель заключают трудовой договор, предусматривающий все показатели эффективности работы и конкретизированные трудовые функции. Сложнее проводится процедура перехода на эффективный контракт с работником, который уже состоит в трудовых отношениях с работодателем. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 апреля 2013 года № 167н «Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта» рекомендует в этом случае оформлять соглашение об изменении определенных сторонами условий трудового договора.

В соответствии с п. 2 ст. 74 ТК РФ о предстоящих изменениях определенных сторонами условий трудового договора, а также о причинах, вызвавших необходимость таких изменений, работодатель обязан уведомить работника в письменной форме не позднее чем за два месяца до их введения. В случае несогласия на продолжение работы в новых условиях должна быть предложена иная имеющаяся в организации работа, соответст-

вующая квалификации работника. При согласии работника с предстоящими изменениями с ним заключается дополнительное соглашение к трудовому договору. В случае отсутствия подходящей по квалификации работы или отказа педагогического работника от предложенной работы трудовой договор прекращается в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ. Таким образом, при внедрении эффективного контракта изменение условий трудового договора фактически является волеизъявлением одной стороны – работодателя. Педагогический работник вынужден либо согласиться, либо расторгнуть трудовой договор.

Возникает абсурдная ситуация: педагогический работник прошел по конкурсу на замещение должности, с ним заключен трудовой договор на определенных условиях, а ему в рамках эффективного контракта предлагаются условия работы, которые его могут не удовлетворить. Тем самым работодатель в любой момент может прекратить трудовые отношения с работником, занимающим должность, указанную в трудовом договоре, и в таком случае теряется смысл прохождения сложной конкурсной процедуры избрания.

Внедрение эффективного контракта допускает возможность фактически одностороннего расторжения трудового договора с педагогическим работником по инициативе работодателя без должных на то оснований.

Подводя итог, необходимо отметить, что возникновение трудовых отношений с педагогическими работниками из числа ППС характеризуется рядом особенностей, установленных трудовым законодательством Российской Федерации и Законом об образовании, нормы которого в отдельных случаях не согласуются друг с другом. Нет единого понимания в отношении наименования профессиональной группы педагогических работников, реализующих программы высшего образования, в Трудовом кодексе РФ, профстандарте и законодательстве в сфере образования. Законодатель приравнивает преподавателей университетов ко всем иным педагогическим работникам, и в случае вступления в трудовые отношения с образовательной организацией на них распространяются все ограничения и особые условия допуска к педагогической работе, введенные трудовым законодательством.

На наш взгляд, в целях единообразного подхода к регулированию трудовой деятельности

и нормированию труда данной категории работников следует законодательно закрепить в Трудовом кодексе РФ содержание понятия «профессорско-преподавательский состав» и применять указанный термин во всех иных нормативных правовых актах, затрагивающих сферу трудовых отношений в образовательных организациях высшего образования.

Квалификация педагогического работника приобретает ключевое значение на этапе заключения трудового договора – при определении трудовой функции работника. В условиях перехода на новую систему оплаты труда и работу по эффективному контракту необходимо более тщательно подойти к установлению набора трудовых функций, реализуемых ППС за ставку заработной платы. По нашему мнению, перечень обобщенных трудовых функций, содержащийся в профстандарте, следует соотнести с видами педагогической работы, предусмотренными Законом об образовании.

В этой связи целесообразно разработать и утвердить новый профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения», а также внести изменения в принятый про-

фессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (утвержден приказом Минтруда России от 08.09.2015 № 608н):

1. В наименовании профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» слово «педагог» заменить словом «преподаватель»; исключить слова «профессионального обучения».

2. Включить в раздел 3 «Характеристика обобщенных трудовых функций» пункт 3.11. Обобщенная трудовая функция «Проведение научной и исследовательской работы».

При введении системы эффективного контракта в сфере высшего образования не были учтены особенности заключения трудового договора с педагогическими работниками из числа ППС, заключающиеся в обязательности прохождения процедуры избрания по конкурсу. На наш взгляд, применение в данном случае основания прекращения трудового договора, предусмотренного п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, необоснованно.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.08.2013 № 678 «Об утверждении Номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 33. Ст. 4381.

4. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 года № 1н «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» // Рос. газ. 2011. № 101.

5. Информация Минтруда России от 10.02.2016 «О применении профессиональных

Bibliography

1. The Labour Code of the Russian Federation: the Federal Law of 30.12.2001 № 197-FZ // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (1 h.). Art. 3.

2. The Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (1 h.). Art. 7598.

3. Russian Federation Government Resolution 08.08.2013 № 678 «Approval of the Nomenclature of posts of teachers organizations engaged in educational activities, positions of heads of educational institutions» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2013. № 33. Art. 4381.

4. The order of the Russian Federation Ministry of Health and Social Development of 11 January 2011 № 1 n «The qualification characteristics of managers and specialists of higher professional and secondary vocational education» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 101.

5. Information from the Ministry of Labor of Russia 02.10.2016 «On the application of professional standards at work». URL: <http://consultant.ru>

6. The order of the Ministry of Labour of Russia dated 08.09.2015 № 608n «On approval of the pro-

стандартов в сфере труда». URL: <http://consultant.ru>

6. Приказ Минтруда России от 08.09.2015 № 608н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования”». URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

7. Иванова В. А. Педагогика: электронный учеб.-метод. комплекс / В. А. Иванова, Т. В. Левина. URL: http://www.kgau.ru/distance/mf_01/ped-asp/01_01.html

8. Общее понятие о педагогике и ее предмете. URL: <http://paidagogos.com/?p=6#hcq=NZjPGHr>

9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.12.2014 № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». М., 2014.

10. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.07.2015 № 749 «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу». URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

11. Небратенко Г. Г. О внедрении в Ростовском юридическом институте МВД России элементов дистанционного обучения // Об итогах работы Ростовского юридического института МВД России в первом полугодии 2005–2006 учебного года и задачах по реализации Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы. Ростов н/Д, 2006.

12. Небратенко Г. Г. О применении тестовых технологий в деятельности высших учебных заведений // Об итогах работы Ростовского юридического института МВД России в первом полугодии 2005–2006 учебного года и задачах по реализации Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы. Ростов н/Д, 2006.

professional standard “teachers of vocational training, vocational training and additional vocational training”». URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

7. Ivanov V. A. Pedagogy: electronic educational-methodical complex. URL: http://www.kgau.ru/distance/mf_01/ped-asp/01_01.html

8. The general concept of pedagogy and its subject. URL: <http://paidagogos.com/?p=6#hcq=NZjPGHr>

9. The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 22.12.2014 № 1601 «Hours of Work (standards of hours of pedagogical work for the wage rate) pedagogical workers and on the procedure for determining the teaching load of teachers is stipulated in the employment contract». Moscow, 2014.

10. The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 23.07.2015 № 749 «Approval of the Regulations on the procedure for the replacement of posts of teachers belonging to the faculty». URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

11. Nebratenko G. G. On implementation of the Rostov Law Institute of the Russian Interior Ministry distance learning elements // On the outcome of the Russian Ministry of Internal Affairs of the Rostov Institute of Law in the first half of the 2005–2006 academic year and tasks for the implementation of the federal target program of education development for 2006–2010. Rostov-on-Don, 2006.

12. Nebratenko G. G. On the application of the test technologies in higher educational institutions // On the outcome of the Russian Ministry of Internal Affairs of the Rostov Institute of Law in the first half of the 2005–2006 academic year and tasks for the implementation of the federal target program of education development for 2006–2010. Rostov-on-Don, 2006.

© 2016 г. С. В. Гуде,

доцент кафедры информационного обеспечения ОВД Ростовского юридического института МВД России кандидат технических наук, доцент.
E-mail: gud_56@mail.ru

Е. Н. Петрищева,

преподаватель кафедры информационного обеспечения ОВД Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: mayor_ledi@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты авторских прав на интеллектуальные произведения в информационно-телекоммуникационной сети. Анализируются результаты правоприменительной практики законодательства в области защиты авторских прав.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальные произведения, Интернет, правообладатель, контент, хостинг-провайдер, информационный посредник, оператор связи.

S. V. Gude – Associate Professor, Department of Information Support of the Ministry of Internal Affairs Bodies, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Technics, Associate Professor.

E. N. Petrishcheva – Lecturer, Department of Information Support of the Ministry of Internal Affairs Bodies, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ACTUAL PROBLEMS AND DIRECTIONS OF LEGAL REGULATION OF COPYRIGHT PROTECTION IN INFORMATION-TELECOMMUNICATION NETWORK INTERNET

The article deals with topical issues of copyright protection for intellectual work in the information and telecommunication network. The results of the law enforcement practice legislation in the area of copyright protection.

Key words: copyright, intellectual works, the Internet, the right holder, content hosting provider, information intermediary, operator.

Современный уровень развития информационного общества в Российской Федерации остро ставит проблему защиты информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Особенно это относится к информации, размещенной в сети Интернет и представляющей объекты интеллектуальной собственности.

В связи с развитием информационно-телекоммуникационной сети в значительной степени расширяются информационные возможности общества. Однако возникает и немало серьезных проблем. Интернет все чаще используется в противоправных целях, среди которых наиболее распространенной является нарушение авторских прав. Интернет на сегодняшний день переполнен материалами, нарушающими авторские права, в то время как интеллектуальный потенциал государства выступает залогом его конкурентоспособной экономики. В Интернете пользователь

может найти практически все книги, аудиозаписи и видеофильмы, статьи и другие материалы, которые размещены с нарушением авторских прав.

По мнению большинства специалистов, в нашем государстве сеть Интернет является средой, требующей наиболее полного урегулирования правовыми нормами. Наличие таких больших пробелов в законодательстве объясняется и тем, что она изначально возникла и развивалась в качестве саморегулируемой структуры.

В связи с этим в российском Интернете начали возникать многочисленные неблагоприятные явления. Любая информация любого содержания, в том числе и противоправного, стала доступной для каждого пользователя. Российская Федерация оказалась в пятерке государств, в которых наихудшим образом обстоит дело с авторскими правами в сети Интернет (по данным, предоставленным

Международным советом по борьбе с пиратством при Конгрессе США, по состоянию на сентябрь 2012 года Российская Федерация занимала второе место после Китая, остальными государствами в этом списке были Италия, Украина и Швейцария).

Поэтому законодатель был вынужден задуматься над новыми механизмами борьбы с оборотом нелегального контента и ужесточить наказание за данные действия, приняв ряд нормативных правовых актов, направленных на правовое регулирование отношений в сети Интернет, среди которых Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 года) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», вступивший в силу 1 августа 2013 года, Федеральный закон от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», вступивший в силу 1 мая 2015 года.

Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ [1] внес изменения в действующее законодательство о защите интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. Они коснулись не только и не столько норм материального права, сколько самого процессуального права: Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ч. 4 Гражданского кодекса РФ.

Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ [5] в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 28) [1] и Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 26), Московский городской суд становится судом первой инстанции для дел, которые связаны с защитой исключительных прав на фильмы, включая кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» [3, ст. 26].

Порядок действий по борьбе с интернет-пиратством

В соответствии со ст. 144.1 ГПК РФ, которая ввела процессуальный институт *предварительного обеспечения авторских прав*, правообладатель (гражданин или организация) может обратиться в суд с требованием ограничить доступ к размещенному с нарушением авторских прав контенту, приложив документы, подтверждающие исключительные права на произведение [3, ч. 4 ст. 144.1].

Для удобства правообладателей Мосгорсуд запустил *специальный сервис*, позволяющий оперативно направить такое заявление в электронном виде после регистрации (требуется усиленная квалифицированная электронная подпись. Документы, заверенные усиленной квалифицированной электронной подписью, признаются равнозначными собственноручно подписанному бумажному документу).

В определении Мосгорсуда о применении обеспечительных мер указывается срок (не более 15 дней), в течение которого правообладатель должен подать соответствующий иск [3, абз. 2 ч. 5 ст. 144.1].

Определение о назначении обеспечительных мер правообладатель направляет в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор); это также можно сделать, не выходя из офиса, благодаря специальному сервису, запущенному ведомством. С его помощью можно известить Роскомнадзор о принятом судом определении, приложив его в электронной форме (также с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи). Кроме того, всем пользователям доступны данные *реестра сайтов*, распространяющих пиратские версии фильмов. Точнее, можно получить информацию о том, внесен ли в этот реестр конкретный сайт, введя его IP-адрес, доменное имя (DNS) или адрес ссылки страницы (URL) [11].

После извещения Роскомнадзора запускается многоступенчатый механизм. Ведомство направляет уведомление о необходимости удаления конкретного видеопродукта на русском и английском языках *хостинг-провайдеру**, а последний в течение одного дня информирует об этом *владельца сайта*. Владе-

* Провайдер хостинга – это лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет (п. 18 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ).

лец сайта, на котором размещено пиратское видео, обязан в течение одного рабочего дня после получения такого требования от хостинг-провайдера удалить нелегальный контент [4, ч. 3 ст. 15.2]. Если же этого не происходит, за ограничение доступа к видео отвечает сам хостинг-провайдер, который обязан совершить это действие не позднее трех рабочих дней со дня получения первоначального уведомления Роскомнадзора в свой адрес [4, ч. 2 ст. 15.2].

Статья 15.2, которой был дополнен Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предусматривает, что в уведомлении Роскомнадзора о нарушении авторских прав должны присутствовать все типы идентифицирующих сведений – и сетевой адрес сайта, и его доменное имя, и указатели конкретных страниц сайта. Однако конкретный способ блокировки контента Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ не обозначен. Так, хостинг-провайдеры обязаны «ограничить доступ к соответствующему информационному ресурсу» [4, ч. 4 ст. 15.2], а операторы связи «ограничить доступ к такому информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети “Интернет”, или к странице сайта» [4, ч. 7 ст. 15.2].

В случае если бездействует и хостинг-провайдер, Роскомнадзор обращается непосредственно к оператору связи, обеспечивающему доступ в Интернет (интернет-провайдеру), с аналогичным требованием, на выполнение которого также отводится один рабочий день [4, ст. 15.2].

Если правообладатель не направляет иск в течение указанного в определении о принятии обеспечительных мер срока, суд отменяет данную меру и извещает об этом Роскомнадзор, который в свою очередь информирует заинтересованных лиц об отсутствии ограничений доступа к спорному контенту [3, ч. 7 ст. 144.1]. Отметим, что в таком случае он предоставляет возможность лицам, чьи права были нарушены в результате блокировки, обратиться к заявителю с требованием о возмещении причиненных убытков [3, ч. 9 ст. 144.1].

Ответственность недобросовестных потребителей контента

Рядовые пользователи исключены из сферы действия Закона от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ, и их действия по скачиванию пиратского контента пока не признаются не-

законными, хотя при обсуждении законопроекта высказывались идеи штрафовать недобросовестных потребителей контента, определяя их по IP-адресу.

Положения об *информационных посредниках* и их ответственности за нарушение интеллектуальных прав вводятся в ч. 4 Гражданского кодекса РФ. В ч. 4 ГК РФ ст. 1253.1 содержится определение этой группы лиц, а также упоминается об их ответственности за нарушение «антипиратского» законодательства, устанавливаются обстоятельства, при которых ответственность с информационных посредников снимается [2, ч. 2 и 3 ст. 1253.1].

Ответственность недобросовестных информационных посредников

Помимо гражданско-правовых санкций к информационным посредникам, не исполнившим требование об ограничении доступа к пиратскому контенту, может быть применена и административная ответственность в виде штрафа. Соответствующая инициатива в настоящее время находится на рассмотрении Государственной Думы [2, ч. 1 ст. 1253.1].

Сфера действия ст. 1253.1 ч. 4 ГК РФ не ограничена лишь защитой интересов правообладателей, а следовательно, может быть применена и к другим правоотношениям – рекламным, патентным и т. д. [8].

Закон от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ, вступивший в силу 1 мая 2015 года, внес изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс РФ.

Эти изменения направлены на расширение объектов авторских и смежных прав, в отношении которых установлен порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав. Такой порядок будет применяться в отношении всех объектов авторских и (или) смежных прав, которые могут быть распространены в информационно-телекоммуникационных сетях (кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии), а также в отношении информации, содержащей такие объекты. Кроме того, в законе предусматривается обязанность владельцев сайтов размещать контактную информацию, что позволит беспрепятственно использовать данный порядок внесудебного урегулирования споров.

При этом изменяется положение, предпринимающее на этапе обеспечительных мер удаление нелегального контента, вводится ограничение доступа к информации, размещенной без законного основания.

Указанным законом уточняется механизм блокировки оператором связи нелегального контента:

– владельцы сайтов обязаны размещать на них адреса для направления правообладателями заявлений о нарушении авторских прав, а также вправе предусмотреть возможность их направления посредством заполнения электронной формы на сайте;

– правообладатель в случае обнаружения сайта, на котором без его разрешения размещены объекты авторских прав, вправе направить владельцу сайта в письменной или электронной форме заявление о нарушении данных прав;

– владелец сайта обязан удалить нелегальный контент в течение 24-х часов с момента получения заявления. При наличии у владельца сайта доказательств, подтверждающих правомерность размещения такого контента, он вправе не принимать вышеуказанные меры и обязан направить заявителю уведомление с приложением таких доказательств;

– в ситуации когда хостинг-провайдер или владелец ресурса не принимает мер по ограничению доступа к ней, оператор связи обязан ограничить доступ не к информационному ресурсу (то есть заблокировать не весь сайт), а лишь к незаконно размещенной информации (то есть только страницу, на которой размещен незаконный контент). И лишь в случае отсутствия технической возможности для этого он ограничивает доступ ко всему сайту;

– Роскомнадзор уполномочен закрывать доступ к «пиратским» сайтам и торрент-трекерам по решению Мосгорсуда;

– Роскомнадзор направляет операторам связи по системе взаимодействия требование о принятии мер по постоянному ограничению доступа к сайту, на котором неоднократно размещался нелегальный контент в течение суток с момента поступления по системе взаимодействия вступившего в силу решения Мосгорсуда;

– в течение суток с момента получения такого требования оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа в Интер-

нет, обязан ограничить доступ к такому сайту;

– сведения о сайтах, доступ к которым ограничен на основании решения Мосгорсуда, размещаются на сайте Роскомнадзора.

При этом оператор связи освобождается от ответственности перед правообладателем и перед пользователем за ограничение доступа к информации в соответствии с действующим законом. Тем самым освобождение от ответственности перед правообладателем и пользователем за ограничение доступа к информации в соответствии с действующим законом распространяется на провайдера хостинга, владельца сайта и оператора связи. В случае повторного обращения автора в суд доступ к сайту может быть заблокирован навсегда.

Законом также предусматривается, что гражданские дела, связанные с защитой авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях (кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии), в качестве первой инстанции рассматривает Московский городской суд.

Результаты правоприменительной практики действия закона

По данным, приведенным председателем Мосгорсуда О. А. Егоровой на парламентских слушаниях «Основные направления развития законодательства в сфере интеллектуальной собственности» 16 сентября 2013 года, за прошедший месяц с небольшим с момента вступления в силу Закона РФ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» поступило 60 заявлений о предварительном обеспечении защиты авторских прав, в отношении 16 – в обеспечительных мерах было отказано. Результатом применения санкций со стороны Роскомнадзора стало добровольное удаление нелегального контента сайтами-нарушителями, были заблокированы 3 интернет-ресурса.

Вместе с тем представители некоторых интернет-ресурсов решили упредить нежелательные для себя последствия. Например, социальная сеть Вконтакте пошла по пути добровольной легализации видеоконтента. По информации, появившейся в сети, в октябре руководство компании сообщило о ведении переговоров с онлайн-кинотеатрами, которые имеют права на трансляцию видео. Цель – подписание соглашений о сотрудничестве. По

разработанной схеме администрация соцсети заботится об удалении пиратского контента, заменяя его легальным видео, которое представляется онлайн-кинотеатрами.

Приведем мнения представителей отрасли, интернет-площадок и общественности относительно принятого законопроекта.

Так, компания «Яндекс» выступает против изменений, внесенных в антипиратский закон, поскольку блокирование сайтов за два правонарушения в области интеллектуальных прав может привести к тому, что любая интернет-площадка окажется недоступной для пользователя. Практически любой сайт, включая крупнейшие, может оказаться заблокированным.

Станислав Козловский, исполнительный директор «Викимедиа Ру», считает, что сам антипиратский закон – «плохой, а сейчас его просто расширили». С его точки зрения, данный закон никак не борется с пиратством, а приводит к блокированию сайтов. На сегодняшний день закон оказывает действие и на тексты, таким образом, любая гиперссылка на любой текст или страницу в Интернете может послужить основанием блокирования сайта. По определению С. Козловского, закон странный: «Получается, что если, например, человек написал в Твиттер, а кто-то нажал ретвит, то он начал распространять чужое произведение без лицензионного договора, без согласия автора. И это уже основание для блокировки всего Твиттера».

Артем Козлюк, руководитель проекта «РосКомСвобода», полагает, что следует обратить внимание на практику правоприменения закона. Отсюда следует, что антипиратский закон не оказал существенного влияния на сеть, а лишь привел к тому, что в реестр запрещенных ресурсов были внесены добропорядочные проекты. По его мнению, изменения в законе и превозносят в степень те угрозы для интернет-пространства в России, какие были внедрены ранее.

Саркис Дарбинян, юрист «Пиратской партии России», отмечает, что за год своего существования антипиратское законодательство не внесло никаких изменений в Интернет. Пиратский контент остается доступным, блокировка сайтов не означает блокирование информации. С его точки зрения, «законодательство об авторском праве безнадежно устарело. Поэтому авторское право подлежит пересмотру, необходимы радикальные реформы в

том законодательстве, которое сложилось на сегодняшний момент».

После вступления в силу Федерального закона от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ правообладатели имеют право подать заявление в Мосгорсуд о принятии предварительных обеспечительных мер не только в отношении фильмов, но и в отношении других объектов авторских и (или) смежных прав (за исключением фотографических произведений). Кроме того, появилось два новых механизма защиты авторских и (или) смежных прав: внесудебные меры по прекращению нарушения (ст. 10 ч. 2 и ст. 15.7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и постоянное ограничение доступа к сайтам, распространяющим объекты авторских и (или) смежных прав без разрешения правообладателя или иного законного основания (ст. 15.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ и ст. 26 ч. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Результатом применения данного закона стало первое решение Мосгорсуда от 14 октября 2015 года о пожизненной блокировке торрент-трекера RuTrfcker.org и еще 11 сайтов с пиратским контентом (bobfilm.net, dreamfilm.net, kinokubik.com, kinozal.tv, kinobolt.ru, rutor.org, seedoff.net, torrentor.net, tushkan.net, tv.serial-online.net, wood-film.ru.), которое вступило в силу в установленные законом сроки. Ранее Мосгорсуд блокировал лишь отдельные страницы с пиратскими копиями фильмов или сериалов.

По данным Роскомнадзора, на постоянную блокировку также направлен сайт www.kinovo.tv, а ранее за нелегальное распространение сериала «Лондонград. Знай напих!» – сайт bigcinema.tv. В пресс-релизе Роскомнадзора указывается, что надзорный орган внес ресурсы в список нарушителей авторских прав и передал сведения о них операторам связи для осуществления блокировки по доменному имени (DNS).

Однако, как сообщил «Газете.Ру» главный аналитик Российской ассоциации электронных коммуникаций Карен Казарян: «Пользователи RuTracker.org говорят о том, что они будут все равно заходить на сайт с помощью мер обхода, из этого можно сделать вывод, что блокировка бесполезна в какой-то степени» [12].

Завершая обзор законодательства Российской Федерации о защите авторских и смеж-

ных прав в сети Интернет, в целом можно отметить следующее: независимо от экономических изменений на мировом и национальном уровнях в течение последних лет в России ежегодно удастся снизить уровень компьютерного пиратства, что свидетельствует о правильности принятых мер по защите авторского права. Несмотря на то, что нововведения в действующем гражданском законодательстве предусмотрены в различных нормативных актах (ч. 4 ГК РФ и Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ), при

отсутствии единой терминологии в отношении лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет, дальнейшее развитие информационных технологий, уменьшение уровня компьютерного пиратства в России являются крайне важными. Для этого необходимо продолжать обеспечивать эффективное развитие законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности и поддерживать активную правоприменительную практику [10].

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://consultant.ru>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4. URL: <http://consultant.ru>
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://consultant.ru>
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://consultant.ru>
5. Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях». URL: <http://consultant.ru>
6. Федеральный закон от 24 ноября 2014 года № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>
7. Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. URL: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4969/20003#_ftnref2
8. Media Piracy in Emerging Economies. URL: <http://piracy.ssrc.org>
9. Congressional Anti-Piracy Caucus 2012 Country Watch List // U.S. House of Representatives. URL: <http://www.schiff.house.gov/press-releases/international-antipiracy-caucus-unveils-2012-international-piracy-watch-list>
10. URL: http://globalstudy.bsa.org/2010/downloads/press/pr_russia_russian.pdf
11. URL: <https://nap.rkn.gov.ru>
12. URL: <http://Gazeta.ru>

Bibliography

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. URL: <http://consultant.ru>
2. Civil Code. Part 4. URL: <http://consultant.ru>
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation. URL: <http://consultant.ru>
4. Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ «On of information, information technologies and information protection». URL: <http://consultant.ru>
5. Federal Law of July 2, 2013 № 187-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the protection of intellectual property rights in the information and telecommunications networks». URL: <http://consultant.ru>
6. Federal Law of November 24, 2014 № 364-FZ «On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technologies and Protection of Information” and the Civil Procedural Code of the Russian Federation». URL: <http://consultant.ru>
7. Information and analytical materials of the State Duma. URL: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4969/20003#_ftnref2
8. Media Piracy in Emerging Economies. URL: <http://piracy.ssrc.org>
9. Congressional Anti-Piracy Caucus 2012 Country Watch List // U.S. House of Representatives. URL: <http://www.schiff.house.gov/press-releases/international-antipiracy-caucus-unveils-2012-international-piracy-watch-list>
10. URL: http://globalstudy.bsa.org/2010/downloads/press/pr_russia_russian.pdf
11. URL: <https://nap.rkn.gov.ru>
12. <http://Gazeta.ru>

© 2016 г. М. О. Медведева,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

E-mail: mashulyamedvedeva@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕКОТОРЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье проводится анализ нормативных определений, рассматриваются примеры несоответствия законодательного регулирования фактическому положению дел в сфере информационных технологий. По мнению автора, произошедшие изменения в современном информационном обществе требуют разработки уголовно-процессуальных норм, регламентирующих копирование, изъятие, сохранение, обработку, передачу и представление в суде электронной информации, имеющей доказательственное значение, а также модернизации уголовно-процессуальных форм с учетом информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовно-процессуальное регулирование, информационно-телекоммуникационные средства, инновационные тенденции.

М. О. Medvedeva – Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

INFORMATION TECHNOLOGY IN THE CRIMINAL PROCESS: SOME NORMATIVE DEFINITION

The author conducts the analysis of the normative definitions, considers the examples of compliance with the legal regulation and the actual situation in the field of the information technologies. According to the author, the changes in the modern information society need to develop rules of criminal procedure governing the copying, removal, preservation, processing, transfer and presentation in court of electronic information, has probative value, and the modernization of criminal procedure forms, taking into account information technologies.

Key words: information technologies, criminal procedure regulation, information and telecommunication means, innovative trends.

Первоначально понятие информации исследовалось античными философами, так, в рамках атрибутивной концепции она рассматривалась как всеобщее свойство (атрибут) материи [1], далее, в теории информации К. Шеннона, – как содержание, заложенное в знаковые (сигнальные) последовательности [3, с. 243]. В настоящее время технические науки изучают информацию как содержание сигналов, передаваемых по каналам связи в системах управления [4, с. 8]. Е. Г. Кравец под информацией в уголовно-процессуальном смысле понимает сведения об объектах (предметах), которые непосредственно относятся к преступлению, и (или) сведения, которые подлежат доказыванию в рамках уголовного дела [5, с. 73].

Исходя из общего понятия технологий, толкуемого как мастерство, умение, то есть процессы, под таковыми следует подразумевать совокупность действий, направленных на достижение поставленной цели, определяемую выбранной человеком стратегией и реа-

лизуемую с помощью совокупности различных средств и методов [6, с. 24], будет целесообразным рассмотреть основное понятие – «информационные технологии».

Понятие информационных технологий было разработано В. М. Глушковым и рассматривалось, прежде всего, как методы взаимодействия с информацией, а именно: а) как способ сбора информации; б) обработка информации; в) передача информации для получения новых сведений об изучаемом объекте [7, с. 89].

Несмотря на распространенность указанного понятия, единого мнения относительно данной дефиниции нет. Так, первый обзор его трактовок представлен в работе И. А. Мизиной и др. [8, с. 4]. По мнению авторов, «термин “информационные технологии” появился в конце 70-х годов XX века и стал широко применяться в связи с использованием современной электронной техники для обработки информации». Существуют и иные толкования рассматриваемого понятия, например: «Информационной технологией является лю-

бая технология, используемая для обработки информации как таковой», или современный вариант, который отличается более детальным характером: «Информационные технологии – совокупность программных, технических, документальных средств для выполнения информационных процессов» [6, с. 25].

Близким к понятию информационных технологий является категория IT-технологий. Итак, аббревиатура IT (Ай-Ти) является сокращением от фразы Information Technology, в переводе на русский язык – «информационные технологии». К IT-технологиям можно отнести процессы и методы поиска, сбора, хранения, обработки информации, а также ее предоставления и распространения. В связи с этим в целях нашего исследования мы будем использовать понятия информационных технологий и IT-технологий как синонимичные.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» содержит следующее понятие информации: «Информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (ст. 2). Закон предусматривает также буквальное толкование понятия информационных технологий [2] – «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Ю. Г. Коротенков под информационными технологиями понимает комплекс методов, способов и средств, обеспечивающих информационный процесс, который является совокупностью последовательных действий (операций), производимых над информацией для получения какого-либо результата [16, с. 98–106].

Термин «высокие информационные технологии» (или «информационно-коммуникационные технологии») с точки зрения естественнонаучных дисциплин трактуется как «системно организованная последовательность операций, выполняемых над информацией с использованием средств и методов автоматизации» [7, с. 121]. Высокие информационные технологии, являясь подвидом информационных технологий, используют более сложные средства и методы работы с данными, что и позволяет им развиваться на современном этапе. Представляется возможным дать следующее определение высоких информационных технологий: это – процессы, методы поиска, сбора, формирования, хранения, обработки, передачи, распространения информации и способы осуществления

таких процессов и методов с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации.

В уголовном процессе понятие информации как таковое появилось с принятием Уголовно-процессуального кодекса РФ. Так, ч. 2 ст. 84 УПК РФ относит к традиционным видам документов и «иные носители информации» при соблюдении требований ст. 86 УПК РФ [3].

Информационные технологии, а также технические устройства, используемые в целях раскрытия и расследования преступлений, с точки зрения криминалистики называют «техничко-криминалистическими средствами» [9, с. 34]. При этом в рамках уголовно-процессуальной и криминалистической наук существуют иные определения института информационных технологий, например «технические средства, приемы и методы, которые используются на основе и в строгих рамках процессуальных норм и представляют собой приемы наиболее эффективного осуществления процессуальных действий» [10, с. 23].

На наш взгляд, названная дефиниция рассматривает сферу применения технических средств в уголовном процессе как необоснованно узкую, ограничивая ее рамками процессуальных действий, совершаемых на основании уголовно-процессуальных норм. Здесь можно выявить некое противоречие между теорией и реально существующей действительностью. Так, если в уголовном процессе к информационным технологиям относить только те методы и технические устройства, которые используются в строго ограниченных процессуальной формой действиях, то при производстве предварительного исследования (непроцессуальных действий) применяются не указанные средства, а какие-либо другие. Таким образом, будет отличаться процессуальная форма и статус лиц, а правовая природа средств останется неизменной [11, с. 189]. В связи с этим такой существенный признак данного определения, как процессуальный характер деятельности, является несостоятельным.

Помимо приведенного выше узкого подхода к определению сущности информационных технологий в научной литературе представлен и расширительный подход, рассматривающий в качестве технико-криминалистического средства любое средство или предмет, «если он используется в уголовном судопроизводстве для собирания и исследования доказательств, а в оперативно-розыскной деятельности – для выявления фактических данных, которые мо-

гут быть использованы для обнаружения преступлений и лиц, их совершивших» [12, с. 113]. Справедливой представляется критика данной точки зрения В. А. Паношкиным, который отмечал, что при использовании обычных «бытовых» технических средств могут быть применены криминалистические приемы и методы, причем техническое средство из-за этого не становится криминалистическим или уголовно-процессуальным, криминалистическим являются лишь тактические приемы его использования с соблюдением определенной уголовно-процессуальной формы [13, с. 70].

Следует признать, что конкретные информационные технологии пока редко находят свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. При этом, понимая неизбежность и эффективность использования информационных технологий в уголовном процессе, необходимо уделить внимание разработке правовых аспектов, которые обеспечивали бы неукоснительное соблюдение конституционных прав и свобод граждан. В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 5 – основные понятия, используемые в УПК РФ) отсутствует законодательное определение категории «технические средства». Несмотря на это, в контексте закона неоднократно упоминаются технические средства, иллюстрацией к чему является наличие данных упоминаний в ряде норм Уголовно-процессуального кодекса РФ. Таким образом, по текстуальному оформлению применения информационных технологий можно выделить следующие группы:

1. В общепринятом смысле технические средства воспринимаются как средства фиксации – «в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов...» (ст. 170 УПК РФ).

2. Как средства протоколирования – «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств» (ст. 166 УПК РФ).

3. Как средства, изначально структурно предназначенные для установления необходимых сведений – «применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела» (ст. 58 УПК РФ).

4. Как средства проверки – «в целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля» (ст. 107 УПК РФ).

5. Как технические средства коммуника-

ции – средства видеоконференцсвязи, как и любые средства коммуникации (п. 14.1 ст. 5 УПК РФ), средства связи и информационно-телекоммуникационная сеть Интернет (п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ). Основным признаком каждого из отмеченных средств для дифференциации в настоящую группу является их конструктивное предназначение для работы с информацией вне зависимости от ее формы, количества ретрансляционных источников и радиуса их удаленности.

Наряду с изложенным в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся другие положения об использовании технических, информационных, коммуникационных и иных средств без установления их понятийного значения. Такой подход не позволяет комплексно определить необходимые, то есть основные, существенные признаки технических средств для их доказательственного обозначения. Наличие процессуальных проблем в вопросах о возможности использования технических средств при производстве следственных действий находит должное отражение в работах многих ученых-процессуалистов [14]. По мнению А. Е. Федюнина, отсутствие единообразного понимания сущности информационных технологий и технических средств в уголовно-процессуальной деятельности, недостаточное правовое регулирование их правового статуса, с одной стороны, детерминированы, а с другой стороны, влекут за собой дальнейшую неясность нормативно-правовых формулировок для правоприменителя, помимо этого, указанные проблемы негативно сказываются на качестве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел [15].

Таким образом, приходится констатировать, что современное разнообразие в обозначении технических средств в Уголовно-процессуальном кодексе РФ диктует необходимость теоретической разработки и формулирования соответствующих законодательных новелл. Произошедшие изменения в современном информационном обществе нуждаются в разработке уголовно-процессуальных норм, регламентирующих копирование, изъятие, сохранение, обработку, передачу и представление в суде электронной информации, имеющей доказательственное значение, а также, что наиболее важно, модернизацию уголовно-процессуальных форм с учетом информационных технологий таким образом, чтобы они отвечали классическим требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Литература

Bibliography

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
3. Шеннон К. Математическая теория связи. Работы по теории информации и кибернетики. М., 1963.
4. Колин К. К. Информатика как фундаментальная наука. Методы и технологии информатизации управленческой деятельности: сб. ст. / под общ. ред. А. Н. Данчула. М., 2007.
5. Кравец Е. Г. Современные возможности накопления, передачи и анализа информации, значимой для расследования преступлений // Вестн. Волгоград. акад. МВД России / под ред. В. И. Третьякова. Волгоград, 2010.
6. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. М., 2009.
7. Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. М., 1987.
8. Мизин И. А., Сеницын И. Н., Доступов Б. Г. и др. Развитие определений «информатика» и «информационные технологии» / под ред. И. А. Мизина. М., 1991.
9. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учеб. / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М., 2010.
10. Криминалистика: учеб. / отв. ред. А. Н. Васильев. М., 1963.
11. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград, 2013.
12. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Р. С. Белкин, Г. Г. Зуйков. М., 1969. Т. 1.
13. Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство (правовые аспекты). Воронеж, 1985.
14. Цомая С. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
15. Федонин А. Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.
16. Коротенков Ю. Г. Информационные процессы и технологии как объекты информатики и обучения информатике // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Информатика и информатизация образования. М., 2004. № 3.
1. Criminal and Procedural Code of the Russian Federation, 18.12.2001 № 174-FZ (ed. 06.07.2016) // Set of legislations of Russian Federation. 2001. № 52 (p. I). Art. 4921.
2. Federal Law, 27.07.2006 № 149-FZ (ed. 06.07.2016) «On information, information technologies and information defense» // Set of legislations of Russian Federation. 2006. № 31 (1 p.). Art. 3448.
3. Shannon K. Mathematic theory of communications. Papers on theory of information and cybernetics. Moscow, 1963.
4. Kolin K. K. Informatics as fundamental science. Methods and technology of Informatization of management: collection of articles / ed. by A. N. Danchula. Moscow, 2007.
5. Kravets E. G. Modern opportunities of accumulation, transferring and analysis of information, significant for crime detection: Bulletin of Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia / ed. by V. I. Tretyakov. Volgograd, 2010.
6. Explanatory Dictionary of terms of notions of education Informatization. Moscow, 2009.
7. Glushkov V. M. The basis of paperless Informatics. Moscow, 1987.
8. Mizin I. A., Sinitsin I. N., Dostupov B. G., etc. Development of notions «Informatics» and «Information technologies» / ed. by I. A. Mizin. Moscow, 1991.
9. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Criminalistics: textbook / ed. by E. P. Ishchenko. 2nd issue, cor., add. and rewrite. Moscow, 2010.
10. Criminalistics: textbook / chief ed. A. N. Vasilev. Moscow, 1963.
11. Zaitseva E. A., Sadovsky A. I. The formation of evidence by the investigation using special knowledge and scientific-technical equipment: monograph. Volgograd, 2013.
12. Criminalistics: textbook / chief ed. R. S. Belkin, G. G. Zuykov. Moscow, 1969. Vol. 1.
13. Panyushkin V. A. Scientific-technical Progress and Criminal Legal Procedure (legal aspects). Voronezh, 1985.
14. Tsomaya S. D. Legal regulation and evidence meaning of application of scientific-technical means in criminal legal proceedings: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2007.
15. Fedunin A. E. Legal regulation of technical meanings in criminal procedure: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2008.
16. Korotnikov Yu. G. Information process and technology as objects of Informatics and teaching to Informatics // Bulletin of Moscow Municipal pedagogical University. Series: Informatics and Informatization of education. 2004. № 3.

© 2016 г. А. К. Гасанов,

аспирант Астраханского государственного университета.
E-mail: gas.am@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СТРАХОВАНИЮ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются преступления, связанные с мошенничеством в сфере автострахования. Автором отмечается, что транспортные средства являются источниками повышенной опасности и в силу своей высокой стоимости достаточно часто становятся предметом преступлений против собственности. В этой связи определяется место данной уголовно-правовой нормы с учетом объекта посягательства.

Ключевые слова: объект, автострахование, страховщик, страхователь, преступление, уголовное право, преступность.

A. K. Gasanov – Postgraduate Student, Astrakhan State University.

ACTIVITY IN MOTOR INSURANCE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the offence of fraud in the field of auto insurance. The author notes that vehicles are sources of enhanced danger and owing to the high cost rather often become a subject of property offenses. In this regard the place of this criminal precept of law is defined with object of encroachment.

Key words: object, car insurance, insurer, insurer, crime, penal law, crime.

«Воздействуя на окружающую среду, человек часто испытывал на себе влияние природы, и в том числе отрицательное, которое нередко сводило на нет результаты всей его экономической и хозяйственной деятельности за длительный период времени». Одним из действенных методов противодействия и устранения отрицательных последствий стихийных природных катаклизмов стало страхование.

Активное развитие страхового российского рынка на современном этапе во многом способствует увеличению количества мошенничеств в отрасли страхования автотранспортных средств со стороны страхователей и страховщиков.

«Анализируя законодательство, регулирующее данную страховую деятельность в России, необходимо отметить, что оно постоянно обновляется и не стоит на месте. Вместе они составляют серьезную проблему, как для системы страхования, так и для государства в целом. Страховая компания, ставшая жертвой преступных посягательств, зачастую становится неплатежеспособной и не может исполнить обязательства перед своими застрахованными лицами. Все это, конечно, приводит к ухудшению финансового состояния граждан и субъектов хозяйственной деятель-

ности, доверивших свою собственность страховой компании» [4, с. 67]. Перед государством в лице его правоохранительных органов возникает задача выявления случаев мошенничества в отрасли страхования и привлечения виновных к ответственности.

Для качественной уголовно-правовой характеристики действий лиц, совершающих мошенничество в отрасли страхования автотранспортных средств, выработки путей и методов предупреждения данного вида преступлений важное значение приобретает уяснение особенностей структуры правоотношений в отрасли страхования автотранспортных средств, а также научный анализ современного состояния рынка и количества мошеннических действий в данном секторе экономики.

«Рассматривая структуру страховых отношений, нельзя обойти вниманием роль сотрудников ГИБДД МВД России, оформляющих дорожно-автотранспортные происшествия, о возмещении причиненного вреда в результате наступления страхового события при страховании автотранспортных средств. Как показывает практика, именно на данной стадии страховой деятельности происходит наибольшее количество преступных мошеннических действий, которые направлены на

получение незаконных выплат денежных средств от страховых компаний» [3, с. 236]. Прослеживается следующая закономерность: в дорожно-транспортном происшествии, как правило, виноват водитель менее дорогого или менее поврежденного автотранспортного средства, а потерпевшим является лицо, управляющее более дорогим транспортным средством. Это позволяет делать вывод о большом количестве «надлежаще» оформленных дорожно-транспортных происшествий, а также все возрастающем числе инсценировок дорожно-автотранспортных происшествий.

Как правило, страховщики, получая необходимые документы о совершенном дорожно-автотранспортном происшествии, только на основании данных документов принимают решение о выплате страховой премии, поэтому если работники государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России ненадлежащим образом оформляют заведомо искусственно смоделированное дорожно-автотранспортное происшествие, то у страховой организации практически нет никаких законных оснований отказать такой «потерпевшей» стороне в компенсации ущерба.

«Одной из особенностей страхования автотранспортных средств непосредственно является необходимость проведения различных экспертиз по определению размера причиненного ущерба, полученного в результате наступления страхового события, а также установлению отдельных фактов наступления предусмотренных страховых случаев. Так, 24 апреля 2003 года в своем постановлении “Об организации независимой технической экспертизы автотранспортных средств” Правительством Российской Федерации № 238 утверждены правила организации и проведения независимой технической экспертизы, а также определены федеральные органы исполнительной власти, на которые возложены функции создания системы независимой технической экспертизы» [2].

Большая свобода действий, которая существует в страховании, позволяет преступникам совершать мошеннические действия на любом этапе заключения и исполнения договора страхования, в том числе непосредственно при заключении всеми сторонами договора страхования в течение его действия, а также в момент заключения такого договора страхования уже даже после наступления страхового события.

В сентябре 2013 года комитетом по противодействию страховому мошенничеству Всероссийского союза страховщиков был прове-

ден мониторинг общественного мнения по изучению вопросов страхового мошенничества. Проведенное исследование показало следующие результаты: в 2013 года 27 % россиян посчитали, что допустимо обмануть страховую компанию в том числе путем завышения суммы ущерба выше реального или подачи заявления о причиненном ущербе, которого на самом деле не было; 46 % россиян полагают, что такое поведение вполне допустимо (21 % – «скорее недопустимо»; 26 % – «недопустимо»); 24 % опрошенных затруднились ответить на эти вопросы. Приведенные данные указывают на то, что положение дел в отрасли ухудшается. По сравнению с 2012 годом достаточно резко сократилась группа респондентов, уверенных, что любой обман страховой компании недопустим (с 41 до 25 %). Несмотря на то обстоятельство, что большая часть респондентов перешла в группу «затруднились ответить», неготовность наших граждан расценивать обман страховых компаний как недопустимое действие является крайне негативной тенденцией для страхового рынка. Кроме этого, необходимо отметить рост с 22 % в 2012 году до 28 % в 2013 году, числа респондентов, считающих допустимым обман страховой компании. Как следствие, в три раза увеличилось количество граждан, знающих о случаях обмана страховых компаний, – с 10 % в 2012 году до 30 % в 2013 году, о том, что они не знают таких случаев обмана, заявили 61 % респондентов, а еще 11 % – затруднились ответить на поставленный вопрос.

Примерно одинаковое количество опрошенных полагают, что обман страховой компании не может рассматриваться как преступление (38 %) и что он является преступлением (37 %). Заметно возросла доля респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, – с 16 до 28 %, что свидетельствует о существенной неустойчивости общественного мнения по данному вопросу. При этом 18 % опрошенных не считают обман страховщика преступлением, так как страховые компании сами обманывают клиентов; 16 % – потому что оплата за страхование очень завышена; 9 % – в Уголовном кодексе РФ не упоминается о таком преступлении; 7 % – страхование является еще одним дополнительным налогом.

«Таким образом, обман страховой компании многие граждане Российской Федерации не считают преступлением, так как он связан с возвратом своих денежных средств, так называемым “наказанием” компаний, которые в свою очередь обманывают страхователей».

По данным Всероссийского союза страховщиков, Российская Федерация является одним из мировых лидеров по объемам страховых выплат мошенникам – они получают более 11 % от общей суммы страховых премий, то есть более 15,5 млрд рублей ежегодно.

«Впрочем, в этом Россия не отстает от других стран. В мировой индустрии страхования потери, которые не выявляются в результате “афер”, составляют примерно 14–19 % от собранных платежей».

«По приблизительным подсчетам, по России на сегодняшний день в собственности находится примерно 40 миллионов автомобилей и каждый год количество транспортных средств увеличивается в среднем на 2,5–4,5 миллиона, в этом случае увеличиваются и сборы в пользу страховых организаций, а следовательно, и количество попыток совершить мошенничество и соответственно обманным путем получить страховую выплату. По мнению специалистов, сборы премии по страхованию автотранспортных средств на территории Российской Федерации в 2015 году могут вполне реально достичь 264 млрд рублей, то есть утроиться по сравнению с теми результатами, которые были в 2006 году. Эти прогнозы подтверждаются наметившейся тенденцией роста страховых сборов, так, если в 2005 году они выросли на 5 %, уже в 2006 г. – на 23,5 %, далее, в 2007 году, темпы роста приблизились к 24 %, в 2008 году – около 28 %».

Согласно официальным данным, представленным ГИАЦ МВД России, с 2006 года наметилась явная тенденция снижения общего количества зарегистрированных мошенничеств: в 2006 году – 225 326 (+ 25,5 %) случаев, в 2007 году – 211 277 (- 6,2 %), уже в 2008 году – 192 490 (- 8,9 %), в 2009 году – 188 723 (-2,0 %). Несмотря на это, только по зарегистрированным данным МВД, количество случаев мошенничества в отрасли автострахования в Российской Федерации ежегодно увеличивается не менее чем на треть, реальные же показатели этого явления гораздо выше. Особой стороной общественной опасности рассматриваемого вида мошенничества является его высокая латентность. Если кражу сложно не обнаружить, то удачно совершенное мошенничество имеет намного больше шансов остаться не выявленным в течение длительного времени либо не выявленным вообще. Это обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что страхование представляет собой один из самых высокоинтеллектуальных видов бизнеса, который базируется на знаниях права, социологии, психологии, теории вероятности, техники.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно выделить ряд основных причин, «которые влияют на латентность мошенничеств в отрасли только страхования в целом и в страховании автотранспортных средств в частности:

- недостаточный опыт в отрасли выявления мошеннических действий;

- отсутствие активности со стороны сотрудников правоохранительных органов по выявлению мошеннических действий;

- низкий уровень познаний в отрасли страхования у сотрудников правоохранительных органов, занимающихся выявлением преступлений данного вида;

- высокий интеллектуальный уровень мошенников;

- сложность тактики и методики расследования, а также доказывания по уголовным делам относительно факта мошенничества;

- наличие сговора с сотрудниками страховой компании и сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, что препятствует, на наш взгляд, истинному установлению положения дел;

- стремление некоторых страховых организаций, выявивших факты совершения мошенничества, уладить все вопросы в досудебном порядке, не обращаясь к помощи сотрудников правоохранительных органов».

«По данным ГУЭБиПК МВД России, страховые организации не хотят обращаться по выявленным им фактам мошенничества в правоохранительные органы. А в случае обращения это происходит не чаще одного раза в месяц. А обращений по выявленным случаям страхования автотранспортных средств вообще практически нет. Во многом это обусловлено участием своих же сотрудников данных страховых компаний в ими же разработанных мошеннических схемах».

«Так, по данным Росгосстраха, в 2007 году его службой безопасности было непосредственно выявлено 2 248 фактов мошенничества, в результате было возбуждено только 290 уголовных дел». «В 2008 году департаментом экономической и информационной защиты бизнеса “Росгосстраха” было выявлено 2,6 тысяч случаев, где присутствуют признаки страхового мошенничества, по которым органами внутренних дел возбуждено 315 уголовных дел». «Данная ситуация свидетельствует о том, что только по 10 % случаев выявленного страхового мошенничества возбуждаются уголовные дела». «В 2007–2009 годах наблюдался незначительный рост числа возбужденных уголовных дел при резком увеличении количества мошенни-

ческих действий, не ставших предметом уголовного производства)*.

«Порядка 80 % страховых мошенничеств приходится на страхование транспортных средств» [4, 5, 6]. По отдельным подсчетам, уголовные дела возбуждаются не более чем по 3–4 % от выявленных фактов, притом что большая часть преступлений остаются латентными. Быстрый рост количества мошеннических действий, который произошел в отрасли страхования автотранспортных средств, связан прежде всего с тем, что автомобиль как объект страхования наиболее мобилен и прост в реализации.

«Так, Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств» во многом стал переломным моментом в развитии российского бурно растущего рынка страхования транспортных средств. Для многих страховых компаний это послужило толчком к дальнейшему развитию». «Обязательное страхование автотранспортных средств стало той областью, где по разные стороны (как со стороны страховой компании, так и, конечно же, со стороны страхователя) работают целые команды лиц, занимаясь получением прибыли незаконно, там, где государство не в состоянии уследить за этим».

Страховое мошенничество с использованием обязательного полиса страхования гражданской ответственности обладает уникальными признаками:

1) при данном мошенничестве причиняется не только прямой и непоправимый вред экономическим и имущественным интересам страховой компании, так как денежные суммы страховых выплат, идущих на оплату причиненного «ущерба потерпевшим», однако за очень редким исключением, не возвращаются в порядке регресса;

2) очень свободно в данный вид мошенничества потенциально может быть вовлечен каждый автовладелец, попавший в дорожно-транспортное происшествие, ввиду неизбежных в том числе и крупных материальных затрат на восстановление как своего, так и чужого транспортного средства, имея естественное желание их уменьшить;

3) в целом ряде обязательных участников получения денежных средств после дорожно-транспортного происшествия (участников дорожно-транспортного происшествия, законных представителей сторон, сотрудников ГИБДД, свидетелей, адвокатов, экспертов-

оценщиков, страховых агентов, сотрудников отделов выплат и других) появляется большое количество лиц, от действий каждого из которых зависит конечный результат. Это приводит, как правило, к формированию преступного сговора и совершения групповых, а также серийных преступных мошенничеств;

4) обязательность данного вида страхования вызывает отрицательное отношение населения, что в свою очередь неизбежно вызывает дополнительную мотивацию и особое желание воспользоваться такой страховкой, пусть даже незаконным способом.

«Негативной тенденцией на рынке ОСАГО стало наводнение его поддельными полисами, когда покупатель даже и не подозревает об этом либо идет на покупку такого полиса сознательно ввиду его низкой цены. Нередки случаи продаж страховыми агентами полисов, списанных или якобы утерянных. Таким образом, мы видим, что страховая премия вообще не попадает в страховую компанию» [7, с. 13].

Одним из негативных факторов является отсутствие официальной статистики о случаях мошеннических действий, которые совершаются в отрасли страхования автотранспортных средств в России. Департамент страхового надзора такими данными не обладает, а страховые компании имеют разрозненную информацию по случаям мошенничества. Как правило, большинство страховых компаний стараются учитывать сомнительные выплаты.

«Объем противоправных и криминальных страховых требований в 2008 году в отдельных страховых компаниях по «КАСКО» составил до 20 %, по ОСАГО – до 30 %. Общий размер выплат по фактам мошенничества в отрасли страхования автотранспортных средств оценивается в 2,6–3,1 млрд рублей». Если пересчитать эту сумму на количество заключенных договоров по страхованию автотранспортных средств, то получится, что в среднем каждый российский страхователь КАСКО заплатил около 3 000 рублей в так называемую «мошенническую общую кассу». Каждый год страховые компании сообщают об угрожающем росте случаев мошенничества в отрасли предоставления услуг страхования автотранспортных средств.

«Изучение структуры страховой премии по типам автотранспортных средств за последние 5 лет показывает, что более 80 % приходится на страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств,

* 3 декабря 2012 года в Уголовный кодекс РФ были внесены шесть новых статей, детализирующих мошенничество, одна из которых – ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования».

из них около 90 % принадлежало физическим лицам. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что легковые автомобили чаще становятся объектами дорожно-автотранспортных происшествий, угонов и т. д.».

«Деятельность страховых организаций по противодействию данному виду преступлений зачастую остается малоэффективной. Причиной этому является разрозненность усилий страховщиков и практически полное отсутствие до последнего времени единых баз данных. Однако в этом направлении проводится довольно активная работа» [8].

В 2003 году президиум Российского союза автостраховщиков утвердил концепцию об организации взаимодействия страховых организаций, направленного на борьбу с мошенничеством и иными правонарушениями в страховании автотранспортных средств. Основными целями ее реализации являются: снижение убыточности страховщиков за счет более эффективного, разумного взаимодействия в выявлении и предотвращении правонарушений в вышеуказанной отрасли; действия, направленные на укрепление сотрудничества с органами государственной власти и органами местного самоуправления, по совершенствованию правовых (уголовно-правовых) механизмов борьбы с мошенничеством; оказание помощи страховщикам в организации законной работы по противодействию такому страховому мошенничеству; организация тесного взаимодействия с зарубежными страховыми компаниями по противодействию страхового мошенничества на межгосударственном уровне.

Для осуществления поставленных целей в структуре Российского союза автостраховщиков создана информационно-аналитическая служба по противодействию страховому мошенничеству. Под его эгидой была сформирована специализированная база «Спектр». Все основные участники рынка страхования автотранспортных средств в едином формате предоставляют для нее информацию о произошедших страховых событиях. В дальнейшем эта информация подвергается анализу специалистов соответствующего информационного подразделения Российского союза автостраховщиков. В базу «Спектр» информация поступает только по осуществленным выплатам. Случаи предотвращения мошенничества там не фиксируются. Для этого существует система оповещения между службами безопасности разных страховых компаний, а информирование широкой общественности осуществляется через средства массовой информации.

При этом страховые компании в основном опираются на возможности гражданско-правовой защиты. «По нашему мнению, необходима и уголовно-правовая ответственность субъектов страховых правоотношений за совершенные мошеннические действия. Однако в настоящее время обеспечение уголовно-правовыми мерами безопасности участников подобной деятельности от недобросовестных сделок в ряде случаев затруднено из-за несоответствия уголовно-правовых норм реально существующим элементам рыночных отношений».

«По ныне действующему уголовному законодательству России такие обманные действия со стороны недобросовестных страхователей, нацеленные на получение незаконных страховых выплат, подлежат квалификации по ст. 159-5 УК РФ («Мошенничество в сфере страхования»)), «так как специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за мошеннические действия в отрасли страхования автотранспортных средств, Уголовный кодекс РФ в настоящее время не предусматривает» [9].

«Случаи обмана со стороны страховых компаний в отдельных случаях попадают также под действия, которые образуют состав мошенничества, предусмотренного ст. 159-5 УК РФ, а в некоторых случаях охватываются ст. 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»), так как если при мошенничестве, как и при любой форме хищения, происходит изъятие имущества у собственника и незаконное обращение имущества в пользу виновного или других лиц, то при причинении имущественного ущерба такого изъятия не происходит» [2, с. 54–61].

«Также мошеннические действия и со стороны страхователей, и страховщиков очень тесно соприкасаются, и, следовательно, анализируя в нашем исследовании страховое мошенничество также со стороны страхователей и посредников, тем не менее, необходимо обратить особое внимание на все аспекты данного понятия» [1].

Подводя итог анализу проблем, посвященных социально-правовой сущности института страхования автотранспортных средств и его законодательного закрепления, необходимо отметить, что развитие современного страхового рынка и, в частности составляющего его элемента – страхования автотранспорта, является одним из важнейших условий формирования российской экономики. «Рост рынка страхования, в первую очередь автотранс-

портных средств, остается очень бурным все последние годы. В то же время этот процесс сопровождается криминализацией данной сферы, так как постоянное увеличение финансовых средств, находящихся в обороте страховых компаний, привлекает все больше криминальных структур и отдельных лиц, желающих получить материальную выгоду незаконным

путем» [5, с. 261]. Кроме того, вся эта деятельность наносит прямой убыток субъектам страховых отношений (страхователям и страховым компаниям), данные преступления препятствуют выполнению страхованием таких важных функций, как повышение стабильности, ограничение экономических рисков, стимулирование предпринимательской инициативы.

Литература

1. Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2012. № 5951.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2005 года № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова» // Собр. законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2311.

3. Уголовное право: учеб. для бакалавров: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М., 2012.

4. Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

5. Шахрай С. С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

6. Сулопаров А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2010.

7. Лунеев В. В. Модернизация в условиях преступности // Публичное и частное право. 2012. Вып. I (XIII). № 1.

8. Евдокимов К. Н. Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2012. № 6.

9. «Резиновую» статью о мошенничестве разделили на виды // Моск. новости. 2013. 3 янв.

Bibliography

1. The federal law of November 29, 2012 № 207-FZ «About modification of the Criminal code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation» // The Russian newspaper. 2012. № 5951.

2. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2005 № 6-P «On the case of check of constitutionality of the Federal law “About obligatory insurance of a civil liability of owners of vehicles” in connection with inquiries of the State Meeting – Al Kurultay of Altai Republic, the Volgograd region дума, group of deputies of the State Duma and the complaint of the citizen S. N. Shevtsov» // The Russian Federation Code. 2005. № 23. Art. 2311.

3. Penal law: the textbook for bachelors: in 2 t. T. 2: Special part / ed. by I. A. Podroykin, E. V. Seriyogin, S. I. Ulezko. Moscow, 2012.

4. Komarov A. A. Criminological aspects of fraud on the global Internet: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2011.

5. Shakhrai S. S. System of crimes in the sphere of computer information: comparative and legal, sotsiologo-criminological and criminal and legal aspects: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2010.

6. Susloparov A. V. Computer crimes as kind of crimes of information character: dis. ... PhD in Law. Krasnoyarsk, 2010.

7. Luneev V. V. Modernization in the conditions of crime // Public and private law. 2012. Issue I (XIII). № 1.

8. Evdokimov K. N. Actual problems of criminal and legal qualification of crimes in the sphere of computer information // The Russian investigator. 2012. № 6.

9. «Rubber» article about fraud was divided into types // The Moscow news. 2013. January 3.

© 2016 г. Д. А. Кутовой,

стажер адвоката коллегии адвокатов «ЭГИДА» Адвокатской палаты Ростовской области.
E-mail: d.a.kutovoy@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СЕРВИСНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье показано, что правовой сервис как современная функция государственного управления способен интегрироваться в государственные структуры, может оказывать позитивное влияние на процесс преодоления коррупции в деятельности органов публичной власти. Подчеркивается, что злоупотребления в сфере публичной власти является серьезной проблемой для современной правовой науки независимо от степени развитости институтов государства. В результате установлено, что информатизация взаимоотношений общества и государства исключает персональное давление и расширяет возможности общественного контроля посредством использования современных технологий и методов государственного управления.

Ключевые слова: государство, коррупция, управление, правовой сервис, информационное общество, государственные услуги, реформы.

D. A. Kutovoy – Trainee of a Lawyer, Bar Association «EGIDA» of Lawyer Chamber of the Rostov region.

THE CONCEPT OF SERVICE STATE IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION AND COMBATING CORRUPTION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

The article shows that the legal service of the present administration of the government, able to integrate into government structures, can have a positive impact on the process of overcoming corruption in the activities of public authorities. It is emphasized that in the field of abuse of public power is a serious problem for the modern science of law regardless of the degree of development of state institutions. The results revealed that the informatization of the relationship of society and the state eliminates the personal pressure of and expands the possibilities of public control, through the use of modern technologies and methods of public administration.

Key words: state, corruption, governance, legal services, information society, public services reforms.

В современной юридической литературе [3; 4] активно обсуждаются вопросы, касающиеся поиска наиболее эффективной модели государственного управления, исключаящего проявления коррупционной составляющей. В этом процессе следует руководствоваться, прежде всего, комплексным характером правового регулирования мер по противодействию коррупции, которая является серьезным вызовом стабильности современного информационного государства. Противоречивость публичных и частных интересов осложняется их полярностью и необходимостью балансирования в процессе реализации управленческих задач. В условиях сервисного государства формируется специфическая система взаимосвязи исполнительной власти и аппарата управления посредством формирования новой функции государства, способной противодействовать коррупции, гарантируя невозможность вмешательства субъективного фактора в систему оказания государствен-

ных и муниципальных услуг, что может укрепить организационно-правовые основы взаимодействия публичной власти и гражданского общества.

В этом случае сужаются возможности должностных лиц выходить за рамки, установленные законами о государственной и муниципальной службе, и использовать служебное положение в корыстных целях, что будет способствовать реализации гражданами прав и свобод, с одной стороны, а с другой – обеспечит получение публичных услуг без угрозы для их конституционных прав. Злоупотребления в сфере государственного управления и местного самоуправления являются серьезными проблемами для современного общества, независимо от степени развитости институтов публичной власти коррупция продолжает носить системный характер. Преодоление этого явления невозможно без постоянного совершенствования мер по противодействию ему.

Правовой сервис как функция государственного управления, способная интегрироваться в государственные структуры, обладает совокупностью элементов, оказывающих позитивное влияние на преодоление коррупции в деятельности органов власти. К ним можно отнести:

- ориентированность правового сервиса на использование информационно-телекоммуникационных технологий, которые позволяют исключить субъективный фактор из процесса принятия решений;

- приоритет открытости деятельности административных структур, поскольку обеспечивается доступ граждан к правовой информации;

- формирование общих подходов в правовой политике в сфере информатизации административных структур на основе сервисной концепции государства как современной формы взаимодействия государства и общества;

- технология «одного окна», которая может привести к исключению коррупционной составляющей во взаимоотношениях государства и гражданина;

- повышение уровня правосознания и правовой компетентности как условие для реализации гарантированных Конституцией РФ прав и свобод.

Следовательно, информационная доступность правового сервиса обладает качествами, позволяющими сузить возможности для выстраивания коррупционных схем в деятельности государственных структур.

Сложные управленческие системы содержат элементы автоматичности, поэтому вмешательство в них крайне затруднено, а действия государственных служащих, взаимодействующих с электронными системами, легко проследить посредством опубликования отчетов на официальных сайтах государственных органов в сети Интернет. В. А. Номоков считает, что «информационная закрытость государства всегда являлась питательной средой для развития коррупции. Напротив, обеспечение прозрачности, гласности данным процессам позволяет довольно таки эффективно противодействовать коррупции. В печати приводятся характерные примеры успешной борьбы с данным явлением» [5, с. 90–93]. Следовательно, открытость государственной сервисной политики становится еще одной формой борьбы со злоупотреблениями властью, позволяющей го-

ворить о правовом сервисе как об эволюционной модели государственного управления.

Правовой сервис в качестве модели государственного управления можно рассматривать как отношения между государством и гражданином по типу «заказчик-исполнитель», синтез императивных и диспозитивных норм права. Бюрократизация отношений также вызвана отсутствием альтернатив в реализации потребностей граждан при обращении в государственные структуры. Рыночные модели взаимоотношений субъектов права прошли путь конкурентного совершенствования, что позволило им стать более простыми, эффективными и универсальными. Д. С. Милль писал, что «если общество допускает, чтобы существенная часть его членов вырастала сущими детьми, неспособными действовать по рациональному и дальнему плану, общество само и понесет последствия этого» [6, с. 388–392]. Неведение и безразличие населения являются почвой для формирования коррупционных схем.

Исторически многими государствами были выработаны эффективные методы противодействия коррупции посредством плавных, но строго реализуемых государственных реформ. При этом политические силы, которые проводили эти преобразования, находились в тесном взаимодействии с населением, что позволяло им отслеживать реакцию и поддержку тех или иных реформ. Однако в коррупционном государстве население не способно объективно формировать политические силы, а следовательно, продвигать свои интересы.

Преодоление коррупции связано не только с недоработками в правовом поле, но и с низким уровнем правовой культуры населения, безответственностью государственных служащих и недостатком средств государственного и общественного контроля. В то же время коррупция – это сигнал о социально-политическом кризисе, преодоление которого должно осуществляться в новых эволюционных формах государственного управления. Внедрение средств и инструментов правового сервиса как метода противодействия коррупции становится актуальной проблемой для теоретико-правового анализа.

Современное законодательство по борьбе с коррупцией не является действенным средством преодоления этой проблемы, так как оно не способно само по себе повысить эф-

эффективность контрольных органов или сформировать новые институты, осуществляющие проверку, контроль и обеспечение публичного доступа к информации о деятельности государственных служащих и органов публичной власти. Антикоррупционное законодательство должно стать основой для конкретных мер, иначе оно создает иллюзию борьбы с коррупцией, что не решает саму проблему, более того, ставит препятствия на пути осознания сущности данной проблемы. Без надлежащего контроля со стороны общества борьба с коррупцией оказывается не средством ее сдерживания, а скорее, прикрытием.

Деятельность гражданского общества по общественному контролю регулируется Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2], в соответствии с п. 3 ст. 3 которого граждане участвуют в осуществлении общественного контроля в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов в порядке, установленном настоящим законом и другими федеральными законами. Следует отметить, что анализ данного закона не дает ответа на вопрос о том, какими практическими возможностями обладает общественный контроль, который с учетом специфики российского общества осуществлять весьма проблематично. Использование информационных технологий и сети Интернет для сбора информации и публикации отчетов по фактам коррупционных преступлений позволяет расширить возможности граждан по общественному контролю.

Коррупция многогранна и неоднородна, поэтому нет универсальных методов, обеспечивающих полную и эффективную антикоррупционную модель в системе органов государственного управления. Поэтому борьба с коррупцией может основываться на принципах:

- системного подхода к проблеме формирования мер по противодействию коррупции на всех уровнях государственной власти;
- создания благоприятных условий для формирования антикоррупционных схем в законодательстве и управленческой деятельности;
- формирования условий неотвратимости ответственности за совершение актов коррупции;
- выявления и пресечения мотивов коррупционной составляющей в деятельности государственных служащих и органов местного самоуправления;

– осуществления общественного контроля и надзора за органами государственной власти в форме гражданских инициатив.

Анализируя процесс преодоления коррупционной составляющей в системе государственного управления, можно сделать вывод об отсутствии воли у власти, с одной стороны, и о наличии пробелов в правовом регулировании, с другой стороны.

С теоретико-правовой точки зрения антикоррупционное законодательство является парадоксальным, так как общество, в котором принимаются такие законы, всегда с подозрением относится к тем, кто их создает. Такое нормотворчество налагает двойную ответственность на законодателя, поскольку помимо совершенствования антикоррупционных мер законодательство может создавать не только видимость борьбы с коррупцией, но и дополнительные преференции для преступников. Решение вопроса о сущности системной коррупции, даже при высоком уровне информированности граждан, невозможно при отсутствии объективного подхода к анализу причин и следствий коррупционной деятельности и неотвратимости ответственности за нее. Такие законы идеализируют коррупцию, создавая иллюзию принятия перспективных мер по борьбе с ней.

Н. Д. Дроздов пишет, что «эффективность воздействия на преступное поведение связано с двумя факторами: вероятность санкции и угроза самой санкции. Взгляды на эти множители со стороны общества и со стороны власти различны. Обществу важно, чтобы наказали того, кто опасен (высокая вероятность санкций). Для власти это излишне дорого (надо поймать, потом иметь дело с мерзавцами адвокатами и пр.). Дешевле поднимать планку наказания. Отсюда следует неэффективность государства, у которого сняты ограничители, и оно действует по пути наименьшего сопротивления. Фактически конкретный положительный сдвиг возможен после преодоления разрыва между государством и гражданским обществом, основанного на страхе граждан во вмешательство и неверие в принцип неизбежности наступления ответственности за совершенное преступление» [7, с. 35].

Принцип неотвратимости наступления ответственности за совершенное коррупционное преступление предусмотрен в п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 года

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], поэтому антикоррупционные меры не должны противоречить законодательству, которое в свою очередь должно создавать противовес, нивелировать многозначность, неясность и оторванность норм от реальных общественных отношений.

Упрощение законодательства не является универсальным средством преодоления правовых коллизий. Напротив, оно должно стать стабильным, надежным и эффективным средством, отражающим реальные общественные отношения. Россия – страна с переходной (конвергенционной) правовой системой, поэтому для эволюционного развития законодательства прежде всего необходимо завершить создание эффективных правовых норм. Правовой сервис, предоставляемый государством, может стать одновременно катализатором правовых преобразований и гарантом их эффективности.

Коррупция, будучи препятствием для реализации законных прав и интересов граждан, должна искореняться на всех уровнях публичной власти. Государство, в котором население фактически оторвано от возможности обеспечения своих интересов, не может называться демократическим и обречено стать жертвой лжи и тирании. Причины сдвига правосознания привилегированных слоев общества связаны с их деформированным восприятием реальности, приводящим к вседозволенности, беззаконию, нарушению прав и обязанностей, что становится одной из причин правового неравенства, а следовательно, и коррумпированности власти.

Информационный компонент антикоррупционной деятельности может приобретать всеобъемлющий характер, так как власть, отстаивающая только свои интересы, становится замкнутой системой. Она является малоэффективной, порождая недовольство граждан и риск дестабилизации общественных отношений. Чтобы этого не происходило, необходимо изменить характер власти путем ее демократизации и информационной открытости. Для этих преобразований нужны информационно компетентные, социально активные граждане, способные отстаивать свои интересы посредством институтов гражданского общества. Возможность для граждан влиять на власть может запустить эволюционный процесс обновления кадрового состава государственных слу-

жащих, вытесняя лиц, не соответствующих требованиям закона.

Под понятием «информационный антикоррупционный сдвиг» следует подразумевать преобразовательное действие информационных технологий, которые приведут к значительному повышению уровня правосознания граждан, формированию активной гражданской позиции, развитию институтов контроля власти, гражданского общества и правового государства. Правовой сервис как форма предоставления государственных услуг может формировать новые инструменты, способные предотвратить появление коррупции, исключая саму почву для появления коррупционных схем. Гласность государственной деятельности должна быть не просто конституционным принципом, но и распространять свое влияние на все формы государственной службы.

На основе общественных инициатив и информационных технологий возможно введение следующих механизмов противодействия коррупции:

- создание государственной социальной сети, содержащей портфолио государственных и муниципальных служащих, где можно размещать комментарии их деятельности, выставлять рейтинг, контролировать коррупционные схемы, выносить благодарность или жаловаться в подведомственные органы;
- организация онлайн-курсов по правовой и экономической грамотности населения;
- совершенствование общественного контроля фактов дезинформации о деятельности чиновников и привлечение к ответственности лиц, нарушающих законодательство.

В заключение следует отметить, что в условиях информационного общества коррупция является формой, снижающей эффективность государственного и муниципального управления. При этом правовой сервис как совокупность средств борьбы с коррупцией имеет большой потенциал, поскольку автоматизация взаимоотношений общества и государства способствует исключению персонального влияния, расширению возможностей общественного контроля посредством использования информационных технологий, внедрению инновационных методов государственного управления в процесс предоставления государственных и муниципальных услуг.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Рос. газ. 2008. 30 дек.
2. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 28 июля.
3. Сапронов С. В. Исследование особенностей и классификации видов коррупции в органах государственной власти // Бизнес в законе. М., 2013.
4. Пиджаков А. Ю. Классификация коррупции и ее исследования // Преодоление коррупции – главное условие утверждения правового государства: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты: межвед. науч. сб. М., 2010. Т. 2.
5. Номоконов В. А. Новые информационные технологии в борьбе с преступностью // Рос. криминол. взгляд. 2005. № 1.
6. Мишль Д. С. О Свободе: антол. мировой либеральной мысли (1-й пол. XX в.) / пер. с англ. А. Н. Неведомского. М., 2000.
7. Дроздов Н. Д. Гражданское общество. Тверь, 2008.

Bibliography

1. Federal law of December 25, 2008 № 273-FZ «On combating corruption» // Russian newspaper. 2008. December 30.
2. Federal law of July 21, 2014 № 212-FZ «On fundamentals of public control in the Russian Federation» // Russian newspaper. 2014. July 28.
3. Sapronov S. V. Research of features and the classification of types of corruption in public authorities // Business in law. Moscow, 2013.
4. Pidgacov A. Yu. Classification of corruption and its research // Overcoming corruption – the main condition for the legal approval of the state: methodological, conceptual and theoretical, legal, analytical and prognostic aspects: the interdepartmental scientific collection. Moscow, 2010. T. 2.
5. Nomokonov V. A. New information technologies in the fight against crime // Russian criminological look. 2005. № 1.
6. Mill D. S. «On Liberty»: the anthology of world liberal thought (I half of XX century) / translation from English A. N. Nevedomsky. Moscow, 2000.
7. Drozdov N. D. Civil society. Tver, 2008.

© 2016 г. И. С. Нистратова,

адъюнкт Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань).
E-mail: irinka1989_@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, БОЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В статье рассматриваются организационно-правовые проблемы медицинского обеспечения осужденных к лишению свободы, больных социально значимыми заболеваниями, а также направления по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства и практики исполнения лишения свободы в отношении данной категории осужденных.

Ключевые слова: медицинское обеспечение осужденных, исправительные учреждения, места лишения свободы, социально значимые заболевания, пенитенциарная медицина, уголовно-исполнительная система, больные осужденные.

I. S. Nistratova – Adjunct, Academy of Law and Management of Federal Penal Service (Ryazan).

PROBLEMS OF MEDICAL SUPPORT OF PERSONS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY, PATIENTS WITH SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES

The article is devoted to the organizational and legal problems of medical support of persons with socially significant diseases sentenced to deprivation of liberty. The guidelines for improving penal legislation and practice of executing custodial sanctions with regard to this category of convicts are outlined.

Key words: medical support of convicts, correctional institutions, prisons, socially significant diseases, prison medicine, penal system, prisoners with health problems.

Медицинское обеспечение осужденных представляет собой комплексную систему оказания лечебной, профилактической, санитарно-эпидемиологической помощи, предоставляемой на основе норм уголовно-исполнительного, социального, трудового и иного законодательства Российской Федерации с целью создания условий для нормальной жизни, а также более успешного достижения профессионально-целевых задач во время отбывания наказания, таких как обеспечение режима в местах лишения свободы, оказание исправительного воздействия на осужденных, предупреждение совершения ими новых преступлений, способствующих успешной адаптации после освобождения.

В контексте проблем, обозначенных тематикой статьи, задачи исправительных учреждений заключаются в минимизации отрицательного воздействия изоляции от общества на здоровье осужденных, принятии мер по охране здоровья и созданию возможностей для их реабилитации.

Сохранение прав осужденных в области их медицинского обеспечения в соответствии с рекомендациями, содержащимися в основополагающих международных документах, яв-

ляется выражением принципов гуманизма и социальной справедливости в уголовно-исполнительном праве. В связи с тем, что здравоохранение в исправительных учреждениях выступает составной частью общественного здравоохранения, оно может оказывать глубокое воздействие как на здоровье осужденных, так и на полноценное функционирование пенитенциарной системы. Осужденные не только имеют право на гарантированную Конституцией РФ охрану своего здоровья, но и существенно влияют на общую ситуацию в государстве.

Материально-бытовые условия содержания заключенных играют значительную роль в функционировании пенитенциарной системы, влияют на оперативно-режимную обстановку в исправительных учреждениях, воспитательную работу с осужденными, культурно-просветительную деятельность. Человек, попадая в условия строгой изоляции от общества, становится наиболее уязвим: особое значение для него приобретают питание, вещевое обеспечение, жилищно-бытовое и медицинское обслуживание [3, с. 16].

Приоритетным национальным проектом «Здоровье» – программой по повышению ка-

чества медицинской помощи, объявленной Президентом РФ В. В. Путиным, стартовавшей 1 января 2006 года в области здравоохранения, определены ключевые задачи развития этой отрасли. Особое внимание уделено укреплению первичного медицинского звена, доступности качественной медицинской помощи. Однако проблемы ведомственной медицины, к которой относится и пенитенциарное здравоохранение, в последнее время являются особо актуальными.

Медико-санитарная помощь в исправительных учреждениях призвана решать широкий спектр проблем. У осужденных выше вероятность наличия практически любой проблемы, связанной со здоровьем, чем среди населения в целом, большинство клинических состояний, как правило, представлено в исправительных учреждениях. На некоторые состояния могут оказывать влияние (часто в сторону ухудшения) условия изоляции от общества, например состояние тревоги, депрессия, и другие проблемы психического здоровья.

В настоящее время проблемные вопросы работы медицинской службы уголовно-исполнительной системы являются особенно значимыми. Одна из них непосредственно связана со сложившейся ситуацией с комплектованием медицинских подразделений исправительных учреждений квалифицированными специалистами [1, с. 113], которая становится все более напряженной. Не хватает врачей по узким медицинским специальностям. Наибольший некомплект имеет место в территориальных органах уголовно-исполнительной системы, расположенных в мегаполисах, прежде всего в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В указанных выше и ряде других субъектов Российской Федерации (Владимирская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская и прочие области) кадровая проблема принимает поистине угрожающий характер. Сохраняется устойчивая тенденция к оттоку квалифицированных сотрудников. Если не предпринимать срочных мер в данном направлении, эта тенденция может в дальнейшем привести к ухудшению качества медицинской помощи и потере контроля над эпидемиологической ситуацией в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Тяжелые условия работы медиков в исправительных учреждениях и повышенный

риск инфицирования возбудителями опасных заболеваний также не способствуют привлекательности профессиональной деятельности пенитенциарного врача. Безусловно, работники исправительного учреждения чаще других вступают в контакт с больными туберкулезом, гепатитами, с носителями ВИЧ-инфекции и т. п.

Следующая проблема, с которой сталкивается уголовно-исполнительная система, – географический фактор: большинство исправительных колоний находится вне областных центров и крупных городов, что обуславливает отсутствие благ цивилизации и соответственно малую привлекательность работы в пенитенциарных учреждениях. Следует обратить внимание на сложности в поддержании и повышении квалификации врачей, работающих в исправительных учреждениях, возникающие из-за существенного сужения круга специалистов, с которыми возможен обмен профессиональными навыками, неразвитости коммуникационных ресурсов, трудностей, связанных с выездом для участия в научных форумах, ограничения доступа к специализированным библиотечным фондам.

Кроме того, актуальной проблемой медицинского обеспечения уголовно-исполнительной системы является слабость взаимосвязи пенитенциарного здравоохранения и системы общественного здравоохранения.

Необходимо отметить несовершенство системы передачи медицинской информации между пенитенциарными учреждениями и общественным здравоохранением. Это существенная проблема в организации непрерывности проводимых лечебных и профилактических мероприятий в отношении освобождающихся из мест лишения свободы, которые могут стать источником распространения социально значимых заболеваний в обществе. В связи с этим целесообразно непрерывно в части оказания медицинской помощи осужденным поддерживать взаимодействие медицинских служб уголовно-исполнительной системы и территориальных органов здравоохранения [5, с. 186].

В силу объективных причин в учреждениях уголовно-исполнительной системы в наибольшей степени концентрируются группы населения, страдающие социально значимыми заболеваниями: 61 125 человек с установленным диагнозом ВИЧ-инфекции, 24 989

больных активным туберкулезом. Основными причинами смерти являются: ВИЧ-инфекция – 37,2 % среди всех случаев смерти от заболеваний; болезни системы кровообращения – 33,8 %; онкологические заболевания – 11,2 %; ВИЧ-инфекция в сочетании с туберкулезом – 8,4 %. Более 40 % лиц, находящихся в местах лишения свободы, имеют несколько заболеваний (наркомания + гепатит, алкоголизм + психопатия и т. д.) [4, с. 25].

Необходимо отметить, что почти в каждой стране имеются национальные стандарты по ведению больных, включающие в себя широкий спектр заболеваний. Лечение пациентов в соответствии с этими стандартами приводит к снижению заболеваемости, инвалидности и смертности по многим заболеваниям. Однако внедрение данных стандартов в пенитенциарную систему России представляет значительные трудности. Одним из основных препятствий является структура медицинской службы уголовно-исполнительной системы, аналога которой в общественном здравоохранении не существует: в медицинской части исправительного учреждения осуществляется амбулаторный прием, стационарное лечение, специализированная помощь (психиатрическая, фтизиатрическая), неотложная помощь, а также ведется ведомственный санитарный надзор. При таком объеме медико-санитарного обеспечения существующая структура материально-технического оснащения, штатное расписание медицинской части, а также недостаточное финансирование не позволяют в полной мере придерживаться медико-экономических стандартов, принятых в Министерстве здравоохранения РФ. Таким образом, с учетом мирового опыта механическое перенесение существующих медико-экономических стандартов Минздрава России в деятельность медицинской службы УИС представляется нецелесообразным.

Сегодня активно обсуждается проблема приближения уровня финансирования объемов медицинской помощи в уголовно-исполнительной системе к показателям общественного здравоохранения. Однако ситуация, связанная с материально-техническим обеспечением медицинской службы, в некоторых регионах остается удручающей. Внутренних ресурсов ФСИН России не хватает для того, чтобы сразу решить все накопившиеся проблемы. Между тем гражданское здравоохра-

нение развивается на основе государственных программ с привлечением всех доступных источников – федерального бюджета, бюджета субъектов РФ, средств фондов медицинского и социального страхования, внебюджетной деятельности. С учетом превалирования экономической составляющей в реализации проводимых программ помимо врачей участвуют специалисты в области экономики, юриспруденции, управления персоналом многочисленных департаментов Министерства здравоохранения Российской Федерации. Потенциал ФСИН России в данном направлении существенно уступает возможностям Минздрава России.

Именно поэтому начиная с 2009 года ФСИН России неуклонно проводит работу по созданию системы пенитенциарного здравоохранения, приближенной по структуре к гражданскому сектору, для чего тюремной медицине нужно меняться самой, развиваясь в русле процессов, происходящих в сфере охраны здоровья в нашей стране.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что в подчиненные УФСИН России учреждения поступает большое число лиц, ВИЧ-инфицированных и страдающих наркоманией, гепатитом В и С. Если в 1994 году в местах лишения свободы содержались всего семь таких больных, то в 2002 – уже более 36 тысяч. В настоящее время их количество составляет более 70 тысяч [7].

Сложной проблемой уголовно-исполнительной системы является отношение здоровых осужденных к ВИЧ-инфицированным. Малая осведомленность о характере заболевания, ориентирование на слухи, некорректная информация в средствах массовой информации формируют негативное, нетерпимое отношение к таким осужденным. Поэтому необходима реализация программ обучения как сотрудников уголовно-исполнительной системы, так и осужденных по вопросам профилактики ВИЧ-инфекции.

Актуальной проблемой остается недоверие ВИЧ-инфицированных к высокоактивной антиретровирусной терапии – лечению, назначаемому пожизненно, непрерывным курсом, что связано с низкой информированностью пациентов, психологическими проблемами человека, которому необходимо преодолеть тревогу, страх, стресс, обрести чувство уверенности и безопасности. Следует осуществлять разъяснительную работу среди осу-

жденных, оказывать психологическую помощь ВИЧ-инфицированным. Готовность пациента к лечению ВИЧ-инфекции – это, в первую очередь, залог снижения распространения инфекции в обществе.

Существует проблема психологического плана – искалеченные судьбы осужденных, многие из которых узнают о наличии ВИЧ-инфекции во время медицинского обследования в исправительном учреждении. Некоторые из них по этой причине после освобождения не могут вернуться домой, становятся ненужными своим родным и близким.

Сегодня назрела необходимость обсуждения проблемы, связанной с созданием для данной категории осужденных специализированных центров, в которых они могли бы жить, проходить полный курс лечения, получать образование и работать. Трагедия для носителей ВИЧ-инфекции заключается также в том, что лечение нельзя прерывать, поскольку со временем вирус приобретает большую устойчивость и бороться с ним становится гораздо сложнее.

Туберкулез входит в число социально значимых заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Серьезная проблема возникает тогда, когда срок заключения больного туберкулезом заканчивается раньше положенного срока лечения, в этом случае человек представляет опасность для общества. К сожалению, закон о принудительном лечении больных туберкулезом в России отсутствует. Поэтому когда заключенный выходит из тюрьмы и вновь начинает вести асоциальный образ жизни, он становится распространителем инфекции. Так, по статистике, до 30–35 % больных туберкулезом, освободившись из мест лишения свободы, оказываются вне поля зрения медучреждений.

Нередко осужденные отказываются от назначенного им лечения, ссылаясь на его неэффективность и побочные эффекты от лекарств. В действительности, отказываясь от лечения, заключенные рассчитывают на то, что тяжелая форма туберкулеза даст им возможность выйти на волю по состоянию здоровья, получить нужную группу инвалидности, усиленное питание и соответствующую финансовую поддержку от государства. В результате у этих осужденных возникает риск развития запущенной формы туберкулеза. Данная форма заболевания является крайне

опасной для здоровья, приводит к необратимым изменениям в организме и в большинстве случаев при отсутствии должного лечения приводит к летальному исходу. Поэтому следует разрешить в пенитенциарных больницах помещение осужденных в штрафные изоляторы и помещения камерного типа, не только за нарушения и злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания, но и за невыполнение режима лечения [6, с. 304].

В настоящее время в рамках проекта борьбы с туберкулезом, финансируемого Международным банком реконструкции и развития, для уголовно-исполнительной системы осуществлена закупка и поставка новейших лекарственных препаратов, рентгеновской, флюорографической аппаратуры, оборудования для бактериологических и клинико-диагностических лабораторий. Распирается участие ФСИН России в Федеральной целевой программе «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера».

Руководство уголовно-исполнительных учреждений должно обеспечивать организацию и проведение комплекса противотуберкулезных мероприятий, в том числе санитарно-просветительную работу по вопросам профилактики туберкулеза, его выявления на ранней стадии и контролируемого лечения больных туберкулезом. Следует отметить, что в последнее время происходит незначительное улучшение ситуации: количество больных туберкулезом в стране уменьшается, уровень заболеваемости и смертности в российских исправительных учреждениях также снижается.

В местах лишения свободы требуется организация прогнозирования и предупреждения ситуаций, связанных с распространением туберкулеза, создающих опасность для осужденных; определение эффективности методик работы с больными туберкулезом на основе опыта зарубежных и российских исправительных учреждений. В особой защите нуждаются сотрудники исправительных учреждений, работающие в непосредственном контакте с осужденными, больными открытой формой туберкулеза.

Достаточно серьезной проблемой остается пребывание в местах лишения свободы лиц с психическими расстройствами. В настоящее время количество лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, имеющих психические отклонения, увеличивается [6, с. 3]. Боль-

шая распространенность психических расстройств среди осужденных во всем мире объясняется, с одной стороны, высокой вероятностью психических расстройств у лиц с криминальным поведением, а с другой стороны, сокращением коечного фонда психиатрических стационаров, ростом числа осужденных, поскольку деинституционализация социально дезадаптированных людей привела к их массовому притоку в пенитенциарные учреждения. Так, на 1 января 2016 года в диспансерном наблюдении у психиатра пенитенциарной системы нуждалось более 40 % осужденных [7]. Многие больные потенциально опасны, так как предоставляемое им лечение является недостаточным. Обстановка изоляции от общества усугубляет болезни, в исправительных учреждениях катастрофически не хватает психиатров. Ежегодно в исправительных колониях в среднем регистрируется 20–50 случаев самоповреждений. Обычно это связывается с широкой распространенностью психической патологии, а также с манипулятивными попытками заключенных. Нередко встречаются случаи, связанные с попытками совершения самоубийства осужденными. Их опасность заключается в том, что такие действия часто приводят к разрушению здоровья. Сложность условий отбывания наказания, психологический стресс, вызванный лишением свободы, неблагоприятная социальная обстановка также провоцируют суицидальные проявления. Исследования показывают, что влечение к смерти может быть одним из симптомов депрессии. Для решения данной проблемы необходима реализация государственных программ по ликвидации причин, побуждающих людей к самоубийству или членовредительству.

Однако имеют место и проявления демонстративно-шантажного поведения. Личностный смысл подобных попыток состоит в оказании психологического давления на других осужденных, администрацию учреждения или конкретного сотрудника с целью изменения конфликтной ситуации в благоприятную для суицидента сторону (разжалобить, вызвать сочувствие, избавиться от неприятностей и т. д.).

Таким образом, высокий уровень приобретенных психических аномалий, таких как «личность осужденного», существенно затрудняет воспитательный и лечебный эффект исправительных программ, что требует использования новых подходов. Осужденные с

психическими расстройствами личности негативно относятся к любому воспитательному и терапевтическому процессу, не доверяют специалистам, часто отказываются от продолжения коррекции и лечения, даже в случае добровольного обращения за помощью. Данное обстоятельство требует дальнейшего развития психологической и психиатрической служб ФСИН России и оптимизации их взаимодействия с другими пенитенциарными службами и лечебно-профилактическими учреждениями гражданского здравоохранения.

Должное внимание в работе по охране здоровья осужденных следует уделять развитию физической культуры и спорта, мероприятиям по оснащению исправительных учреждений спортивным инвентарем, выделению территории для занятий спортом, а также обеспечению соблюдения требований техники безопасности на рабочих местах в производственных зонах.

Существующее в мире разнообразие пенитенциарного здравоохранения свидетельствует о том, что универсального решения проблем, связанных с оказанием медицинской помощи в местах лишения свободы, скорее всего, не существует. То, что практикуется в одной стране, по разным причинам невозможно в другой. Это определяется как общим уровнем развития здравоохранения в том или ином государстве, так и специфическими особенностями национальных пенитенциарных систем. Можно констатировать, что сегодня большинство национальных медицинских служб комбинируют в своей структуре элементы различных моделей. Во многих развитых странах мира этот процесс начался примерно 25–30 лет назад, накоплен достаточный опыт проведения подобных реформ, поэтому, безусловно, целесообразно изучение достигнутых ими результатов.

Очевидно, что для решения проблем, связанных с медицинским обеспечением осужденных, необходимы комплексные меры, направленные на реформирование всей системы медицинского обслуживания осужденных на всех уровнях, включая законодательный [1, с. 114]. Учет состояния здоровья при исполнении лишения свободы должен быть максимальным, так как осужденный является активным субъектом исправительного процесса [2, с. 31].

Подводя итог, следует отметить, что проблемы в деятельности медико-санитарной

службы уголовно-исполнительной системы накапливались десятилетиями. Во многом они обусловлены недостаточными ресурсами, материально-техническим, финансовым, кадровым обеспечением медицинских служб учреждения на фоне высокого уровня заболеваемости поступающего спецконтингента, высокой концентрацией в местах лишения свободы лиц, больных социально значимыми заболеваниями. Это ведет к нехватке медицинского оборудования, препаратов, персонала, несоблюдению санитарных и противоэпидемических требований. Усугубляется ситуация и субъективным отношением осужденного к своему здоровью как меры качества жизни в

местах лишения свободы. В структуре ценностей осужденных вопросы состояния здоровья могут занимать второстепенное место, что иногда ведет к утилитарному стремлению использовать медицинские программы лишь для получения определенных льгот. Следовательно, реформирование пенитенциарной медицины в русле обновления исправительной системы в целом следует направить на исправление осужденных таким образом, чтобы они проявили уважение к собственному здоровью и здоровью окружающих в рамках формирования правопослушного поведения, являющегося целью исполнения наказания (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

Литература

1. Воронин Р. М. Организационно-правовые аспекты охраны здоровья осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2.
2. Крымов А. А., Скиба А. П. Исполнение лишения свободы в отношении больных осужденных: моногр. / под общ. ред. Ю. А. Капубы. Рязань, 2015.
3. Михеенков Е. Г. Материально-бытовые условия содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях на территории Западной Сибири в эпоху нэпа // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 8.
4. Пономарев С. Б., Аверьянов Е. Л. ВИЧ и туберкулез в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 8.
5. Скиба А. П. Негосударственные места лишения свободы и проблемы оказания медицинской помощи осужденным в России: история и современность: моногр. / под общ. ред. Ю. А. Капубы. Ростов н/Д, 2010.
6. Скиба А. П. Пенитенциарные больницы (организационно-правовые и исторические аспекты). Улан-Удэ, 2007.
7. Медицинское обеспечение. URL: <http://фин.рф/activity/medical/>

Bibliography

1. Voronin R. M. Organizational and legal aspects of health protection of prisoners kept in the institutions of the penal system // Penal law. 2012. № 2.
2. Krymov A. A., Skiba P. A. Execution of imprisonment with regard to sick prisoners: monograph / chief ed. Y. A. Kashuba. Ryazan, 2015.
3. Miheenkov E. G. Living conditions of prisoners in penitentiary institutions on the territory of Western Siberia in the era of NEP // Vedomosti of the penal system. 2015. № 8.
4. Ponomarev S. B., Averyanov E. L. HIV and tuberculosis in penitentiary system // Vedomosti of the penal system. 2015. № 8.
5. Skiba A. P. Private prisons and the provision of medical assistance to convicts in Russia: History and modernity: monograph / chief ed. Y. A. Kashuba. Rostov-on-Don, 2010.
6. Skiba A. P. Prison hospitals (legal and historical aspects). Ulan-Ude, 2007.
7. Medical support. URL: <http://fsin.rf/activity/medical/>

© 2016 г. О. М. Иванова,

адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
Тел.: 8 (960)311-23-75.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ

В статье проанализированы уголовно-правовые нормы о мошенничестве, содержащиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Затронуты проблемные вопросы, возникающие в теории и на практике по поводу внесенных Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ поправок в уголовный закон.

Ключевые слова: преступления, собственность, мошенничество, уголовный закон, общие и специальные нормы.

О. М. Ivanova – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THE ISSUE OF IMPROVING THE CRIMINAL LAW OF FRAUD

The article analyzes the criminal law standards of swindling containing in the Criminal Code of the Russian Federation. The problematic issues, arising in the theory and practice with regards to the amendments of the criminal law made with the Federal Law № 207-FZ of November 29, 2012, are discussed.

Key words: crimes, property, swindling, criminal law, general and special provisions.

Исследование истории российского уголовного закона о мошенничестве показывает, что впервые на законодательном уровне понятие «мошенничество» было определено в УК РСФСР 1922 года как получение с корыстной целью имущества или права на имущество путем злоупотребления доверием или обмана. Кроме того, в нем впервые было дано определение обмана, который выражался как в действиях, так и в бездействии, направленных на введение в заблуждение потерпевшего.

Следует отметить, что уголовные законы стран Содружества Независимых Государств также содержат нормы об ответственности за мошенничество, которое в российском понимании в большинстве кодексов трактуется одинаково. Правда, признак злоупотребления доверием в Уголовном кодексе Литовской Республики не указан. В качестве специфического обстоятельства необходимо отметить, что некоторые страны СНГ обязательным условием возбуждения уголовного дела за совершение простого мошенничества в отношении близкого выделяют заявление потерпевшего или его близких родственников (Армения, Беларусь). Положительным моментом уголовного законодательства Беларуси является то, что за совершение простого мошенничества преступник может быть освобожден от уголовной ответственности. Условиями освобождения преступника от уголовной ответственности являются: 1) явка с повинной в правоохранительные органы; 2) актив-

ное способствование выявлению преступления; 3) полное возмещение причиненного ущерба. Думается, что данные положения, безусловно, подлежат инкорпорации в Уголовный кодекс РФ.

Исследование уголовно-правовых признаков ст. 159 УК РФ «Мошенничество» продолжается и по сей день, они не раз становились предметом обсуждения со стороны видных теоретиков и практиков, поэтому мы не будем останавливаться на подробном анализе указанной нормы. Считаем необходимым лишь отметить тот факт, что на сегодняшний день по числу совершенных преступлений против собственности мошенничество находится на третьем месте, это свидетельствует о крайне неблагоприятной динамике их развития. С момента вступления в силу Уголовного кодекса РФ 1996 года количество мошеннических действий увеличилось в несколько раз. Для сравнения следует указать, что в 1997 году было зарегистрировано 77 763 преступления, а в 2006 году их число возросло практически в 3 раза и составило 225 326 преступлений. В последующем же, начиная с 2007 года, их динамика приобрела тенденцию к снижению. Например, в 2014 году зарегистрировано всего 160 214 преступлений, но и они более чем в 2 раза превышают статистические данные 1997 года.

Итак, Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ [5], наделавшим много шума, не только изменена и дополнена ст. 159 УК РФ, но и порождено целое семейство норм

об ответственности за различные виды мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ). В дополнение к основному составу мошенничества криминализованы и внесены в действующий Уголовный кодекс РФ такие, как: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4).

В последующем в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 года № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [2] ст. 159.4 УК РФ с 12 июня 2015 года утратила силу, а уголовную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности с указанной даты представляется логичным квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Вместе с тем деяния, подпадающие под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, совершенные до 12 июня 2015 года, целесообразно квалифицировать не по ст. 159 УК РФ, устанавливающей за них более строгое наказание, а по ст. 159.4 УК РФ.

В изученном нами уголовном законодательстве стран СНГ и дальнего зарубежья такое деление мошенничества по отраслям человеческой деятельности отсутствует. Однако Уголовный кодекс КНР, принятый 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 14 марта 1997 года и вступивший в силу 1 октября 1997 года, выделяет в качестве самостоятельных составов преступлений накопление капитала мошенническими противозаконными способами в целях незаконного владения данным капиталом в сравнительно крупном размере (ст. 192), получение в банке или иной финансовой организации мошенническим путем кредита на сравнительно крупную сумму в целях незаконного владения капиталом (ст. 193), осуществление мошеннической деятельности с финансовыми векселями (ст. 194), с аккредитивами (ст. 195), с кредитными карточками в сравнительно крупном размере (ст. 196), осуществление мошеннических действий с использованием фальсифицированных, поддельных государственных облигаций и иных

выпущенных государством ценных бумаг в сравнительно крупном размере (ст. 197), мошенничество в области страхования в сравнительно крупном размере (ст. 198), хищение специальных квитанций об уплате НДС или других квитанций, которые могут быть использованы для возврата обманным путем экспортной пошлины и для компенсации (возврата) налогов (ст. 210) [1]. Китайский законодатель, так же как и российский, выделил их в отдельные статьи с целью придания значимости указанным составам ввиду распространенности их совершения и общественной опасности.

Представляется, что основанием дифференциации уголовной ответственности за различные формы проявления мошеннических действий являются объекты преступных деяний, указанные в вышеперечисленных нормах и совпадающие со сферами деятельности, например банковской, ипотечной, страховой. Однако имеются отрасли, в которых также совершается мошенничество, причем весьма изощренными способами и с большим размахом. Это и здравоохранение, и ЖКХ, и строительство, и образование, и другие не менее важные сферы деятельности, касающиеся большинства граждан Российской Федерации. В связи с этим возникает вопрос к законодателю: почему не были выбраны данные сферы деятельности? Были ли проведены как криминологические, так и социологические исследования по обоснованию принятого решения в отношении обстоятельств совершения правонарушений и их криминализации?

Для уяснения выдвигаемых предположений обратимся к приемам логического анализа. Известно, что специальные нормы вводятся либо с целью усиления ценности охраняемого объекта или изменения наказания в сторону его ужесточения. Думается, что для большинства граждан страны выбранные законодателем сферы деятельности вряд ли являются значимыми, в отличие от страховых компаний, предпринимателей, банков. Конечно, банкир несколько лучше чувствует себя, когда в Уголовном кодексе РФ имеется норма, защищающая его интересы. Использование государственных средств защиты более эффективно, чем самостоятельное осуществление защиты своих нарушенных прав. В первом случае речь идет о возбуждении уголовного дела правоохранительными органами и его расследовании, а во втором – защита будет осуществляться своими силами путем

привлечения высококвалифицированных юристов, требующих больших материальных затрат. Зачастую гражданские или арбитражные процессы затягиваются на годы, а время, как известно, – деньги. Поэтому невольно возникает мысль о том, что принятие новых норм о специальном мошенничестве есть лоббирование чьих-то интересов.

Что касается «ужесточения» санкций, предлагаемых законодателем для правоприменения специальных норм, то при сравнении санкций частей 1 ст. 159 и ст. 159.1–159.6 УК РФ складывается следующая картина: практически во всех частях 1 специальных норм установлены такие же сроки наказания, как и в части 1 основного состава, и все преступления отнесены к категории преступлений небольшой тяжести. В части 2 указанных статей максимальное наказание в виде лишения свободы предусмотрено, как и в общей части 2 ст. 159 УК РФ, и все преступные деяния отнесены к преступлениям средней тяжести. Кроме того, ч. 3 ст. 159 УК РФ относится к тяжким преступлениям, а ч. 3 ст. 159.1–159.6 УК РФ – к преступлениям средней тяжести. Санкции части 4 всех норм о мошенничестве одинаковые.

Следовательно, санкции общей нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, строже, чем за совершение специальных его видов. Отсюда следует, что и вторая вероятная цель введения специальных норм о мошенничестве оказалась провальной.

Весьма противоречивыми являются и положения, содержащиеся в примечании к ст. 159.1 УК РФ, в котором определены крупный и особо крупный размеры ущерба: стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей и шесть миллионов рублей соответственно, относящиеся только к специальным нормам, за исключением ст. 159.2 УК РФ. Однако особо крупный и крупный размеры ущерба, определенные в примечании к ст. 158 УК РФ, составляют свыше двухсот пятидесяти тысяч и один миллион рублей соответственно. Данные положения примечания к ст. 158 УК РФ касаются всех преступлений главы 21 УК РФ, за исключением ст. 159.1, 159.3–159.6. Так, например, при совершении мошенничества в сфере кредитования на сумму 1 500 000 рублей деяние следует квалифицировать по ч. 1, а не по ч. 3 ст. 159.1 УК РФ, так как сумма ущерба не превышает 1 500 000 рублей. Таким образом, путем введения примечания к ст. 159.1

законодатель существенно смягчил уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 159.1, 159.3–159.6 УК РФ.

Как уже отмечалось, в примечании к ст. 159.1 УК РФ законодателем не предусмотрена ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество» при получении выплат». На этот счет существует особое мнение, заключающееся в том, что при совершении указанного вида мошенничества в крупном или особо крупном размерах ущерб причиняется бюджету Российской Федерации. В связи с этим можно предположить, что законодателем снова предпринята попытка дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вида собственности: частной или государственной, с ужесточением последней. Вообще, при сравнении диспозиций и санкций ст. 159 и 159.2 УК РФ видится мало различий. Только в диспозиции ч. 2 ст. 159.2 УК РФ упоминается один квалифицирующий признак – «по предварительному сговору», а в ч. 4 указано, что преступление будет считаться совершенным организованной группой либо в особо крупном размере только в случае совершения простого мошенничества (ч. 1) либо особо квалифицированного (ч. 3). А разве не может быть совершено мошенничество группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере? Думается, что может. Тем не менее законодателем такой вероятный случай на практике не учтен.

Итак, из анализа примечаний к ст. 158 и 159.1 УК РФ следует, что законодатель, сам того не подозревая, уже давно делит размер ущерба в зависимости от того, кому он причинен. Так, мы установили три категории потерпевших лиц: 1) физическое лицо (ст. 159 УК РФ); 2) юридическое лицо (ст. 159, 159.1, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ); 3) государство (ст. 159.2 УК РФ). Таким образом, ст. 159 УК РФ является как бы общей нормой, защищающей интересы всех указанных групп потерпевших, в случаях, если преступления совершены не в сферах, обозначенных в ст. 159.1–159.6 УК РФ. Здесь опять наблюдается нарушение конституционного права на защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности (ст. 8 Конституции РФ), что, на наш взгляд, является абсолютно не допустимым. Думается, решение здесь может быть только одно: предусмотреть примечание к главе 21 УК РФ, где будут указаны размеры ущерба для физических и юридических лиц. Только после предоставления всем категориям потер-

певших внутри групп равных условий можно будет говорить об эффективности уголовно-правовой защиты их интересов.

Наличие в Уголовном кодексе РФ ст. 159.2 также является вряд ли обоснованным, так как ее положения практически дублируют положения ст. 159 УК РФ. Кроме того, здесь законодатель снова смягчает уголовную ответственность путем запутывания правоприменителя, используя средства и способы юридической техники. Аналогичные выводы напрашиваются и при сравнении ст. 159 и 159.1 УК РФ.

При рассмотрении диспозиций ст. 159 и ст. 159.1–159.6 УК РФ также можно отметить определенные сходства и различия в объективной стороне их характеристики. Так, в диспозициях ст. 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ мошенничество определено только как хищение чужого имущества. В ст. 159.6 УК РФ мошенничество в сфере компьютерной информации трактуется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество. Представляется, что диспозиции специальных норм о мошенничестве практически повторяют положения общей нормы (ст. 159 УК РФ), следовательно, ничего нового ни в практику, ни в теорию они добавить не могут. Вместе с тем без уголовно-правовой оценки остаются мошеннические действия, совершенные с использованием статуса юридического лица, его реквизитов [3], и другие аспекты, которые действительно требуют адекватного законодательного вмешательства.

Кроме того, на практике возникают дополнительные проблемы разграничения специальных видов мошенничества и общей ст. 159 УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений

отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Следовательно, необходимо применять специальные нормы о мошенничестве. Но возможны и другие варианты, когда действия преступника, казалось бы, и совпадают с указанными в диспозиции одной из статей 159.1–159.6 УК РФ, однако под признаки составов преступлений они не подходят. Тогда необходимо применять общую норму, то есть ст. 159 УК РФ. Возможна и конкуренция норм общей, специальной и специальной, а также специальной и специальной. В этих случаях также необходимо применять ту норму, которая охватывает все признаки совершенного преступления.

В момент принятия Уголовного кодекса РФ 1996 года существовал только один состав о мошенничестве, включающий все способы совершения преступления. Однако со временем на практике стали возникать все новые и новые способы совершения мошенничества, например с использованием компьютерных технологий или в различных сферах, которые для правоприменителя могли быть не совсем понятными. Так, цель принятия Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ заключалась именно в снижении числа ошибок и злоупотреблений при возбуждении уголовных дел о мошенничестве, способствовании повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного [4]. Обозначенные ошибки правоприменителей, на наш взгляд, можно устранить путем предоставления Верховным Судом РФ полных комментариев о практике применения нормы ст. 159 УК РФ, которые должны регулярно пополняться в зависимости от появления новых способов мошенничества.

Литература

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://law.edu.ru>
2. Вестн. Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.
3. Иванов М. Г., Каныгин В. И. Преступления против собственности: науч.-практ. коммент. Н. Новгород, 2004.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru>
5. Собр. законодательства Российской Федерации от 03.12.2012. № 49. Ст. 6752.

Bibliography

1. Criminal Code of the People's Republic of China. URL: <http://law.edu.ru>
2. Gazette of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2015. № 2.
3. Ivanov M. G., Kanygin V. I. Crime Against Property (Scientific Practical Commentary). N. Novgorod, 2004.
4. Project Summary of the Federal Law «On Amendments Being Made to the Criminal Code of the Russian Federation and Other Laws of the Russian Federation». URL: <http://base.consultant.ru>
5. Official Gazette of the Russian Federation of December 3, 2012 № 49. Art. 6752.

© 2016 г. А. Н. Дудниченко,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.

E-mail: ms.dan76@mail.ru

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена рассмотрению теоретических и методологических основ использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автором анализируются имеющиеся в юридической литературе взгляды на дефиницию понятия «специальные знания». Рассматриваются общие положения использования специальных знаний на различных этапах расследования преступлений данной категории.

Ключевые слова: специальные знания, расследование преступлений, дорожно-транспортное происшествие, нарушение правил дорожного движения, эксперт, специалист.

A. N. Dudnichenko – Adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

GENERAL THEORETICAL AND METHODOLOGICAL STATUS OF USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

The article discusses the theoretical and methodological bases of use of special knowledge at investigation of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles. The author analyzes existing in the legal literature views on the definition of the concept of «specialized knowledge». We consider the general situation of use of special knowledge in various stages of investigation of crimes in this category.

Key words: special knowledge, investigation of crimes, traffic accident, traffic violations, the expert, the specialist.

Технические возможности современных транспортных средств, в том числе способность развивать значительно более высокие скорости (чем того требуют действующие ограничения), при нарушении водителями правил дорожного движения, состоянии улично-дорожной сети, укомплектованность материально-технической базы подразделений Госавтоинспекции, наличие нормативной правовой базы с обязательным закреплением механизмов, обеспечивающих ее эффективность, в том числе посредством применения принуждения, обеспечивающей поддержание безопасности дорожного движения, а также качество подготовки водителей и уровень правовой культуры участников дорожного движения, их правосознание и желание соблюдать ПДД [1, с. 257–261] приводят к совершению дорожно-транспортных преступлений. По данным Госавтоинспекции РФ, за четыре месяца 2016 года в результате дорожно-транспортных происшествий погибли 4 926 человек, получили телесные повреждения различной степени тяжести – 55 749 [2].

Установление механизма дорожно-транспортных преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причинно-следственной связи между действиями подозреваемого в совершении преступления и наступившими последствиями, а также сопряженные с этим сбор, исследование, установление истинности и достоверности доказательств, осложнение расследования такими факторами, как «непонимание либо неверная трактовка очевидцем действий подозреваемого (обвиняемого), ошибки в восприятии наблюдаемых им событий и явлений в одних случаях; забывание с течением времени – в других; подкуп, угрозы, шантаж или иное неправомерное воздействие заинтересованных лиц – в третьих и т. д.» [3, с. 148–152], вызывают необходимость использования специальных знаний при расследовании преступлений данной категории.

В рамках настоящей статьи объектом проводимого исследования стали общие теоретико-методологические положения использования специальных знаний как неотъемлемой

составляющей расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Дефиниция понятия «специальные знания» находит отражение в трудах многих ученых: Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, В. М. Быкова, А. В. Гусева, Е. А. Зайцевой, А. М. Зинина, А. М. Ильина, Ю. Г. Корухова, Л. В. Лазаревой, Е. В. Ломакиной, В. Н. Махова, Ю. К. Орлова, Я. Д. Равенко, М. А. Радионовой, Е. Р. Россинской, Е. В. Селиной, З. М. Соколовского, И. Н. Сорокотягина, Т. Д. Телегиной, Л. Г. Шапиро, А. А. Эйсмана и других, однако на сегодняшний день она незакреплена законодателем в действующих нормативных правовых актах.

Исследуя критерии отнесения знания к категории специального, необходимо отметить, что до настоящего времени не сформулировано фундаментального мнения о том, какие знания следует относить к «специальным». Одним из первых раскрыть дефиницию понятия «специальные знания» попытался А. А. Эйсман, определяя данный вид знаний как «не общеизвестных, не общедоступных и не имеющих массового распространения..., которыми располагает ограниченный круг специалистов» [4, с. 91].

Тем не менее вопрос о корреляции специальных и неспециальных знаний продолжает оставаться дискуссионным. С одной стороны, к специальным не относятся знания, «являющиеся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу, в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством» [5, с. 46]; с другой стороны, развитие научно-технического прогресса способствует переходу в область общедоступных знаний, которыми ранее располагал лишь ограниченный круг специалистов. Согласимся с Е. Р. Россинской в том, что «соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, обусловлено такими факторами, как место и время, уровень развития социума и интегрированность научных знаний в повседневную жизнь человека» [6, с. 22].

По мнению Ю. Г. Корухова, «к специальным знаниям относятся их совокупность в определенной отрасли современной науки, техники или искусства, применяемых в целях доказывания» [7, с. 17–18]. Однако такой подход не включает в область специальных

знаний умения и навыки, что предусматривалось ст. 133.1 УПК РСФСР.

Л. Я. Драпкин, характеризуя понятие «знание» как научную категорию, обращает внимание на то, что «знания представляют собой проверенный практикой результат познания системы закономерных связей и объективной действительности мира, ее верное отражение в мышлении, идеально воспроизведенное в языковой форме» [8, с. 440].

По предложенному З. М. Соколовским определению, отнесение знаний к числу «специальных зависит от того, в границах общего или специального образования изучаются закономерности, решаемые в конкретном случае» [9].

Е. Р. Россинская, раскрывая сущность данного понятия, представляет специальные знания как систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем прохождения специальной подготовки или обретения профессионального опыта и используемых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного судопроизводства [6, с. 32–44].

Зачастую в процессе расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, следователи руководствуются профессиональным и жизненным опытом, однако это может привести к различного рода заблуждениям и оказать негативное влияние на объективность расследования преступления. Во избежание допущения следственных ошибок расследование дорожно-транспортных преступлений необходимо осуществлять с позиции неповторимости и индивидуальности комплекса обстоятельств, повлиявших на совершение дорожно-транспортного происшествия. В связи с этим использование специальных знаний сведущих лиц – неотъемлемая составляющая как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования преступлений данной категории.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет эксперта и специалиста как основных носителей специальных знаний. Также при расследовании рассматриваемой категории преступлений в качестве носителя специальных знаний выступает следователь. При этом необходимо отметить, что эксперты, специалисты обладают знаниями узкой направленности, следователи же владеют общими профессиональными зна-

ниями и ограниченным объемом специальных знаний, которыми овладевают, в том числе проходя обучение в вузе. В процессе профессиональной деятельности происходит кумуляция знаний, часть специальных знаний сведущих лиц переходит в область знаний субъекта доказывания, что, однако, не наделяет его полномочиями, к примеру, самостоятельно проводить автотехническую экспертизу с целью установления механизма дорожно-транспортного происшествия. Поскольку следователь представляет сторону обвинения, выступать в качестве источника доказательств он неправомошен. Однако данные знания могут быть им применены при выдвижении следственных версий, в том числе для исключения возможности инсценировки дорожно-транспортного преступления, составления плана дальнейших следственных действий, формулировки вопросов при назначении судебной экспертизы, а также при подготовке к проведению допросов.

Использование знаний сведущих лиц в расследовании преступлений осуществляется в процессуальной и непроцессуальной формах. При расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, к первой из них относится участие специалистов в производстве следственных действий, назначение и производство судебных экспертиз (судебно-медицинской, судебно-автотехнической, судебно-трасологической, комплексной судебной экспертизы); ко второй – консультационно-справочная деятельность специалиста, оказание технической помощи, проведение предварительных исследований материальных объектов, привлечение к оперативно-разыскным мероприятиям.

Рассматривая непроцессуальную форму использования специальных знаний, необходимо выделить такие виды использования специальных знаний, как консультационная помощь специалиста, которая может быть реализована до начала производства по делу, а также при подготовке к назначению экспертизы, проведении допросов, когда специалист оказывает следователю помощь в определении круга вопросов, выносимых на разрешение эксперта, в правильной их формулировке при оценке заключения эксперта. справочная деятельность включает в себя предоставление справочной информации, относящейся к какой-либо отрасли знания либо основанной на различных криминалистических учетах. Сведения, полученные в

результате применения непроцессуальной формы специальных знаний, в отличие от полученных при использовании специальных знаний в процессуальной форме, не являются доказательствами, но необходимы для принятия верной тактики ведения расследования, выдвижения состоятельных следственных версий и т. д. Специалист на стадии проверки сообщения о преступлении может провести предварительное исследование, например при изучении поврежденных деталей транспортного средства, не имеющих статуса вещественного доказательства, но способных получить данный статус при наступлении определенных процессуальных условий.

Одно из ведущих положений при расследовании дорожно-транспортных преступлений как процессуальная форма использования специальных знаний по праву занимает назначение и производство судебных экспертиз. Данный факт обусловлен тем, что только определив степень тяжести вреда, причиненного здоровью пострадавшего, восстановив механизм дорожно-транспортного происшествия, установив наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) лица, допустившего нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и наступившими негативными последствиями, возможно дать квалификацию дорожно-транспортному происшествию как преступному деянию, определить степень виновности участников ДТП. В соответствии с изменениями, внесенными в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, следователь при рассмотрении сообщения о преступлении в том числе «вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок». При этом ч. 3 ст. 144 предусматривает возможность продления до 30 суток срока проверки сообщения о преступлении и принятия по нему решения «при необходимости производства судебных экспертиз, ... исследований предметов, трупов...» с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления. Одновременно в соответствии с ч. 1. 2 ст. 144 в случае возбуждения уголовного дела законодатель предусматривает возможность для стороны защиты или потерпевшего заявлять ходатайства о производстве повторной либо дополнительной судебной экспертизы, подлежащие удовлетворению.

Участие специалистов необходимо на раз-

личных стадиях расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в частности при выполнении таких следственных действий, как осмотр места дорожно-транспортного преступления, следственный эксперимент, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования. Для этого привлекаются специалисты-криминалисты, судебные медики и другие сведущие лица. Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ в качестве доказательств определяет заключение и показания специалиста, при этом под заключением специалиста понимается «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами».

На сегодняшний день развитие науки и техники, а также стремление к обеспечению всесторонности и объективности процесса расследования преступлений требуют расши-

рения форм использования специальных знаний в уголовном процессе и их законодательного закрепления, это в свою очередь обуславливает необходимость создания единого комплексного подхода к выработке дефиниции понятия «специальные знания» и определения границ данного вида знаний. Упорядочивание норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих формы использования специальных знаний, законодательное закрепление оснований и условий участия сведущих лиц при расследовании преступлений, придание результатам применения специальных знаний доказательственного значения, на наш взгляд, окажут позитивное влияние на деятельность, направленную на своевременное квалифицированное и всестороннее расследование преступлений, в том числе связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Литература

1. Семенов Н. С. О некоторых проблемах применения административного принуждения в целях обеспечения безопасности дорожного движения // *Общество и право*. 2010. № 1.
2. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>
3. Варданян А. В., Казаков В. В. Тактико-криминалистический потенциал проверки показаний на месте и вопросы его реализации в целях повышения результативности расследования незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2015. № 398.
4. Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.
5. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
6. Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // *Журн. рос. права*. 2001. № 5.
7. Корухов Ю. Г. Правовые основы применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974.
8. Драпкин Л. Я. Криминалистика: учеб. М., 2013.
9. Соколовский З. М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968.

Bibliography

1. Semenov N. S. On some problems of application of administrative enforcement in order to ensure traffic safety // *Society and law*. 2010. № 1.
2. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>
3. Vardanyan A. V., Kazakov V. V. Tactical and forensic capability for verification of testimony on site and issues of its implementation in order to improve the efficiency of investigation of illegal interference in business // *Vestnik of Tomsk state University*. 2015. № 398.
4. Asman A. A. The expert's Conclusion (structure and scientific justification). Moscow, 1967.
5. Makhov V. N. The use of knowledgeable individuals in the investigation of crimes. Moscow, 2000.
6. Rossinskaya E. R. Special knowledge and modern problems of their use in legal proceedings // *Journal of Russian law*. 2001. № 5.
7. Korukhov Yu. G. Legal basis for the use of scientific-technical means in the investigation of crimes. Moscow, 1974.
8. Drapkin L. I. Forensic science: textbook. Moscow, 2013.
9. Sokolovsky Z. M. The problem of the use in criminal proceedings of special knowledge in establishing causal connection of phenomena: abstract dis. ... doctor of Law. Kharkov, 1968.